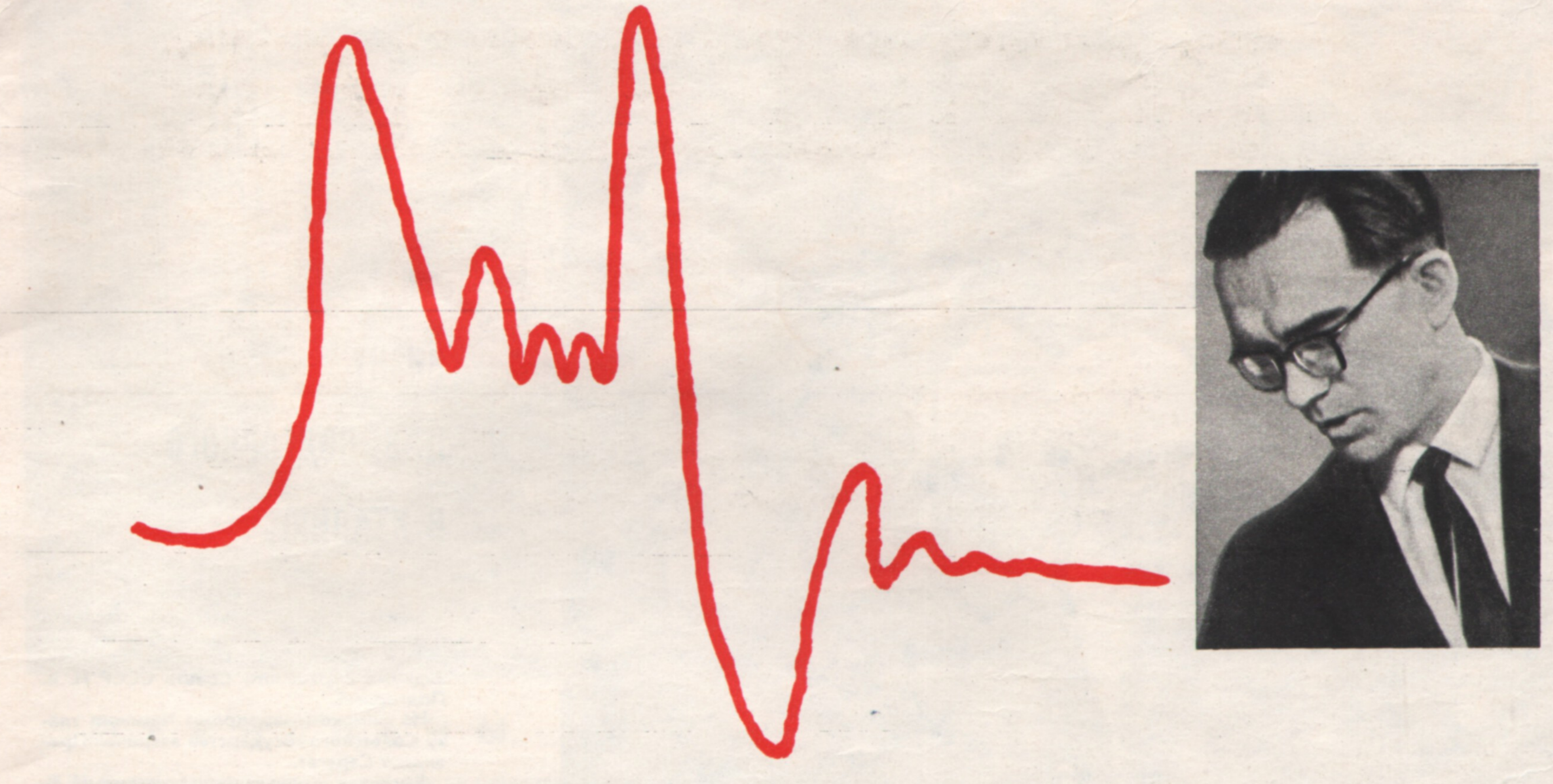

ОГОНЁК
№ 5 ЯНВАРЬ 1967
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
БИТВА НА СНЕЖНЫХ ПРИВАЛАХ
ЗА КРАСНОЙ ЧЕРТОЙ
ПАРИЖСКИЕ НАХОДКИ

РОЖДЕНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО КУМИРА

О ЧЕМ МОЛЧАТ ГОРНЫЕ СКЛАДКИ ❄ ЭЛЕКТРОННОЕ УБЕЖИЩЕ ДЖОКОНДЫ ❄ ИСТОРИЯ ЗЕМЛИ, СЖАТАЯ ДО ЧАСОВ ❄ РОБОТ ПРОИЗНОСИТ «МАМА»

Академик В. М. ГЛУШКОВ, лауреат Ленинской премии

ПИРАМИДЫ И РОБОТЫ

В кибернетику я пришел из теоретической, или, как ее обычно называют, «чистой», математики. Издавна единственным оружием моих коллег были карандаш и бумага. И лишь сравнительно недавно математики стали ощущать, что этого недостаточно.

Несколько лет назад я оппонировал докторскую диссертацию по одному из разделов современной алгебры. Диссертант, анализируя предварительно доказанные им многочисленные тождества, пришел к весьма любопытным выводам. Видимо, заботясь о компактности работы, он эти доказательства опустил, в тексте вместо этого стояло «легко доказать» или «нетрудно убедиться» и затем выводы. Нетрудно? Однако на доказательство каждого тождества у меня уходило полчаса-час. Всего же для проверки диссертации требовалось больше месяца. И тогда я обратился к помощи вычислительной машины, составил алгоритмы доказательств, и машина вывела все тождества за несколько часов.

Казалось бы, за этим фактом не стоит ничего необычного: ведь пользуемся же мы для ускорения расчетов арифмометрами. Но за кажущимся сходством здесь скрывается качественное различие, которое в итоге подводит нас к новой технической революции.

В прошлом веке совершилась первая техническая революция: в жизнь стали широко входить машины, во много раз увеличивающие физическую мощь человека. Разумеется, простейшие механизмы были известны еще древним. Но очень долго технические задачи решались простым сложением единиц «живой силы».

На стройках пирамид работали десятки тысяч рабов, но это не было, как сейчас говорят, массовое строительство. А вот на откачку воды из шахт в прошлом веке, если бы ее проводили вручную, требовалось мобилизовать весь скот и все человечество. И тогда были созданы механические насосы.

В наш век похожее положение складывается в управлении народным хозяйством и в науке. С ростом производства сложность задач управления возрастает примерно в квадрате. Ограниченные же возможности человека по переработке информации уже сдерживают развитие науки, а значит, тормозят и производство.

Есть два выхода из этого положения. Первый — увеличивать число людей, занятых умственным трудом, но тогда к 1980 году планированием должно будет заняться все население страны, а в будущем веке — все человечество. Но это невозможно. Значит, остается второй, единственный выход — автоматизировать большую часть процессов умственного труда.

И люди и машины находятся в мире, заполненном информацией. Ее содержат в себе не только страницы книг или речь человека, но свет луны и шум водопада, шелест листвы и складки горного хребта. Она существует объективно, даже еще не будучи осмысленна, ведь информация — это мера неоднородности распределения материи и энергии в пространстве и во времени, показатель изменений, которыми сопровождаются все протекающие в мире процессы.

У человека пять органов чувств. Это как бы окна, открытые в океан информации. Электронно-вычислительная машина общается с миром посредством цифр и букв. Может ли она, спрашивают нередко, отразить все информационное многообразие мира?

Пять органов чувств — много это или мало? Мы, например, осмысленно не ощущаем магнитного поля, не воспринимаем непосредственно ультразвук. Однако, применяя специальные приборы, мы преобразуем одни сигналы в другие, доступные нашему восприятию. Так что чувств у нас немного, но вполне достаточно для познания мира.

Нечто подобное происходит, грубо говоря, и в электронных машинах, которые человек заставил четко выполнять заданную программу. Машины смогут анализировать получаемую информацию непрерывно, не уставая и, главное, молниеносно. А есть области, где это необходимо.

Из мирового пространства к нам приходят радиосигналы. Некоторые ученые считали, что они посланы внеземной цивилизацией. Разумеется, в принципе это возможно, но как их выявить в том хаосе, который обрушивается на антенны, направленные в космос?

Американцы Дрейк и Уотмен подготовили «проект Озма». Радиотелескоп постоянно принимает сигналы из созвездий, где, как полагают, есть планеты, благоприятные для жизни, а кибернетические машины ищут в форме этих сиг-

ВИЗИТ Н. В. ПОДГОРНОГО В ИТАЛИЮ

24 января по приглашению Президента Итальянской Республики Джузеппе Сарагата в Рим прибыл Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный.

На римском аэродроме Чампино главу Советского государства встречал Президент Сарагат.

Выступая с речью на аэродроме, Н. В. Подгорный отметил, что общая атмосфера советско-итальянских отношений благоприятствует тому, чтобы обмен мнениями был деловым, откровенным и плодотворным.

НА СНИМКЕ: Н. В. Подгорный отвечает на приветствия римлян. Справа — Дж. Сарагат.

Телефото АП — ТАСС

налов разумную закономерность. Этот процесс происходит непрерывно.

Какие горизонты раскрывает человеку применение электронно-вычислительных машин?

Представьте, что нам удалось наладить контакт с цивилизацией, которая намного выше нашей. Вероятно, это в огромной степени ускорило бы прогресс человечества. Ведь даже при современном уровне техники мы в состоянии «спрятать» в памяти электронно-вычислительных машин информацию, накопленную человечеством за всю его историю. И это имеет смысл сделать задолго до первых космических контактов с другими цивилизациями.

Бумага, холст и гипс — слишком ненадежные оболочки для произведений искусства. Наводнение во Флоренции еще раз доказало это. Но и самые лучшие хранилища не спасают шедевры от действия времени. Так, знатоки уверяют, что краски картины Куинджи «Ночь на Днепре» поблекли. Но можно ли верить столь ненадежному свидетелю, как память человека? В копии картин каждый художник привносит свое. Однако сейчас нетрудно создать информационную модель, так сказать, эталон той или иной картины. Для этого нужно закодировать в памяти машины чередование красок на полотне, строчка за строчкой, как это делается при развертке телевизионных изображений. И тогда ее можно будет воспроизвести даже много тысячелетий спустя.

Сейчас уже не вызывает сомнений, что большинство из написанного людьми нужно сохранять в памяти машин. Только тогда информация станет доступной. Представим, что печатающие устройства — телетайпы, пишущие машинки, наборные машины — снабжены устройствами для кодирования информации на магнитных лентах. При этом дубликат информации, которую мы будем черпать со страниц книг и газет, сразу будет отправляться в хранилище, в память электронно-вычислительной машины. Специальные магнитные знаки на страницах позволят быстро отыскать нужную статью, книгу, получить любую справку.

Быстродействие электронных машин иногда порождает иллюзии, что все задачи можно решить перебором вариантов. Однако на перебор всех ходов с многими десятками и сотнями нулей в шахматной партии, например, кибернетической установке потребуется такое число лет, которое выражается единицей с многими десятками нулей. Значит, нужно ввести в машину правила, которыми пользуется человек, передать ей свой опыт. Машину можно обучить оценивать фигуры в зависимости от ситуации. То есть нужно научить ее действовать не только формально, а творчески, эвристически, находить лучший выход из создающихся ситуаций без перебора всех вариантов.

По поводу того, надо ли вносить в электронные машины свой собственный, так сказать, опыт, существуют различные точки зрения.

Фрэнк Розенблит выдвинул для систем биологического типа следующее, спорное, на мой взгляд, положение: «В системе, состоящей из бесконечного числа элементов, начальная организация может равняться нулю». Но машины биологического типа не получают информацию из ничего, они черпают ее из окружающего мира. Если же у них нет начальной организации, то нет и «органов» для ее восприятия.

Суть этого положения состоит вот в чем: «Дайте автоматам развиваться самостоятельно, отбросьте весь свой опыт, и пусть они начнут свою эволюцию как бы с каменного века. Ведь прошла же жизнь на Земле свой путь от первичной протоплазмы до мозга без вмешательства разумных сил».

Однако к чему отбрасывать весь накопленный человечеством опыт? Пытаемся же мы синтезировать белок, не ожидая, пока он случайно получится из хаоса материи. А такой случай в принципе не исключен. По подсчетам биолога Леконта де Нойи, получилась чудовищная цифра: молекула белка из хаоса сочетаний может появиться один раз в 10^{321} лет! От этой цифры содрогнутся даже астрономы. Ведь даже возраст нашей Галактики — всего 10^{10} лет.

Физики, химики, биологи и другие ученые поделили природу границами своих наук, и мы подчас забываем, что она едина. Теперь настало время объединения, синтеза. Если сравнить некоторые из наук с дорогами, бегущими из одного центра, то кибернетика как бы кольцевая автострада, устанавливающая между ними связь.

Изучая возможности электронных машин, ученые пришли к поразительному результату. Оказывается, любые формы человеческого мышления могут быть принципиально, в информационном плане смоделированы в искусственно созданных кибернетических системах. Более того, это возможно на уже существующих универсальных цифровых машинах.

Проблема «человек или машина?» теряет смысл в условиях социалистического общества. Человек, вооруженный кибернетическими машинами, будет всегда не только могущественней человека без машин, но и машин без человека. Есть дилемма «человек без машин или человек с машиной?». Думаю, что выбор не вызывает сомнений.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 5 (2066)

29 ЯНВАРЯ 1967

45-й год издания

МЕРИДИАНЫ ДРУЖБЫ

Мало есть на земле стран, в которых не существовало бы обществ дружбы с Советским Союзом. Сегодня они объединяют прогрессивных людей в 96 национальных обществ и ассоциаций дружбы с СССР. Кроме того, Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами поддерживает контакты с тысячами общественных, культурных, профессиональных и других организаций более чем в 130 государствах.

Связи эти все время ширятся. О них и шла речь на открывшейся 25 января Второй Всесоюзной конференции Союза советских обществ дружбы. В Кремлевском театре собрались видные советские ученые, деятели культуры, работники промышленности и сельского хозяйства, представляющие пятьдесят советских обществ Союза дружбы.

Участники конференции обсудили итоги деятельности советских обществ дружбы за девять лет, отделяющих эту конференцию от первой, избрали новый состав Совета Союза.

Фото М. Савина.

БОЛЬШАЯ УТРАТА

Скончалась замечательная чешская писательница-коммунистка Мария Майерова. Ее романы «Лучший из миров» и «Сирена», публицистика и рассказы хорошо известны советскому читателю.

Творческий путь Марии Майеровой с самого начала был тесно связан с революционной борьбой рабочего класса Чехословакии. Созданный ею в 1923 году роман «Лучший из миров» был посвящен борьбе чешского народа в 1918—1920 годах за независимую республику. Писательница, вышедшая из семьи рабочего-металлурга, зорко вглядывается в социальные противоречия тогдашней буржуазной Чехословакии. В романе «Сирена» она прослеживает судьбы четырех поколений рабочей семьи, с большим художественным мастерством рисует образы борцов за народное дело.

После освобождения Чехословакии Мария Майерова активно включается в культурное строительство молодой республики. В числе первых шести представителей чешской культуры она была удостоена звания Народной писательницы.

Мария Майерова всегда была большим другом нашей страны. Уже в первое свое знакомство, в 1924 году, с советской действительностью она увидела жизненное воплощение чаяний трудового народа, считая, что Советский Союз стал «образцом того, каким путем должны идти мы».

Кончина Марии Майеровой — большая утрата не только для литературы Чехословакии, но и для всех, кто знал и любил замечательные книги талантливой писательницы.

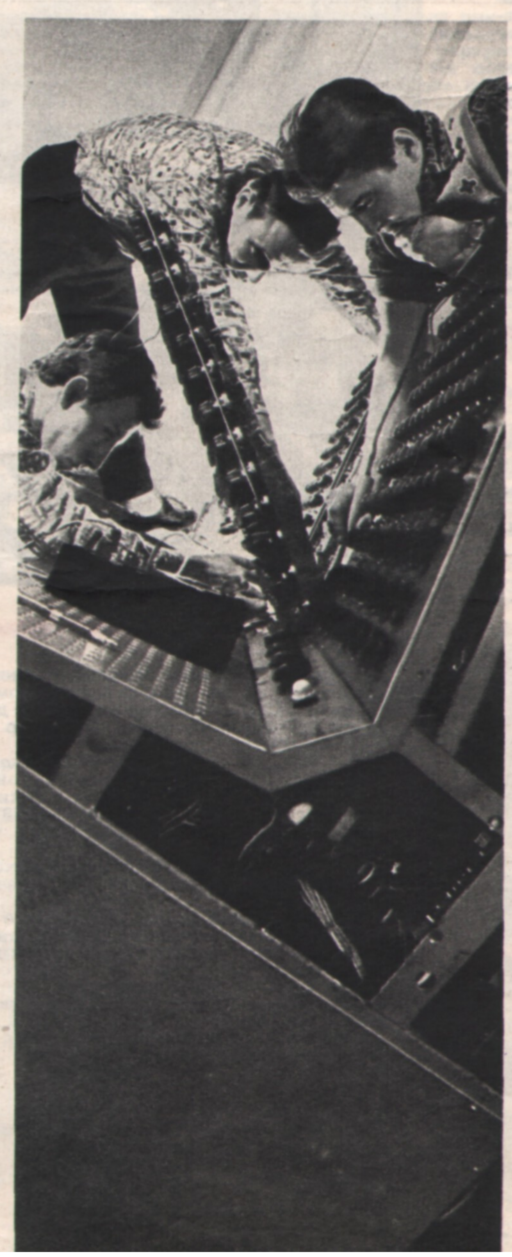
1

2

3

4

Киев, Лысая гора. При этих словах всплывают в памяти произведения Гоголя, волшебная музыка Мусоргского. Сегодня здесь «колдуют» кибернетики, тут расположен их институт Украинской Академии наук.

Тень создателя пала на идею новой электронно-вычислительной машины (фото № 1). Каким будет его детище? Вряд ли нужно создавать его по собственному образу и подобию.

Машина должна «думать» быстрее и безошибочнее, чем человек. Идея шлифуется в споре (фото № 2). У доски Виктор Боднарчук и Александр Летичевский отстаивают свой взгляд на проблему. «Машина должна быть...» «Красивой»,— подсказывают девушки. Да, пожалуй, но в чем ее красота? Быть может, в изяществе, с которым удается на ней решать очень сложные задачи?

Александр Летичевский поставил под руководством академика В. М. Глушкова очень интересное исследование. Электронная машина стала на время первобытным океаном Земли, колыбелью, в которой зародилась жизнь. Ученые решили проверить в информационном плане, действительно ли в результате естественного отбора происходит приспособление живых существ к окружающей обстановке, а вместе с тем и эволюция жизни.

За несколько часов в машине прошли тысячелетия, сменилось 60 тысяч поколений, прежде чем появился один, самый приспособленный к среде «вид».

Итак, первый шаг сделан: информационный аспект эволюции смоделирован на машине. Хорошо бы проследить на ней развитие жизни от амебы до человека. Но у современных ЭВМ для этого слишком «короткая» память.

А вот и колыбель новорожденной установки «Сигма» (фото № 4). Опытный образец приходится собирать нередко вручную. Техники Юра Власенко, Петя Романчук и Володя Дерлеменко заканчивают монтаж. Кажется, это — безжизненное скопление деталей. Но вот включается ток... Электронный мозг ожил. Кибернетики вчитываются в первое слово новорожденного. Быть может, так на языке машин произносится «мама»?

А впрочем, с новой машиной не так уж просто установить контакт (фото № 3). Не случайно проблема общения с ЭВМ является одной из центральных в планах института.

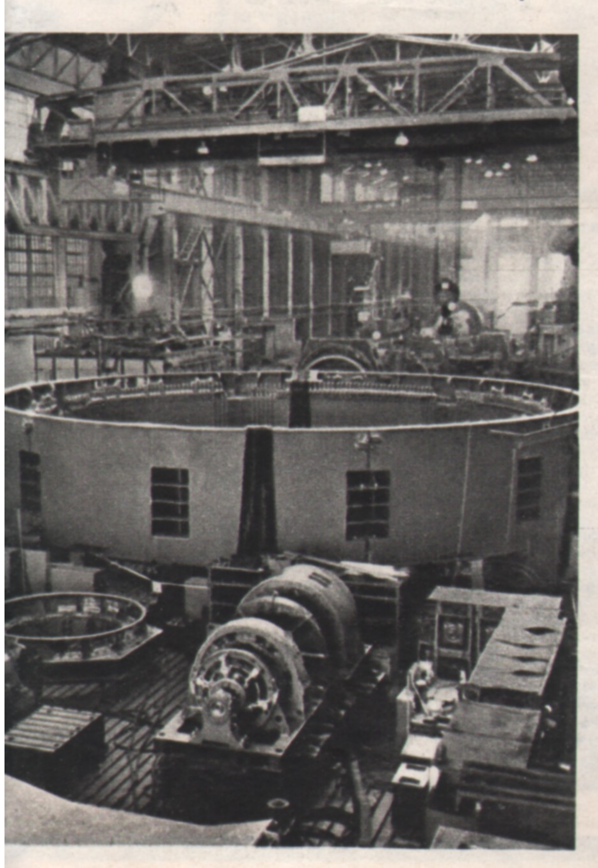
Затихает шум на Лысой горе. И только в СКБ института продолжаются споры. В борении линий на ватмане возникают контуры новых электронных машин. Каким он будет, век кибернетики? Мир роботов? Нет, земля людей, окруженных умными помощниками.

А. ХАРЬКОВСКИЙ

Фото М. Начинкина.

РАЗНОЕ...

ВЕСЬ ЦЕХ — В РАЗЪЕЗДАХ

Сборка статора красноярского гидрогенератора в цехе «Электросилы».

Фото В. Самойлова.

На заводе «Электросила» имеется необычный цех под номером «41». Здесь нет ни станков, ни испытательных стендов. Утром мы условились встретиться с начальником этого цеха М. А. Шахматовым. Но встреча не состоялась.

— Улетел! — сказал его заместитель М. А. Щекин.— Такая наша профессия. Сегодня здесь, завтра там.

Там — это на новостройках пятилетки, на пусковых объектах.

Только начали беседовать с замом, входит секретарь.

— Возьмите, пожалуйста, трубку. Архангельск вызывает.

Ждем, пока закончится разговор. На стене огромная карта с разноцветными знаками: зелеными кружочками обозначены тепловые, звездочками — гидроэлектрические станции. И на каждой, где идет монтаж агрегатов, работают люди этого цеха.

Щекин положил трубку на рычаг, что-то записал на листке отрывного календаря, вздохнул.

— На Архангельском бумажном комбинате решили досрочно пустить машину. Просят побыстрее прислать нашего шеф-инженера. Такие звонки в последнее время участились. Люди соревнуются в честь пятидесятилетия Октября. И нас поторапливают. Вот и думаю: кого туда командировать? Все разъехались.

И снова настойчивые звонки телефона: вызывает междугородная. Докладывает шеф-инженер А. М. Сиротенко. На Каширской ГРЭС горячие предпусковые дни. Скоро вступит в строй турбогенератор мощностью в 300 тысяч киловатт.

— В этой пятилетке электростанции оснащаются крупными экономичными энергоблоками. На Конаковской ГРЭС четыре энергоблока уже дают элетрическую энергию, — говорит М. А. Щекин.— Но эти агрегаты не самые крупные. В Донбассе, на Славянской ГРЭС, шеф-инженер консультирует монтажников, которые устанавливают турбогенератор мощностью в полмиллиона киловатт.

На огромных просторах идет сражение за пуск новых электростанций пятилетки. В один и тот же день почта приносит телеграммы из Череповца и Красноярска, с берегов Шексны и Ангары, из Челябинска и Ташкента... Отовсюду, где инженеры помогают монтировать турбо- и гидрогенераторы, созданные фирмой «Электросила».

К. ЧЕРЕВКОВ,
собкор «Огонька»

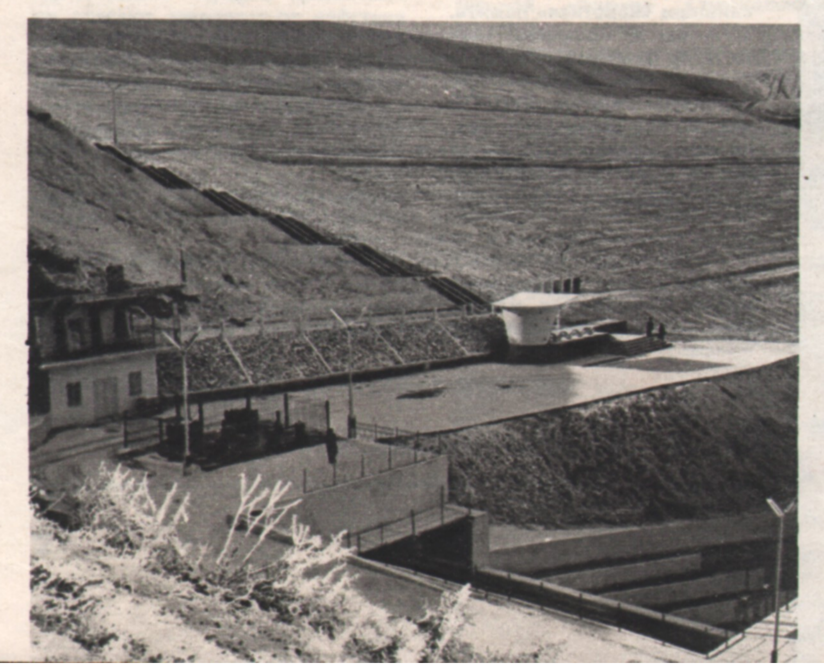
НОВОЕ ОЗЕРО

Еще десять тысяч гектаров плодороднейшей земли Таджикистана получили воду.

Гидростроители республики возвели на реке Катта-Сай плотину высотой в шестьдесят метров и длиной около километра. Новое водохранилище — целое озеро, рассчитанное на 55 миллионов кубометров воды,— хороший подарок виноградарям. Через гору пробит тоннель, по которому вода будет поступать на земли крупного виноградарского района.

На снимке: плотина нового водохранилища.

Фото И. Кургана (ТАСС).

МИЛЛИОННЫЙ ОСТАЕТСЯ В ХАРЬКОВЕ

Небольшой он, этот трактор, всего 30 сил. Колеса со «шпорами», и кабина всем ветрам открыта. За рулем сидит молодая работница. Возле нее — Григорий Иванович Петровский, его тогда называли всеукраинским старостой. А вокруг ликующие люди, знамена, транспаранты.

В октябре 1931 года эта фотография облетела страну. Ее перепечатали многие газеты и журналы во всем мире. Фотообъектив запечатлел волнующее событие: рождение первенца на Харьковском тракторном — машины по имени «Интернационал».

...Январь 1967-го. Тот же адрес: Харьков, Московский проспект, 299, ХТЗ. Заводской двор. Торжественно шествует по кругу почета семейство машин, созданных тут за 36 лет жизни ХТЗ. Старый «Интернационал», славный «ХТЗ-НАТИ», неутомимый «ДТ-57», новый «Т-25», богатырь «Т-125». Колонну возглавляет миллионный по счету трактор — гусеничный «Т-74». Он только что сошел с главного конвейера.

Куда же направится юбилейный миллионный трактор?

...На проводе — директор Харьковского тракторного завода Герой Социалистического Труда Павел Ефимович Саблев.

— ХТЗ строила вся страна,— говорит он.— И миллионный трактор — это народная реликвия. Наши ветераны решили так: пусть юбилейная машина останется на заводе навечно.

— Павел Ефимович, где она будет стоять?

— Мы заканчиваем строительство нового заводского Дворца культуры. Он откроется к 50-й годовщине Октября. У входа во Дворец на пьедестале будут стоять два трактора: первый — «Интернационал» и миллионный — «Т-74».

А. СТАСЬ,
собкор «Огонька»

Киев.

На снимке: миллионный трактор сошел с конвейера.

Фото А. Татаренко (ТАСС).

В Женеве, в здании Международного союза электросвязи, советские архитекторы Юрий Ильин-Адаев, Роман Кананин, Лев Мисожников и скульптор Даниил Рябичев несколько дней подряд встречались с руководящими работниками союза. Разговор шел о строительстве на Площади наций монумента «Эхо мира».

...В 1965 году Международный союз электросвязи по случаю своего столетия объявил международный конкурс на «выполнение скульптурного сюжета», который мог бы служить символом союза. На конкурс было представлено 211 проектов от 33 стран мира, и лучшим среди них был признан проект, разработанный группой молодых советских авторов.

Монумент, названный авторами «Эхо мира», состоит из двух бетонных полусфер высотой 10,5 метра, облицованных внутри титаном и разделенных мостиком.

Один из членов жюри сказал, что это «уши, слушающие мир». Но самое интересное в проекте монумента — сочетание «физики и лирики», лаконичной поэтической образности и достижений науки. Дело в том, что это «звучащий монумент». Внутри него будет создана среда, обладающая особыми физическими свойствами, «пространство без тени», пространство, в котором звук после многократного отражения возвращается к своему источнику.

Строительство памятника начнется в марте 1967 года и закончится в начале ноября.

Л. КАФАНОВА

Макар Иванович
и Полина Васильевна Чижиковы.

ГЕРОЙ НЕ ЗАБЫТ

Одна из улиц города-героя Одессы носит имя Чижикова. В Очакове тоже имеется улица с таким названием. Кто же был этот человек, память о котором свято чтут на Черноморье?

«Двадцати одного года, роста выше среднего, коренастый, глаза карие...» — так в 1912 году описывала Макара Ивановича Чижикова очаковская полиция, тщетно разыскивавшая его. Чтоб избегнуть ареста, Макар Иванович переехал в Николаев и устроился на судоремонтный завод «Наваль». Здесь он вел революционную работу в сложных условиях подполья.

Как-то надо было перевезти оружие из Николаева в Одессу. Макар загримировался: сбрил усы, водрузил на нос темные очки. Жена его, Полина, надела нарядное платье, какие тогда носили богатые дамы. Взяв чемоданы, супруги чинно направились на вокзал. Но перед отходом поезда шпики все же напали на след. Макар стоял на подножке, а Полина с одним чемоданом была уже в вагоне. Поезд тронулся, сыщик бросился к Макару, вырвал из его рук чемодан, но... ничего запретного в нем не обнаружил. Другой чемодан — с оружием — был уже в вагоне.

Вскоре Чижиков переехал в Одессу, поступил на судостроительный завод. Был столяром, слесарем, котельщиком. Здесь он работал в кружке большевика Рудницкого.

После победы Великой Октябрьской революции Чижиков принимал деятельное участие в борьбе с контрреволюцией. В декабре 1917 года одесская Красная гвардия получила первое боевое крещение, разгромив гайдамаков. Красногвардейцы захватили вражеские бронемашины и пулеметы. Однако оружия все же не хватало. И Чижиков решил предпринять смелую вылазку: двадцать красногвардейцев незаметно окружили большой склад боеприпасов, неожиданно напали на часового и обезоружили его. Захваченные винтовки и гранаты роздали представителям заводов. Это оружие помогло в борьбе за установление Советской власти в Одессе.

В начале 1919 года, после того как в Одессе победила Советская власть, Макара Ивановича назначили комиссаром Очаковского укрепленного района. Чижиков в рядах знаменитой Южной группы боролся с войсками Деникина.

Под Фастовом в тяжелом бою Макар Иванович был контужен. Вскоре заболел тифом и умер.

Л. МАЛИНОВ

Для вас, туристы

Пройдет зима, растает снег, заблестят умытые весенним дождем шоссейные, проселочные дороги и начнут заманивать в свои дали десятки тысяч автотуристов.

Но это впереди. А пока запорошены снегом проселки, скован ледяной коркой асфальт. Будущие путешествия еще зреют. Выбирается направление, разрабатываются маршруты. И вот тут очень кстати придется новый атлас автомобильных дорог, выпущенный Главным управлением геодезии и картографии Министерства геологии СССР. На его карты нанесены все дороги страны — от главных автомобильных артерий до местных, периферийных капилляров.

Атлас открывается картой-схемой важнейших путей Европейской части СССР. Пятьдесят девять карт знакомят с дорогами республик, краев и областей. Причем атлас не только дает общее представление об автодорожной сети того или иного района, но и предлагает туристам немало маршрутов, подробно разработанных в картах-схемах. На этих маршрутах отмечены автозаправочные станции и станции технического обслуживания, пансионаты, кемпинги, гостиницы. Есть в атласе и таблица расстояний между крупными городами и простая наглядная схема Москвы и Московской кольцевой автомобильной дороги, схема, позволяющая легко ориентироваться во въездных и выездных путях города. Подобные схемы знакомят и с основными автомагистралями Ленинграда, Риги, Минска, Киева, Харькова, Одессы, Тбилиси и Кишинева.

Ярко и приятно оформленный, хорошо отпечатанный, новый атлас, бесспорно, придется по вкусу нашим автолюбителям. К сожалению, издатели атласа «поскупились» на тираж — спрос намного превышает предложение.

С. ПАВЛОВ

Наш друг Корнелия

Жизнь голландской крестьянки Корнелии с острова Тексел проходила без особых потрясений: училась в школе, помогала родителям разводить цветы. Потом вышла замуж и сама стала разводить цветы, воспитывать детей.

В 1940 году Голландию оккупировала гитлеровская Германия. Немецкие солдаты появились и на острове Тексел. Мужа Корнелии мобилизовали на принудительные работы... Вместе с другими женщинами острова Корнелия ждала лучших дней.

Однажды — это было в феврале 1945 года — в ее дом пришли два советских военнопленных из батальона, который строил на острове военные укрепления. Корнелия узнала, что эти люди и все их товарищи — из Грузии, что работают они на немцев по принуждению, так же как и ее муж. Они заходили еще и еще. Одного звали Наврозашвили, другого — Санадзе.

В последний раз они пришли 6 апреля и сказали:

— Ночью мы перерезали всех фашистов. На острове в городе Ден-Бурхе подняты советский и голландский флаги. Комендант острова — капитан Шалва Лоладзе. Если ты, Корнелия, с нами, иди к Лоладзе, помоги нам.

Корнелия не сразу побежала в Ден-Бурх. Весь день и всю ночь она провела в сомнениях: муж, дети, дом!.. Наутро решилась. Лоладзе сказал ей: «Ты первая голландка в наших рядах!» И велел ей вернуться в свое селение Де-Коксдорф под начало командира повстанческой роты. С этого дня Корнелия стала бойцом.

Через несколько дней на остров высадился десант: 3 тысячи немцев. Грохотала артиллерия, надвигались танки. С боями восставшие отходили к северу, к Де-Коксдорфу. Дом Корнелии разрушило артобстрелом. Она спрятала младших детей у соседей, а сама со старшим сыном Ари носилась под пулями и снарядами, перевязывая раненых, добывая для них пищу.

Полтора месяца, до 18 мая 1945 года, лилась на острове кровь. Погибли друзья Корнелии — Наврозашвили и Санадзе, погиб и Шалва Лоладзе... Более 500 павших в бою, расстрелянных и замученных бывших советских военнопленных и 117 голландцев, жителей острова, приняла земля Тексела.

Все это пронеслось над тихим островом, как шторм. И хотя жизнь Корнелии давно вошла в берега, события войны оставили в ее сердце неизгладимый след.

В 1948 году она похоронила мужа. В том же году вступила в Коммунистическую партию Нидерландов. На Текселе Корнелию называют «грузинской матерью». Каждую неделю она ходит за 8 километров от дома на братскую могилу, чтоб украсить ее цветами.

Обо всем этом рассказала нам сама Корнелия Боон-Ферберг, приглашенная в Грузию Обществом дружбы и культурных связей с зарубежными странами и Обществом культурных связей с соотечественниками за рубежом. В Батуми она встретилась с Асланом Цилосани, которого выхаживала от тяжелого ранения, в Каспи — с Григорием Баиндурашвили, которого прятала от озверелых десантников, в Мцхета — с Каро Ослановым, своим связным, и еще со многими участниками восстания, уцелевшими благодаря таким людям, как она.

Высокая, крепкая седая крестьянка из далекой Голландии объездила чуть ли не всю Грузию и, согретая теплом друзей, улетела на свой остров.

И. МЕСХИ,
собкор «Огонька»

Корнелия Боон-Ферберг.
Фото В. Гинзбурга.

«ЭХО МИРА»

Таким будет памятник «Эхо мира».

РАЗНОЕ...

ЛУННЫЕ КУПОЛА

Перед нами лунный Океан Бурь.

Кратер, расположенный вверху снимка справа,— это Марий (около сорока километров в диаметре, два километра глубины).

Особый интерес представляют лунные купола, расположенные возле кратера. Они имеют размеры от 3 до 16 километров, при высоте от 300 до 500 метров. На снимке также видны трещины и впадины, очень похожие на подобные образования в Северной Калифорнии или в штате Орегон (США).

Ученые предполагают, что лунные купола, которые были впервые детально изучены благодаря этому снимку, возникли в результате извержения магмы. Судя по всему, эти лунные купола — дополнительный аргумент в подтверждение той теории, что Луна имеет долгую, сложную историю вулканической активности.

Снимок сделан фотографическими камерами американского космического корабля «Лунар орбитер-2».

ПОТУСТОРОННИЕ НРАВЫ

ДВА КОМПАНЬОНА—НЕ ПАРА

Один из путеводителей по Швейцарии начинается такой фразой: «Каждый человек здесь хочет жить в мире со своим соседом». Швейцарцы Жак Шолле и Роже Жиордано, два коммерсанта, владевшие единственным во Фрибурге магазином по продаже старинной мебели, жили не только в мире, но и в полном согласии. Но дела компаньонов шли неважно. Им срочно нужна была крупная сумма денег. Тогда партнеры заключили страховой договор, по которому в случае смерти одного из них оставшийся в живых получал круглую сумму 600 тысяч франков (около 120 тысяч рублей).

В пятницу утром на своей огромной американской машине, окрашенной в зеленый цвет, Жиордано выехал в департамент Вале. На следующий день, когда Шолле позвонил проживающим в Вале клиентам, оказалось, что Жиордано у них не был. Домой он не вернулся.

В воскресенье к вечеру взволнованный Шолле просит швейцарское радио объявить о розыске компаньона.

— Лишь бы с ним ничего не случилось,— повторяет растерянный Жак.

Для того, чтобы найти своего пропавшего компаньона, Шолле делает все возможное. Во время поисков он попадает в местечко Массонже. Опрашивая всех местных жителей подряд, он встречает Жермэна Голлю, который в ночь на пятницу слышал глухой шум и видел какой-то странный предмет, плывущий по реке. Хотя все жители Массонже считают Голлю сумасшедшим, Шолле уверяет, что ему надо верить. Полиция начинает искать в реке автомашину.

Коммерсант сам нанимает группу водолазов и руководит ими. За свой счет Жак выписывает из Англии самый современный аппарат — протонный геомагнетометр, который с высокой степенью точности определяет местоположение металлических предметов в воде. Наконец удается зацепить багром машину. Жак Шолле внимательно следит за подъемом. Однако в автомобиле никого нет.

Швейцарская полиция продолжает искать в реке тело. И его находят. Но не совсем там, где предполагалось.

На пути от швейцарской границы к Штутгарту один из западногерманских полицейских заметил вблизи дороги лежащего человека. Его голова была рассечена каким-то орудием, но он был жив. Рассказ «пропавшего» Жиордано обошел на следующий день всю швейцарскую печать.

В ночь на «черную пятницу» партнеры выехали из Фрибурга и остановились на берегу Роны. Шолле разогнал машину и направил ее в реку. На второй машине компаньоны помчались в Лозанну, где Жиордано сел на мюнхенский поезд. В пятницу утром сценарий начал проводиться в жизнь. В то время как Жак искусно разыгрывал трагедию, Роже скрывался в Копенгагене в ожидании 600 000 франков, которые коммерсанты договорились поделить пополам.

Прошел месяц. Жиордано забеспокоился, у него кончились деньги. Он сообщил, что хочет вернуться. Шолле бросился в Копенгаген, чтобы успокоить «друга по несчастью». Но ему не удалось уговорить Роже остаться там. Компаньоны выехали домой на автомобиле. Недалеко от швейцарской границы Шолле неожиданно остановил машину и нанес «другу» удар по голове гаечным ключом. Оттащив потерявшего сознание Жиордано от дороги, Шолле вернулся во Фрибург.

И вот по иронии судьбы «друзья-компаньоны» снова встретились, на этот раз в лозаннской тюрьме Буа-Мерме.

А. ИГНАТОВ

«Расстроенный» Жак Шолле дает интервью корреспонденту радио.

После долгих поисков полиция обнаружила в реке автомашину Жиордано. Но в лимузине не осталось никаких следов...

Воскресший из мертвых Роже Жиордано.

Фото из журнала «Л'иллюстре пур тус».

ФЕЛЬЕТОН

РЫБАК РЫБАКА...

Несколько десятков тысяч белых граждан сидят на шее у четырех миллионов своих чернокожих соотечественников. И не просто сидят — еще и погоняют. Это Родезия наших дней. Анахронизм. Позорное явление в 60-е годы двадцатого века. Так считает подавляющее большинство человечества. Именно такое отношение к родезийской проблеме было с редким единодушием продемонстрировано в Организации Объединенных Наций, когда там обсуждался вопрос об экономических санкциях против Родезии. Но уже тогда раздавались отдельные голоса в защиту «обижаемых» белых хозяев Родезии. Сейчас эти голоса слились в хорошо спевшийся хор, который звучит со все нарастающей силой.

Запевает Дин Ачесон. Тот самый Ачесон, который был государственным секретарем при Гарри Трумэне. Оба они порой весьма своеобразно толковали международное право. Опираясь на этот свой опыт, Дин Ачесон ставит под сомнение правомочность ООН решать вопрос о санкциях против Родезии. По Ачесону, выходит так: говорить с трибуны ООН можно сколько и что угодно, но нельзя предпринимать от ее имени никаких конкретных шагов.

Беспокоит родезийская проблема и американского сенатора Гарри Бэрда. Но в отличие от Ачесона сенатор не залезает в дебри международного права. «Вместо того, чтобы ввязываться в африканские дела,— говорит он,— американскому правительству следовало бы оказать самую решительную поддержку нашим войскам в Азии. Почему нужно бойкотировать миролюбивую (!) Родезию и ничего не предпринимать от имени ООН по отношению к торговле с Северным Вьетнамом?» Вот так! Взял сенатор и поставил все с ног на голову. Из любви к ближнему. К родезийским расистам.

О судьбе последних печется и американский конгрессмен Гросс. У него в руках козыри, пожалуй, посильнее, чем у Ачесона и Бэрда. И еще он подкупает своей искренностью, тем, что называет вещи своими именами. Он публично объясняется в любви к расистам и антикоммунистам, справедливо считая оба понятия синонимами. «Позвольте напомнить,— восклицает Гросс,— что Родезия, несмотря на все, что мы ей причинили, остается дружественной по отношению к нам и резко враждебной по отношению к коммунизму!»

Объединенными усилиями ачесонов, бэрдов и гроссов создана и теория, объясняющая, почему родезийские расисты подлежат не осуждению, а поощрению. Помните, спрашивают эти теоретики, что было 190 лет назад? Забыли? В то далекое время Соединенные Штаты тоже провозгласили свою независимость и тоже от Великобритании. Вроде бы точно так же, как Родезия в наши дни! «В конечном итоге,— утверждает Гарри Бэрд,— Родезия делает то же самое, что США уже сделали».

Оставим на совести политических жонглеров этот исторический вольт. Ради защиты родезийских расистов они оскорбляют свой народ. Но в софистике Бэрда и компании есть все-таки основа. Эта основа — союз расистов двух континентов — американского и африканского. Как говорится, рыбак рыбака видит издалека. Даже через океан.

В. НИКОЛАЕВ

«Ты помнишь, товарищ?..» — эту фразу из песни можно часто услышать в разговоре старых друзей. Нам есть что вспомнить на пятидесятом году Октябрьской революции. Штурм Перекопа и Магнитка, Комсомольск-на-Амуре и первый колхоз где-то в Сибири, Днепрогэс и подвиг Сталинграда — это все «этапы большого пути», как сказано в той песне. Множество интересных подробностей, героических, трогательных, смешных, приходит на память, если рассматривать старые фотографии, если «прочесть» фотодокументы давних лет.

«Огонек» приглашает тебя в путешествие по следам давнишних фотодокументов. Присылайте нам старые фотографии с подробным рассказом о том, что на них изображено. Давайте вместе совершим небольшую экскурсию в прошлое и спросим друг друга: «Ты помнишь, товарищ?» Такова новая рубрика в «Огоньке». Сегодня мы публикуем первый материал.

О. КНОРРИНГ,
фото В. Савельева и автора.

«КОЗА» И КРАНЫ

Эти фотографии взяты нами из «Огонька» 1923 года. Вряд ли требуются комментарии к ним: вот так строилась в ту пору Москва. Деревянные леса, уходящие вверх доски с прибитыми поперек брусками — ступеньками. Каменщики, укладывающие кирпичи. Рабочие, дробящие щебенку вручную, простым молотком.

Мы показали эти фотографии теперешним строителям столицы, тем, кто возводит многоэтажные жилые корпуса Москвы.

Старый каменщик, ныне заслуженный строитель республики Василий Васильевич Королев долго и внимательно рассматривал пожелтевшие страницы «Огонька» 1923 года. Смотрел и вспоминал, как он, тогда еще совсем юный паренек, шагал вот по таким же лесам, сгибаясь под тяжестью уложенных на спине кирпичей.

— Эх жалко, нет снимка козы. Что такое «коза»? Специальное седло для переноски кирпича. Нагрузят тебе на загорбок, аж ноги подгибаются, и тащишь его куда-нибудь на пятый этаж. Леса под ногами шатаются, того гляди упадешь — ведь не по ровному месту идти. А мастер подгоняет: «Вася, неси кирпич», «Вася, давай раствор». Бывало, за день «коза» так спину наломает, что к вечеру и не разогнешься.

Сам я из Рязанской области. У нас в селе много каменщиков было. Как лето, так в Москву, на заработки, а зимой стройка прекращалась. И мы всей артелью домой возвращались. Поначалу я ходил в козоносах — подносил кирпичи, готовил раствор. Постепенно сам научился вести кладку, выбился в каменщики. Механизации в ту пору не было никакой. Все вручную. Перекрытия в доме делались из дерева, поэтому наравне с каменщиком важная фигура — плотник. Бывало, дом в пять этажей артель в сорок человек строила целый сезон — с ранней весны до глубокой осени. А потом столько же времени на отделку уходило. Теперь через три месяца такой дом уже заселяется.

Году так в тридцать втором появилась у нас «механизация» — кран-укосина для подъема кирпичей. Оно, конечно, облегчение, но ведь к рабочему-то месту все равно кирпич приходилось подносить на руках. Потом пошли ленточные транспортеры, подъемники в лестничных клетках. А в 1936 году впервые увидели мы башенные краны. С ними дело веселее пошло: все материалы подаются на рабочее место.

Затем стали строить дома из готовых панелей и блоков. Пришлось мне переквалифицироваться на монтажника. Каменщикам-то на стройке уже стало работы поменьше. Раньше, бывало, на лесах полно народу, а пришло время — леса и вовсе в отставку ушли. Работает на монтаже в смену всего шесть человек — три монтажника, такелажник, крановщик и электрик. Все детали здания с завода привозят, а мы собираем их на месте.

Василий Васильевич — живая история строительства столицы. Начал с козоноса, был каменщиком, и, видно, неплохим, раз присвоили ему звание — лучший каменщик Москвы, а затем — заслуженный строитель РСФСР, наградили орденами Ленина, Красной Звезды и большой серебряной медалью ВДНХ. Сейчас он работает на стройке инструктором. Обучает рабочих мастерству монтажника.

Старые фотографии мы показали и заместителю начальника «Главмосстроя» Карпу Львовичу Овсянникову, тоже старому московскому строителю. Он глянул на них и весело рассмеялся.

— Подумать только, что подобная кустарщина когда-то считалась крупным строительством. Правда, уже и тогда ставился вопрос об индустриализации строительства. Но кое-кто — я-то помню — считал это утопией: «Куда-де, мол, нам...»

Разговор переключился с года 23-го на 67-й.

— Наша задача — обеспечить каждую советскую семью благоустроенной квартирой. Если бы мы вели строительство жилых домов теми же методами, как изображено вот на этих снимках, мы никогда бы не покончили с жилищным кризисом.

Планом на 1967 год за счет всех источников финансирования намечается построить в нашей стране жилые дома общей площадью в 93,4 миллиона квадратных метров. Подобного размаха мы еще не знали. Намеченный объем жилищного строительства позволит обеспечить новыми квартирами и улучшить жилищные условия примерно 13 миллионам человек.

Чтобы решить такую задачу, нужна первоклассная строительная индустрия, и я с удовлетворением хочу отметить, что мощность ее наращивается с каждым годом.

Современный московский дом в основном заготовляется на заводах домостроительных комбинатов и «Главмоспромстройматериалов». На стройплощадке идет только сборка. Причем при правильной организации труда монтаж ведется «с колес» — с машины и на положенное место в каркасе дома.

В Москве, кроме трех домостроительных комбинатов (пока трех), к услугам строителей более трех тысяч башенных и самоходных кранов, тысячи экскаваторов и столько же бульдозеров.

Это, конечно, хорошо. Но аппетит приходит во время еды. К сожалению, количество у нас пока опережает качество. Не секрет, что поиск совершенных конструкций и методов монтажа готовых деталей, поступающих с заводов, не всегда увенчивается успехом, не всегда дает то, что хотелось бы иметь: некоторые дома порой не совсем отвечают требованиям жильцов, хотя с каждым годом качество жилых зданий улучшается.

Экономисты подсчитали, что наиболее выгодны дома с большим количеством этажей. Строительство их сокращает коммуникации, подъездные пути и расходы по эксплуатации зданий. Поэтому решено перейти к строительству 9—12—16-этажных жилых домов.

Мы надеемся, что нам удастся ликвидировать диспропорцию между количеством и качеством, нам надо научиться строить быстрее и лучше.

Так строилась Москва.
Фото из «Огонька» за 1923 год.

Заслуженный строитель РСФСР В. Королев: «Бывало, за день коза так спину наломает...»

Так строится Москва.
Декабрь 1966 года.

ГОРОДА, ГОРОДА...

Георгий ГУЛИА

Чтобы выразить свою мысль, писатель берется за перо. А скульптору нельзя без резца или глины. Композитор садится за рояль — опять же, чтобы мысль свою выразить. Живописцу для этого дана кисть.

Легко это сказать: выразить мысль! Но кто сочтет недели, месяцы и годы бессонных ночей?! Нет на свете такой машины, которая подытожила бы, сколько потрачено силы мастером пера или мастером кисти на то, чтобы донести свою мысль до читателя или зрителя. Мы говорим: это труд духовный. Мы говорим: это тяжело. А еще: это дано не каждому.

Все это верно, только с одной поправкой: какие бы ни подбирали слова для того, чтобы определить труд художника, мы так и не сумеем по-настоящему передать всю сложность творческого подвига, который совершается повседневно в тиши писательского кабинета или в мастерской живописца. Ибо так сложен этот труд и так своеобразна его специфика.

В чем все-таки обаяние талантливого произведения живописца?

Я настойчиво искал ответа на этот вопрос, переходя от одной картины Георгия Храпака к другой. (Это было осенью прошедшего года на его персональной выставке в Москве.) Хорошо помню тот день, когда я ехал на вернисаж,— мягкий день мягкой московской осени. На улицах — теплынь, на домах — особенная розоватость тихого, погожего дня. И с тротуара — почти прямо в зал. Всего два шага... И вдруг глазам открылось необычайное зрелище: Москва зимняя, Москва осенняя, Москва летняя. Москва дождливая, и ночная, и вечерняя, и полуденная. И притихшая и бурная в своем кипении. Словом, разная Москва...

Такою увидел ее художник Георгий Храпак. На его полотнах Москва живая, не нарочито старинная или нарочито бетонно-стеклянная. Нет, знакомая Москва, разноликая, с печатью многовекового возраста и с печатью молодости. Москва, не придуманная художником. И в то же время не выхваченная объективом новейшего фотоаппарата, но пропущенная через сугубо личное восприятие, Москва живописца, которую не спутаешь ни с какой другою.

Я говорю о Москве. Но разве на выставке была представлена только столица? А прекрасные пейзажи Бухары и Баку, Ярославля и Крыма? А зарисовки времен войны? А прекрасные натюрморты, опять же не похожие на другие?.. Однако на выставке, как и во всем творчестве Храпака, господствовала Москва. Поэтому когда говоришь об этом художнике, то невольно начинаешь с Москвы.

Мне кажется, что я хорошо знаю Москву. И, конечно, люблю ее. Но когда я смотрю на знакомые городские пейзажи, сделанные рукою Храпака, вдруг ловлю себя на том, что чего-то недоглядел, что-то прошло мимо меня, что-то такое, что подметил и ярко выразил живописец. И вот он раскрывает передо мною нечто новое, заставляет меня вспомнить виденное в натуре и по-новому представить себе. Взять, к примеру, Трубную площадь в Москве, которую не раз писал Храпак. Я, можно сказать, дважды на день проезжаю через нее. Но не знал, что она так привлекательна, пока не увидел ее на картине художника.

Собственно говоря, задача талантливого художника в том и состоит, чтобы помогать другим увидеть то, что укрылось от их взора. Поэтому глаз художника должен быть острее, он должен видеть дальше и глубже. Только в этом случае мы будем ему особенно признательны. Ибо то, что лежит на «поверхности», что доступно всем, может воспроизвести фотоаппарат одним щелчком. Стало быть, художнику предъявляются несравненно более жесткие условия. Мы требуем от него в первую очередь мысли и соответствующей формы для ее выражения.

Георгий Храпак, безусловно, реалист. Мысль доминирует в его полотнах. И мысль и настроение, точнее, отношение художника к окружающей действительности. Храпак любит жизнь и заставляет нас сильнее полюбить ее. Он раскрывает перед нами ее красоты, он как бы говорит нам: «Вот какова жизнь, живите и наслаждайтесь ею!» Однако для решения этой главнейшей задачи он идет своим путем. Мне хочется особо это подчеркнуть, ибо художников много, у каждого свой путь — если мы имеем дело с настоящим талантом,— и мы ищем у художника это особенное, присущее ему одному.

Чтобы передать натуру на холсте, можно идти двумя путями: копируя натуру и творчески преломляя ее в своем воображении, раскрывая в первую очередь самую сущность натуры. Первый ведет к унылому ремесленничеству, порой даже отмеченному умелостью, граничащей с «большим мастерством», а второй действительно развивает искусство и приносит нам радость новизны. Художник все как бы видит и так и не так, а по-своему. В этом и заключена тайна искусства, ее сложная специфика, о которой говорилось в начале этой заметки.

Давайте обратимся, как говорится, к конкретному примеру.

Я имею в виду картину Храпака «Уснувшие лодки». Это Ленинград. Один из ленинградских каналов. С точки зрения безнадежного кописта, она неверна: деревья не те, и вода не та, и даже дома «не совсем те»! Но у кого повернется язык сказать, что картина эта не совсем реалистична, именно потому, что «деревья без листочков» и не везде выдержана ширина оконных проемов?

Очень важная вещь—композиция картины. Художники много времени тратят, чтобы решить, что и как изобразить на холсте. Но она, композиция, не должна быть нарочитой, искусственной. В этом отношении пейзажи и натюрморты Храпака весьма естественны: он словно бы не думал над композицией, словно бы все легло на холст само по себе. Тот, кто хотя бы однажды держал кисть в руке, знает, как это трудно и сколько раз надо «отмерить» прежде, чем решить, что будет в картине главным, чему будет подчиняться все прочее. Любое истинное новаторство живописца непременно основывается на умении выбрать содержание картины, соответственно «построить» его и выразить его живописными средствами. Причем так, как этого не делали до него.

Георгий Храпак постиг и «тайну» обобщения. Его кисть не задерживается на «мелких» деталях. Зато она отлично передает в яркой гамме красок и внешний образ и внутренний мир увиденного. Свою художническую деятельность он начал еще на фронтах войны. Его творчество развилось и окрепло после войны. Жизненный опыт, несомненно, сыграл большую роль: с каждой новой работой все яснее угадывалась уверенная рука. Наконец мы увидели картины Георгия Храпака, собранные в одном выставочном зале. И как бы открылся перед нами весь творческий путь художника.

Если говорить о трудолюбии Храпака, то можно только поражаться. Лично я в этом отношении завидую ему. Если в Москве выдается погожий день — значит, Храпак на пленэре. Если же день морозный — художник сидит в автобусе и пишет облюбованные уголки Москвы. Если дождь — он пишет Москву в дождь из окна своей квартиры. Если ночь — он пишет Москву ночную. Одним словом, нет ему в работе помех. Напротив, «помехи» только усложняют задачу, а стало быть, делают работу еще более интересной, еще более милой сердцу художника.

Леонид ШЕМШЕЛЕВИЧ

СЛЕД И ДОРОГА

Я как-то сидел под чинарой
густой
И рисовал черноморский прибой.
Такой оранжево-синий огонь
В море пылал рассветном,
Что воду, казалось, рукою
тронь —
И станет рука разноцветной.

Старый Хашим, гудаутский рыбак,
Спросил меня:
«Что ты рисуешь, кунак?»
И я, непослушную кисть теребя,
Буркнул:
рисую, мол, так,
для себя!
Он посмотрел на мольберт
И в ответ
вымолвил мудро и строго:
«Жить для себя —
в этом счастья нет.
Немного найдешь у порога.
Отцу моему говорил еще дед:
«Человек пройдет —
останется след.
Люди пройдут — дорога!..»

НА ВЕРШИНЕ

Здесь мыслишь
О судьбе,
О небе,
Здесь место для большой мечты,
Твои заботы здесь, как щебень,
Перед громадой высоты.
Здесь ясные, как правда, зори,
Здесь душу горе не томит,
Здесь небо блещет, словно море,
Здесь море, словно небо, спит.
Висит недвижно над округой
Покоя синее кольцо.
Два зеркала глядят друг в друга
И видят вечности лицо.
Здесь видишь даль,
И бездну света,
И мир,
Где Прометей страдал.
И ты гордишься высью этой,
Как будто сам ее создал!..

Ростов-на-Дону.

Г. Храпак. БЕРЛИН В МАЕ 1945 ГОДА.

ФРОНТОВАЯ ДОРОГА.

Г. Храпак. ЗАГОРСК. У ПЯТНИЦКОЙ БАШНИ.

ПОДМОСКОВНЫЙ ПАНСИОНАТ.

Уиллард МОТЛИ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Рассказ

ПОЧТИ БЕЛЫЙ ПАРЕНЬ

Автор этого рассказа — американский негритянский писатель Уиллард Мотли, умерший в марте 1965 года. Он прославился в 1947 году своим романом, ставшим бестселлером, «Стучись в любую дверь». В 1951 году вышел второй его роман, «Мы всю ночь рыбачили», и в 1960 году роман «Пусть никто не пишет мне эпитафии» — продолжение книги «Стучись в любую дверь».

Рассказ «Почти белый парень» был впервые опубликован в 1963 году в сборнике негритянских авторов под названием «Скоро, в одно прекрасное утро».

По происхождению своему он был наполовину белым, наполовину негром. А в социальном отношении считался негром. Так считали те, которым было известно, что его мать — смуглокожая женщина с гладкими от выпрямителя волосами и такими ножками, что все мужчины оборачивались ей вслед, независимо от расового барьера. Глаза у него были серые, а кожа такая же белая, как у Слима Паттерсона. В белокурых волосах не было даже намека на курчавость. Нос, правда, крупный и губы пухловатые — вот все, что напоминало о его происхождении. Тетка Беула Мэй всегда говорила, что он в точности похож на «белых бродяг». Люди, как белые так и черные, за спиной его родителей болтали о них разное, невзирая на то, что они жили в законном браке. Когда разговор заходил о нем, многие сокрушенно покачивали головами и бормотали: «Очень жаль, очень жаль». А одна постоянно растрепанная ирландка, сильно привязавшаяся к нему, разоткровенничалась до того, что както заявила ему (нисколько в своей бесцеремонности не интересуясь его склонностями в данном вопросе):

— Ей-ей, отдала бы я за тебя свою дочку, если бы ты был настоящим белым.

Отчетливо запомнил Джимми один эпизод из своего детства. Когда он был еще совсем маленьким, отец как-то взял его на руки, подошел с ним к большому овальному зеркалу, висевшему в гостиной, и позвал:

— Иди сюда, Люси.

Мать Джимми подошла, улыбаясь обоим мужчинам. Один был такой маленький и беспомощный, а другой высокий, сильный, с серьезным выражением глаз. Она стояла около сына, поправляя его воротничок и ласково отводя упавшие на глаза волосенки. Все трое стояли у зеркала, внимательно всматриваясь в него.

— Посмотри на свою мать... посмотри на меня...— медленно и торжественно говорил отец.— Посмотри на цвет кожи твоей матери.

Джимми смотрел. Вот стоит его дорогая, милая мом, которую он так любит...

— Посмотри на цвет моей кожи...

Он посмотрел. Вот его папа, самый лучший папа на свете...

— Мы все трое любим друг друга,— сказал папа, и в зеркале отразились глаза его матери, перехватившие взгляд отца. Было в них что-то гордое и нежное. Рука мамы обвилась вокруг него и папы.

— Люди — прежде всего люди. Некоторые хорошие, а некоторые плохие,— сказал папа.— Но всегда люди — это прежде всего люди. Смотри и запомни.

Он запомнил. Он никогда не забудет.

День тот стал знаменательным в его жизни. Он запомнил сказанное отцом и постоянно впоследствии повторял про себя эти слова, когда ему случалось пересекать в ту или иную сторону цветной барьер. Цветные мальчишки, с которыми он дружил, называли его «белым негром», а белые мальчишки — тоже его товарищи — иногда как-то странно на него посматривали, но на эту тему всегда помалкивали. Только, когда они уже выросли, стали вместе ездить на вечеринки, они его изредка предупреждали: «Не говори никому, что ты цветной». Бывало, забыв о его присутствии, они сболтнут что-то насчет «ниггеров», но тут же спохватятся со смущенным видом. Джиму это было безразлично. Всех своих товарищей он считал отличными парнями. Обо всех девушках был одного мнения: все они одинаково флиртуют, вешаются на шею и время от времени хнычут. В общем, люди — прежде всего люди.

И еще кое-что вспоминал Джим... Угол 58-й улицы и улицы Прэри. Лоренцо, сверкающий ослепительными белками глаз на черной мордашке. Лоренцо с курчавыми жесткими волосами. Руби с ее коричневым, лоснящимся личиком, туго заплетенными, торчащими во все стороны косичками и тоненькими, как палочки, ножками. Лоренцо кричит:

— Ты такой же черный, как мы! Такой же самый!

Руби пищит:

— Да-да! Ты белый негритенок, белый ниггер, белый ниггер!

Лоренцо дразнит:

— И вовсе ты не лучше нас. Моя ма так сказала! Ты просто ниггер, вот ты кто!

Он вспоминает, как Лоренцо и Руби наскакивали на него с угрожающими жестами, гримасничая и дразня его, хватали грязными ручонками за белокурые вихры, визжа:

— Белый ниггер! Белый ниггер!

Кличка эта так и осталась за ним...

И еще воспоминание... Дома мом плачет в их хорошенькой квартирке на третьем этаже дома на 39-й улице. Он слышал, как мом говорила папе: «Нам придется переехать отсюда в какое-нибудь другое место, Джим. Мы с тобой уже не можем спокойно выйти на улицу, все на нас глазеют. Можно подумать, что мы совершили какое-то преступление».

— А какое нам дело, пусть себе глазеют, пускай болтают, наплевать на них.

— Даже когда я одна выхожу, они глазеют. Они никогда не приглашают меня к себе домой. Они говорят, что я воображаю, будто я лучше, чем они. Они возмущаются, что я вышла замуж за человека другой расы. «Подумаешь,— говорят они,— черные были для нее недостаточно хороши...»

Папа сердится:

— И почему это люди суют свои носы в чужие дела? К черту их всех!

Но мом плачет. У них нет друзей. Никто у них не бывает. Всегда они втроем, и никого больше нет... А потом состоялся их переезд в трущобный район около Хэлстэд и Мэксуэлл, где все национальности жили вместе, рядом, в тесноте, дверь к двери. Евреи. Мексиканцы. Поляки. Негры. Итальянцы. Греки. Жизнь там, казалось Джиму, была просто великолепной. Все расы там были смешаны. Гуляли все вместе. Никто не глазел. Никто не называл обидными именами.

Там он и рос.

...И становился старше. И многие белые парни, с которыми он дружил, перестали приглашать его на вечеринки к себе домой, когда там бывали белые девушки. Но они по-прежнему гуляли вместе и зазывали его с собой, когда отправлялись развлекаться в общественные места. Джимми не любил думать о тех, других вечеринках с белыми девушками, музыкой и танцами в домах, двери которых для него закрыты.

Только один раз в жизни отрекся он от самого себя. В течение нескольких недель он дружил и всюду бывал вместе с Тони. Они играли вместе в пул, пили пиво на Уэст Мэдисон-стрит, ездили вдвоем на стареньком, дребезжащем «шевроле» Тони. Но однажды Тони как-то искоса на него посмотрел и напрямик спросил:

— Скажи мне в конце концов, кто ты такой?

Джим покраснел. Он чувствовал, что лицо его горит.

— Я поляк,— проговорил он.

Он жалел потом о сказанном. Не понимал, почему у него это вырвалось, и чувствовал себя пристыженным.

...Потом наступило время, когда он покончил со школой и надо было начать работу. Его взяли на работу в одну из небольших гостиниц в деловой части города, где никто не знал о его происхождении. Тетка Беула Мэй тогда сказала: «Ничего, если он сойдет за белого»; речь ведь шла о возможности заработка, объяснила она, но пусть ему не взбредет никогда в голову мысль отречься от своего народа. Джим, однако, считал, что это обман. Вроде как отрицание половины своего «я», той половины, которая принадлежала черной расе. Нечестно. Он знал, как трудно устроиться на приличную работу цветным парням. Было бы честнее сказать открыто: «Я негр» — и оказаться в равном положении со всеми цветными парнями, ищущими работы. Но он так не поступил.

* * *

Многое вспоминал Джим; эти воспоминания, как бы завязаны крепкими узлами в его сознании. Но «цветной барьер» для него, в общем, не существовал, и он вел себя совершенно свободно. И к девушкам относился просто и непринужденно. Ходил на вечеринки в Саут Сайд, на 35-ю улицу, и на улицу Мичиган, и в Саут-парк. Ходил на танцевальные вечера в «Савой» и в «Трианон». Бывал на польских переплясах, на итальянских фьестах, на ирландских свадьбах и вообще чертовски здорово проводил время. Люди были для него всегда прежде всего людьми.

Развлекался он и с цветными девушками. Некоторые держались настороже, не зная наверняка, кто он: белый или цветной. Но ведь это был его народ! А, впрочем, он все-таки не чувствовал себя одним из них. И с белыми тоже он был как-то не в своей тарелке. В общем, не было у него своего народа.

И вдруг неожиданно он влюбился, без ума влюбился в Кору. Никогда раньше с ним не случалось ничего подобного. Бывало, он даже раздумывал с интересом, в кого он когда-нибудь влюбится: в белую или черную девушку? Теперь это случилось. Он ничего уже не мог поделать. Даже ощутил некоторый испуг. Стал беспокоиться. Размышлять. И про себя, хотя ему стыдно было признаться самому себе в таких мыслях, потихоньку думал, как было бы хорошо, если бы в нем не было ни капли негритянской крови.

Знакомство с Корой произошло на танцах в «Трианоне». Волосы у Коры не такие светлые, как у него, и головка вся в локонах. Личико розовое и нежное. У нее были упругая высокая грудь и алый рот, обычно немного полураскрытый, что придавало ей несколько вызывающий вид. Губы казались всегда влажными.

Познакомил их Лео. И тут же ушел, оставив их вдвоем. Весь вечер они танцевали, а когда наступило время идти домой, выяснилось, что Лео куда-то исчез. Джим попросил у Коры разрешения проводить ее домой. «Это было бы очень мило с вашей стороны»,— проговорила она, глядя на него широко раскрытыми глазами с детски-наивным выражением.

Когда он помогал ей надеть пальто, она слегка прижалась к нему, и он радостно вспыхнул от этого мимолетного прикосновения.

Дойдя до ее дома, они остановились. Им не хотелось расставаться.

— Хорошая была танцулька,— сказала Кора, пальцы ее барабанили по верхушке изгороди.

— Да, особенно после того, как мы с вами познакомились.

— Мы увидимся снова?— спросила Кора, поглядывая на него снизу вверх.

Джим опустил глаза. Он надеялся, что щеки его не зальются краской...

— Лучше уж мне признаться вам сейчас, чем дожидаться, пока кто-нибудь другой вам расскажет,— пробормотал он.— Дело в том, что я негр.— Голос его как-то осекся.

— Ну, нечего меня разыгрывать,— сказала она с раздраженным смешком. Отступив от него на шаг, она внимательно оглядела окна дома, нет ли где-нибудь света за шторами.

— Разрешите мне снова повидать вас,— попросил Джим.

Убедившись, что никто за ними не подсматривает, она повернулась к нему лицом. Глаза ее были опущены, губы сжаты. Около уголков рта даже появились мелкие жесткие складочки.

— Разрешите мне встретиться с вами,— повторил Джим.

Бросив еще один беглый взгляд на окна дома, она недоверчиво посмотрела на него.

— А все-таки вы, наверное, разыгрываете меня, что вы цветной?

— Разве это имеет такое значение?

— Не-ет, но...

— Ну, разрешите мне встретиться с вами,— просил Джим.

Губы ее слегка приоткрылись. Она всматривалась в Джима странным взглядом, глубоко проникавшим в него. Он весь затрепетал. Сначала она скользнула глазами сверху вниз по всей его фигуре, потом снова взглянула ему в глаза. Затем, слегка тряхнув головой, сказала:

— Ладно, позвоните мне завтра днем,— и дала ему номер своего телефона.

Джим смотрел ей вслед, когда она входила в дом. Потом отправился на угол к трамвайной остановке, ступал он, тяжело и крепко стиснув пальцы.

Они встретились в Джэксон-парке. Долго гуляли. Она выглядела очаровательно в своем розовом платьице. Губки ее были слегка приоткрыты, глаза опущены, и вообще она казалась воплощением всего того, о чем он всю жизнь мечтал. Они сели на скамейку вдали от гуляющей публики.

— Знаете ли,— сказала она,— я всегда недолюбливала нигг... негров, но ведь вы совсем не похожи на негра.

Потом они гуляли и дошли до противоположного конца парка.

— А зачем вы все-таки признаетесь людям в этом?—спросила она.

— Люди — прежде всего люди,— ответил он, но слова эти не показались ему такими убедительными, как всегда.

Дважды они снова встречались в парке. Один раз просто сидели и разговаривали. В другой раз отправились в кино. Провожал ее Джим только до трамвайной остановки. Она сама так захотела.

А потом начались свидания украдкой. Она не любила бывать вместе с ним там, где их видели его белые друзья. Никогда не объясняла она ему, почему так избегает этих встреч. В то время, когда они были вдвоем, она крепко прижималась к нему всем телом. Иногда она бывала вместе с ним среди тех своих друзей, которые не знали, что он негр. Против таких совместных встреч она не возражала.

Виделись они, в общем, довольно часто, и вскоре Джиму начало казаться, что он ей нравится. Он вспоминал выражение ее глаз, когда она на него смотрела, крепкие пожатия руки, ее поведение во время танцев. Теперь она даже разрешала ему провожать ее домой, и они подолгу стояли вдвоем на крыльце, прижавшись друг к другу, прежде чем проститься.

— Кора, мне бы хотелось, чтобы ты пришла в гости к нам домой,— сказал он ей однажды.— Мои родители — изумительные люди. Они тебе понравятся.— Он мысленно представил себе, как они дружно сидят все вместе, вчетвером.— Конечно, мы живем в довольно-таки паршивом районе, я хочу сказать, что выглядит там все не слишком шикарно, но народ у нас лучше, чем в других местах. Ох, тебе здорово понравятся и мать и отец!

— Ладно, я приду, Джимми. Мне безразлично насчет района. Мне все равно!

* * *

Отец слегка подтрунивал над его новым увлечением.

— Должно быть, дело серьезное,— усмехался он. Джим никогда раньше не приглашал девочек к ним домой.

Мом приготовила жареную курицу с горячими гренками. А когда он уходил из дому за Корой, он видел, как отец и мать, вооружившись тряпками, уже в десятый раз старательно протирали в гостиной всю мебель. Он слышал краем уха, как они пересмеивались, вспоминая свои первые свидания.

Джим не предупредил их, что Кора — белая девушка, но они даже глазом не моргнули, увидев ее.

— Мом, это Кора.

— Как поживаете, дорогая? Джимми так много рассказывал о вас.

Милая, дорогая мом! Всегда такая приветливая и очаровательная!

Папа и мом держали себя совершенно непринужденно. А Кора казалась смущенной. Она явно нервничала. Глаза ее никак не хотели встречаться с глазами родителей Джима. Она жалобно посматривала на Джима, ища у него поддержки. Ерзала на краешке стула.

— Да... нет... да, миссис Уорнер... нет, миссис Уорнер...

Еду она только слегка поковыряла, чудесную еду, над приготовлением которой мом трудилась целый день. Джим наблюдал за Корой, за отцом, за матерью, страстно надеясь, что они ничего не замечают. В конце концов он сам почувствовал натянутость и с облегчением вздохнул, когда они вдвоем вы-

шли на улицу. Оставшись одни, без посторонних, они снова обрели непринужденность.

— Па и ма у меня молодцы, надо, чтобы ты поближе их узнала,— проговорил он, глядя на нее просящим взглядом.

Кора только слегка улыбнулась, не промолвив ни слова. Ее глаза были лишены всякого выражения.

Никогда больше Кора не приходила к Джиму домой.

* * *

Однажды Кора пригласила его в гости к себе. Этому предшествовала большая подготовительная работа.

— Никогда не говори моим родителям, что ты цветной, ты слышишь, никогда. Пожалуйста, Джимми. Обещай мне. Мой отец не любит цветных людей... У него нет такой широты взглядов, как у меня... И вообще не обращай внимания на папу и на то, что он говорит,— предостерегала она.

И вот он отправился в гости к Коре. Около дома стояла машина кремового цвета. В гостиной были пепельницы на высоких подставках, резные бра и большой рояль, на котором никто в доме не умел играть. Отец Коры курил сигары. Он был держателем некоторого количества акций, каждую зиму ездил на две недели во Флориду и рассказывал анекдоты о «флоридских ниггерах». У матери Коры такие же полураскрытые губы, как у дочери, и она тяжело дышала через рот, как будто силясь все время догнать самое себя. Она была толста и чересчур нарядна. И все время останавливала своего супруга, рассказывающего анекдоты о «черномазых», попыхивая дымком сигары.

— Послушай, Гарри, ты не должен так говорить. Что подумает о тебе этот симпатичный молодой человек! Я уверена, что существует множество вполне приличных, честных негров... Конечно, лично я таких не встречала... Ну, Гарри, не надо к ним так строго относиться. Не забывай, что тебя нянчила и вскормила грудью цветная кормилица... Ах, Гарри, расскажи, кстати, о том маленьком черномазом, который вызывался сторожить твою машину за два цента в час: «Масса, только два цента у в час!»

Кора сложила руки на коленях, пальцы ее были переплетены. Джим натянуто улыбался шуткам мистера Хартли и чувствовал себя глубоко несчастным. Он окончательно убедился, что самое лучшее — не ходить друг к другу в гости, а просто проводить время вдвоем.

Дружба Джима и Коры продолжалась уже четыре месяца. Трудные четыре месяца. Вдали друг от друга они чувствовали себя несчастными, а оказавшись вместе, они смотрели друг на друга с укором и, казалось, получали удовольствие от взаимных попреков и обвинений. Что-то одновременно и притягивало их и отталкивало друг от друга.

* * *

Однажды вечером они поехали в лесопарк на «шевроле», принадлежащем Тони.

— О чем ты думаешь, Джимми?

— Так, ни о чем особенно. Просто думаю.

Машина мчалась по пустынному, темному шоссе. Потом они оказались на дороге, выложенной гравием, и Джим замедлил ход, перейдя на вторую скорость. Кора прижалась щекой к рукаву его пиджака. Ветки деревьев задевали машину. Кора еще теснее прижалась к нему, и он ощутил аромат ее духов, а золотистые прядки ее волос щекотали ему нос. Потом Кора взяла его руку и обвила вокруг своей талии. Джим остановил машину. Прижимая к себе его ладонь, она прошептала:

— Посидим так. Нам тепло и уютно.

Голос ее замер, и она спрятала лицо у него на груди.

Долго сидели они так, не шевелясь. Джим сказал:

— Давай погуляем.

Он открыл дверцу, поднял ее на руки и вынес. Пока она была в его объятиях, Кора слегка укусила его за ухо.

— Не надо так делать,— сказал Джим, и она захихикала.

Тяжело дыша, они прошли через низкий кустарник в лес. Кусты как бы протягивали к ним руки. Сучки деревьев цеплялись за волосы Коры. Ноги вязли в песке. Кора ласково ерошила волосы Джима.

— Не надо. Перестань!— сказал он и в конце концов, поймав ее руку, крепко сжал в своей.

Они продолжали идти. Лунный свет обрисовывал их силуэты, темные силуэты, поднимающиеся по отлогому откосу холма.

Джим нашел небольшой пригорок без деревьев, покрытый густой травой. Далеко под ними к северо-востоку раскинулся Чикаго. Мерцали бесчисленные ряды огней. Их становилось все больше и больше.

Там и настигла их ночь. Они сидели плечом к плечу на пригорке, и Кора прижималась все теснее к Джиму. Они не разговаривали. Не двигались. Джим чувствовал, как Кора дышит. Они стали почти одним существом. Джим посмотрел на усеянное звездами небо, на луну с набегающими облачками, нежно и бережно обнял Кору. Потом он закрыл глаза и погрузил свое лицо в ее волосы.

— Кора! Кора,— прошептал он.

Она ответила ему легким движением тела.

— Кора, я люблю тебя.

— Правда, Джимми? — Она примостилась так близко, что он ощущал биение ее сердца и сидел, не шевелясь. Через некоторое время Кора стала медленно откидываться назад, увлекая его тяжестью своего тела — и вот, уже оба они лежали рядом, вытянувшись во весь рост. Пролежали они так довольно долго. Джим посмотрел на Кору. Глаза закрыты. Дышит тяжело. Полураскрытые губы влажны.

— Джимми.

— Что?

— Ничего.

Она вдруг перекинула ногу через него. Джим ощутил дрожь, начавшуюся где-то около плеч и пробегавшую по всему его телу. Он сел. Кора тоже поднялась и села.

— Здесь никого нет, кроме нас,— проговорила она. Пальцы ее расстегнули верхнюю пуговицу его рубашки, потом вторую. Он почувствовал, как ее пальчики пробираются к нему на грудь, гладят его.

— Здесь никого нет, кроме нас,— повторила она, и пальцы ее ласкали его плечи и затылок.

— Мы не должны этого делать, Кора, не должны.

— Ты о чем? Насчет того, что ты цветной? Но для меня это не имеет никакого значения, Джимми, честное слово, никакого.

— Нет, вовсе не поэтому. А потому, что я люблю тебя. Вот почему я не могу. Вот почему так я не хочу.

Джим выпрямился. Сорвав несколько травинок, он внимательно посмотрел на них. Кора положила голову к нему на колени и лежала совершенно неподвижно. Отшвырнув прочь травинки, он следил за тем, как ветер понес их, а потом опустил на землю. Джим осторожно и нежно взял Кору за плечи, приподнял и, прижав к себе, глядя ей прямо в глаза, сказал:

— Я хочу, чтобы между нами все было как следует, Кора. Пойдешь ты за меня замуж?

Красные пятна, вспыхнувшие на ее щеках, были похожи на следы ударов, даже при лунном свете это было видно. Она вскочила на ноги. Все в ней было напряжено. Глаза гневно сверкали, и выражение нежности в глазах Джима еще сильнее ее взбесило.

— Ах ты, проклятый, грязный ниггер! — выкрикнула она и, повернувшись, стремительно побежала прочь.

И тогда Джим бросился навзничь и спрятал лицо в траве, на том самом месте, где они сидели. Так и лежал он. Вырванные им раньше травинки прилипли к его губам.

— Люди — прежде всего люди,— произнес он вслух.— Люди — прежде всего люди.— Он захохотал хриплым и горьким смехом.— Люди — прежде всего люди...

Смех прервался всхлипыванием. В отчаянии и горе рыдал он, заломив руки над головой и уткнувшись лицом в траву, пытался заглушить звуки собственного плача. А там, вдалеке, Кора убегала все дальше и дальше от него.

Луна теперь светила очень ярко, и свет ее подчеркивал белизну его рук, беспомощно закинутых за голову, золотил его белокурые волосы.

Перевела с английского
А. БАРАНОВА.

Альберт КРАВЦОВ

ШАХТЕРЫ ЧУКОТКИ

Когда из штреков возвращаются
шахтеры,
усталые, в крупицах серой пыли,
я думаю: нужны ли разговоры
о подвиге, что в будни совершили
вот эти люди с лампами на касках,
дублеными горняцкими руками?
Давайте-ка найдем попроще
краски.
И под землей, ступая сапогами
в кромешной тьме по выступам
руды,
пойдем в забой.
Блестят глаза шахтеров.
Вгрызается со звонким хрустом
в гору
электробур.
Здесь вкраплены следы
касситерита.
На сводах снег.
Породу, горняки,
вам отогреть горячими руками,
ладонями, шершавыми, как камни.
О, мне бы вашей крепости руки!
Поселок молодой: дома, копры.
Колючий снежный ветер с океана
сечет лицо, врывается в дворы.
Шагают люди медленно, устало.
Я думаю: уместны ль разговоры?
Из штреков возвращаются
шахтеры.

Инна ЛИСНЯНСКАЯ

ГОДЫ

Скоблю молодую картошку
С прилежностью страшной своей.
Очистки бросаю в картонку
Для пользы соседских гусей.

Тарелку свою за обедом
До блеска я корочкой тру.
А дочь за остатки-объедки
Готова я хлопнуть по рту.

Любой приходи ко мне в гости!
Увидишь, что я не жадна.
Но в детстве мне в кожу и в кости
Голодная въелась война.

Полжизни мне помнится жутко,
Как пальцами тоньше стекла
Картофельные кожурки
Разглаживала и пекла.

Мое хлебосольно жилище!
Зайди — пирогов напеку!
Но выбросить что-то из пищи
Полжизни уже не могу.

Любой заходи: хлебосольна!
Я потчую щедро гостей
И очень при этом довольна,
Что держат соседи гусей.

* * *

Моя лодочка без весла,
Моя лодочка на мели...
Все завязано без узла,
Все затянуто без петли.

Все я думала: обойдусь,
Все надеялась сгоряча,
Что о дерево обопрусь,
Если рядышком нет плеча.

Ну, а дерево, эх, не то!
Да и как оно здравствует?!
Надевает весной пальто,
Ну, а осенью сбрасывает.

Мне не надо бы и весла,
Если б чья-то рука вдали...
Все завязано без узла,
Все затянуто без петли.

Трасса освоена.

БИТВА НА СНЕЖНЫХ

На горы обрушилась метель.

Репортаж с места события ведет специальный корреспондент «Огонька» Ю. КРИВОНОСОВ

Зима нынче в Киргизии выдалась холодная, снежная, завалила в горах дороги, понавешала на перевалах сыпучие белые шапки, отрезала чабанские бригады от баз снабжения. Над зимующими в горах колхозными отарами нависла угроза голода.

На прорыв снежной блокады срочно брошены к перевалам автоколонны с продовольствием, комбикормами, солью. Прокладывая в завалах тоннели, пробивается вперед дорожная техника, расчищает путь автомашинам. Но не везде могут пройти автоколонны, да и время не ждет — и тогда из районов, отрезанных стихией, летят радиограммы: «Просим выслать вертолеты!»

И вот уже вступили в бой подразделения Киргизского управления гражданской авиации, над перевалами застрекотали моторы. Я вылетаю с одним из экипажей.

...Все ближе гряда Киргизского хребта. Внизу плывут заснеженные поля Чуйской долины. Прямо в глаза ослепительно бьет зимнее, но все же по-южному теплое солнце. Если посмотреть вниз — сразу заметишь его работу: северные скаты крыш в поселках белые, на южных снег уже стаял. Пролетаем над абсолютно круглым курганом, он тоже белый только наполовину. Маленькие человечки взбегают на его вершину и машут нам шапками. Они знают, куда пошел наш вертолет. Полчаса назад, когда мы прилетели в колхоз имени Ярославского, нас встречало много народу, помогли разгрузить техническое имущество, и в несколько минут был создан импровизированный аэродром. Главными помощниками были, конечно, мальчишки...

Входим в ущелье. Южные склоны гор желто-коричневые, усыпанные темно-зелеными клубочками зарослей арчи, северные — словно расписаны черным по белому: арча на фоне снега совсем темная. Стены ущелья сдвигаются все плотнее, и вот мы уже буквально протискиваемся в узкую щель, дно которой поднимается все выше. Тогда вертолет ввинчивается в небо и проскакивает за утонувший в снегах перевал. Через несколько минут находим отары. Они почти сливаются с осыпями на склонах, их можно заметить, если внимательно вглядываешься — словно кто-то сыпанул на гору горсть риса. Чабаны показывают куда садиться, но командир корабля Юрий Грязнов и второй пилот Валерий Виклушкин видят — место неподходящее, много крупных камней.

Несколько минут кружим в поисках площадки и наконец начинаем прижиматься к небольшой террасе. Она ровная, почти без камней, но имеет большой уклон. Бортмеханик Василий Курячий выпрыгивает из машины и быстро сует под колеса колодки. Вот теперь можно выключить двигатель.

Выгружаемся. Несколько минут тишины и чудесного горного воздуха. Потом снова рокочет мотор, вертолет приподнимается на цыпочки. Вася выдергивает колодки и заскакивает в кабину. Трасса освоена, и теперь рейс за рейсом вертолет забрасывает за перевал соль, корма, продукты. Надо спешить, покуда погода хорошая. Даже пообедать некогда, и только после захода солнца отправляемся в поселок. За обедом-ужином командир жалуется:

— Вчера, понимаешь, двадцать семь лет мне стукнуло, так я к геологам летал. Припасы у них кончились. А потом сразу сюда. Даже стопку водки выпить не пришлось: нельзя...

А наутро с первыми лучами солнца снова вылет. Погода портится — вертолету приходится нырять под нависшие над горами тучи и, прижимаясь ко дну ущелья, вновь и вновь пробиваться на альпийские пастбища. Вертолет — маленькая точка в больших горах, он спешит на выручку людям, и его экипаж — одна из штурмовых групп, участвующих в битве на снежных перевалах.

ПЕРЕВАЛАХ

Юрию Грязнову — снова в рейс.

Прыжок через перевал. ▶

От бункера до бункера

В. МОСКОВСКИЙ

Фото Л. Степанова.

Это всегда бывает мучительно тревожно, это всегда будоражит ум и сердце, когда встречаешься с городом, который не видел более двух десятилетий. Да еще с каким городом и каких десятилетий!

Мы приехали в Берлин вечером. Мы — это делегация Общества дружбы Советский Союз — ГДР. Машины мчатся по улицам, озаренным тысячами лампионов. Огни нового Берлина, огни столицы социалистического государства, стоящего на стыке с капиталистическим миром.

А перед моим мысленным взором иные огни. Я их видел на этих же улицах. Город горел. Поверженный, разбитый, дымящийся. С тех пор мы не виделись с ним. Двадцать один год... Рано утром я вышел на улицу. Тиргартен, поросший после войны новыми молодыми деревьями. Унтер-ден-Линден. На месте старых лип, которые Гитлер приказал когда-то срубить, чтобы освободить место для военных парадов, опять появились молодые деревья. Площадь Тельмана — ее тогда не было. Но за нею земляной холм, возникший на месте последнего убежища Гитлера. Здесь стояло здание имперской канцелярии, в глубоких подвалах которого размещался бункер — ставка Гитлера. Здесь он и отравился ядом. Логово зверя засыпали землей. Вырос пологий холм, похожий на большую могилу. Пусть он останется в назидание: здесь похоронено фашистское прошлое, к которому уже не может, не должно быть возврата.

Иногда я слышу, как некоторые молодые люди кощунственно разглагольствуют по поводу того, что им надоели фильмы о военных подвигах советского солдата, книги о павших и живых героях великого сражения за Родину. «Ах, опять про войну... Надоело!..» Да, опять про войну! И никогда, во веки веков не забудем и никому не позволим забыть о том, как все это было!

Я смотрю на бывший бункер бывшего фюрера и думаю о девушке, встреченной мной под освобожденным Можайском. Она смотрела вокруг безумными глазами: немцы расстреляли ее мать, отца, братьев, сестер. Она подошла ко мне, тогда бригадному комиссару, и тихо попросила: «Если до Берлина дотопаете... тогда и за маму и за папу...»

Коммунисты, сыны тельмановской партии,— вот кто первым напомнил немецкому народу: вы должны жить и завтра. Сегодня надо смотреть не назад, а вперед.

Я хожу по шумным улицам Берлина и вспоминаю зловещую тишину, царившую здесь весной сорок пятого. Умолкли пушки. Перестали грохать танки. Тишина. Но побежденным страшна даже она, эта напряженная тишина: что будет дальше?

Я вспоминаю разговоры с немцами той поры — тревога, растерянность, страх. И тысячи вопросов к нам, советским офицерам и генералам, политическим работникам: каковы ваши намерения, требования? Я помню разговор с немецким учителем. Он говорил:

— Мы не переживем позора. Нам стыдно перед человечеством.

Тогда я спросил у него:

— Вы читали заявление Томаса Манна?

— Нет, не читал... Это очень важно, что думает Томас. Где можно прочесть?

Я попросил переводчика прочитать ему заявление, переданное ТАСС. Томас Манн говорил в нем о том, что этот час велик не только для победителей, но и для Германии, час, когда убит дракон. Страшное и ненормальное чудовище, называемое национал-социализмом, испустило дух, и Германия по крайней мере освобождена от проклятия называться страной Гитлера.

И вот сегодня мы находимся в той части Германии, которая действительно освобождена от проклятия, в которой народ под руководством Социалистической единой партии Германии строит новую жизнь.

ХОРОШАЯ ЭТО ТОЧКА!

В Лейпциге в канун открытия выставки молодых изобретателей нас пригласили на собрание, где выступал заместитель председателя Совета министров ГДР товарищ Абуш. Речь шла о молодых людях, родившихся уже после войны, не видевших Берлин поверженным, не знавших, что такое бомба, падающая на землю. Нас порадовал духовный мир этой молодежи, для которой слились воедино понятия «мой личный дом», «мое личное благополучие» и «мое отечество». Тут что ни работа — плод коллективного творчества.

Творчество это очень ощутимо и зримо. По предварительным подсчетам, оно дает народному хозяйству экономию, превышающую 150 миллионов марок. На одной только выставке в Карл-Маркс-штадте из 865 экспонатов 286 уже пошло в дело.

В Берлине, например, каждая четвертая новаторская работа — плод коллективных усилий. На 90 процентов состояла из коллективных изделий и Лейпцигская выставка.

При народном предприятии Магдебурга «Арматуренверке» имени Карла Маркса имеется клуб юных техников. Не забавы ради собираются тут юноши. Именно в таком клубе родилась идея лучшего использования результатов исследований по электрохимической обработке металла. Руководство завода поддержало идею молодых, привлекло инженеров и предоставило в их распоряжение необходимые средства. И вот уже действует высокопроизводительная установка, дающая большую экономию средств и материалов.

Молодежь народного предприятия «Пентакон» в Дрездене создала новую поточную линию для производства малоформатных фотоаппаратов. Теперь каждые 72 се-

Здесь была имперская канцелярия.

Идут будущие хозяева страны.

кунды с конвейера сходит фотоаппарат. А норма — 90 секунд!

Вот одна из многих точек приложения энергии немецкой молодежи. Хорошая это точка, хорошая эта молодежь! Нам приятно было с ней познакомиться.

В ОКРЕСТНОСТЯХ ДРЕЗДЕНА

Недалеко от Дрездена мы побывали в гостях у крестьян сельскохозяйственного кооператива имени Вальтера Ульбрихта. Встретились с руководителями кооператива, посмотрели фермы, технику, склады.

Хозяйство большое. 2 тысячи гектаров пахотной земли, 470 работоспособных людей. 5 тракторов, 11 комбайнов. Из них 4 свеклоуборочных. Урожай в этом году богатый. Большие площади отданы клеверу. 100 гектаров занято под сад, и в этом году кооператив продал государству 2 тысячи центнеров вишни.

В кооперативе большое тепличное хозяйство, где главным образом выращивают цветы,— тоже немалая статья дохода.

Кооператив продает государству мясо, зерно, овощи, шерсть на 7,5 миллиона марок. Члены кооператива зарабатывают от 5 до 6 тысяч марок в год, трактористы и доярки — до 7 тысяч марок. Если все это сопоставить с ценами на товары народного потребления, то можно сказать, что люди тут живут в достатке.

Кооператив может позволить себе принять такое, например, решение. У них много женщин с малолетними детьми. Решено установить для них неполный рабочий день. Заработок будет, конечно, чуть поменьше тех, кто работает полный день. Но зато дети будут расти под материнской опекой.

После осмотра хозяйства пошел у нас откровенный разговор о трудностях, о еще не решенных проблемах. И выясняется любопытное обстоятельство: немецких крестьян беспокоит та же проблема, что и многих наших колхозников, — проблема молодежи. Ребята и девушки тянутся из деревни в город.

— Почему? В чем тут дело? — спросили мы председателя товарища Лохвица.

Он ответил, не задумываясь:

— Причин много. Но заранее должен оговориться: соображения тут отнюдь не меркантильные. В нашем кооперативе молодой человек зарабатывает больше, чем он зарабатывает в городе. И купить может себе то же, что и молодой горожанин. Тем не менее до пятидесяти процентов молодежи уходит в город. Но в сельском хозяйстве у нас пока еще трудно установить твердый рабочий день. Случается, что и в воскресенье, особенно в уборочную страду, приходится работать. А парень погулять хочет.

Есть у нас два клуба, оркестр, женский хор, хорошая библиотека. Шестьдесят тысяч марок в год ассигнуем на всякие культурные дела. К нам из городов на гастроли приезжают артисты. И все же молодежь тянется к городской культуре. Вот мы и считаем, что нам надо постараться дело так поставить, чтобы духовная жизнь на селе не отличалась от городской. Очень это важно.

ЗДЕСЬ ПЕЧАТАЛАСЬ «ИСКРА»

С чувством особого благоговения входили мы в лейпцигский музей-типографию. Здесь издавалась ленинская «Искра». Здесь сохранилось все так, как было тогда. Лежит на кассе верстатка наборщика. Смотришь на нее и ждешь: вот сейчас придет наборщик, возьмет ее в левую руку, а правой быстро-быстро будет набирать шрифт.

Руководители музея подарили нам оттиски «Искры». Я бережно доставил их в Москву.

На окраине Лейпцига мы долго осматривали «Памятник битвы народов». Величественное, монументальное здание, воздвигнутое в память происходившей в 1813 году под Лейпцигом исторической битвы, которая, как известно, была кульминационным моментом борьбы народов Европы против Наполеона Бонапарта.

Правительство ГДР уделяет большое внимание сохранению памятников культуры.

Путешествуешь по городам, а тебе кажется, что ты шагаешь из зала в зал гигантского музея. И все это широко используется для воспитания молодежи. Немецкие друзья, рассказывая нам об этом, с гордостью говорили о том, как они по-ленински относятся к культурному наследию прошлого. И, конечно, не преминули при этом вспомнить о пресловутой «культурной революции» по-китайски...

Мы с благодарностью приняли предложение побывать в Потсдаме. И не только потому, что это один из красивейших городков Германии. Для нас это незабываемая страница истории второй мировой войны.

Вот он, этот исторический зал, где с 17 июля по 2 августа 1945 года заседали главы правительств трех держав антигитлеровской коалиции и сопровождавшие их лица. Вот он, этот круглый, с флажками СССР, США и Англии стол, за которым были подписаны всемирно известные решения Потсдамской конференции, предусматривавшие полное разоружение Германии, искоренение милитаризма и фашизма, наказание нацистских и военных преступников, ликвидацию немецких монополий, демократизацию всей Германии... Мы молча стоим в этом зале и мысленно, по памяти перечитываем пункты соглашения, которое так бесстыдно ныне нарушается нашими бывшими союзниками в угоду реваншистам из ФРГ.

...Вот настал и день отъезда, прощания с друзьями, обмена впечатлениями. Что сказать о них, о впечатлениях? Мы еще и еще раз убедились: в республике проводится огромная работа по воспитанию нового человека, человека социалистической формации. Нам понятна нервозность соседей из ФРГ — нельзя им не беспокоиться, когда они видят, сколь быстро развивается экономика ГДР, сколь огромны ее успехи в воспитании молодого поколения в духе верности социализму.

Я начал свой рассказ о Берлине с бывшего бункера бесноватого фюрера; видимо, на меня, военного человека, это произвело наибольшее впечатление. О бункерах мне хочется сказать и в конце своего репортажа, о бункерах отнюдь не символических, а о тех, которые строят в ФРГ люди, ничему не научившиеся.

Не так давно в ФРГ был проведен такой «эксперимент»: из бункера в районе долины реки Ар вышли на белый свет члены так называемого боннского «чрезвычайного кабинета» и одиннадцать депутатов «чрезвычайного парламента». Там, в бункере, по словам газеты «Ди Вельт», они «разыграли отдельные ступени нарастающего конфликта». Провозгласив учебное «чрезвычайное положение», они приказали «расстрелять скопления рабочих», а затем, подняв бундесвер по плану «Красный вариант», распорядились о запуске ракет с ядерными боеголовками. В своих чемоданах боннские деятели вынесли из бункера 16 новых законов и 29 новых постановлений на случай «чрезвычайного положения», а также план введения в силу «чрезвычайной конституции». Так закончились учения, известные под названием «Фаллекс-66».

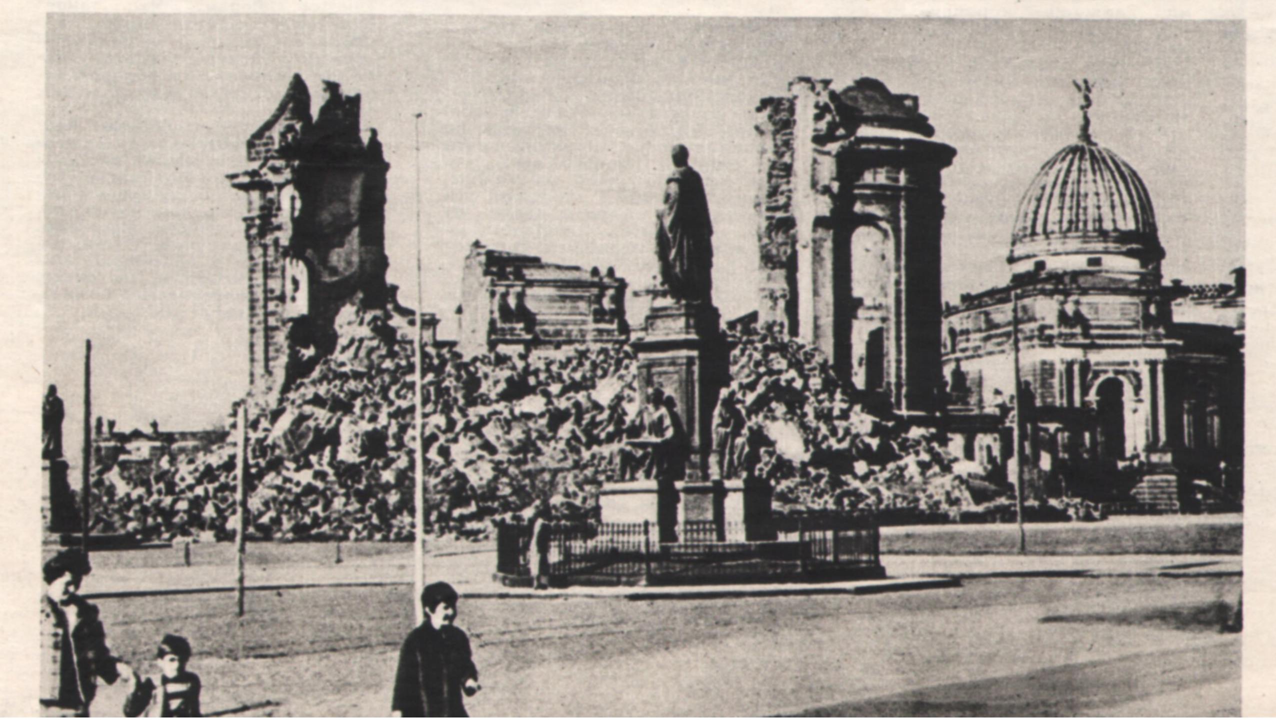
Однако история учит, что бункеры не спасают преступников. Учит этому и тот символический холм, под которым погребена последняя ставка Гитлера...

Сегодняшний Берлин. Карл Маркс-аллее.

Дрезден. Эта часть города оставлена такой навсегда. Весной 1945 года в развалинах был весь Дрезден.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОДАРКА

В кремлевском кабинете Владимира Ильича, на этажерке, стоит лампа-чернильница из литого карболита. По бокам ее высятся две мачты, соединенные проводами. Мачты изображают опоры линии электропередачи. Наверху у каждой из них — лампочки. А чернильница сделана в виде роликаизолятора.

Этот чернильный прибор был подарен Ленину, когда утверждался план ГОЭЛРО.

Историю этого подарка рассказал мне Михаил Васильевич Осипов — один из основателей первого отечественного завода пластических масс.

— Накануне открытия VIII Всероссийского съезда Советов товарищи поручили мне изготовить подарок Владимиру Ильичу. Долго я думал о том, что именно сделать, и решил: подарок рабочих должен отражать главное в жизни страны, а в то время главное для нас — это была электрификация. Очень я старался сделать чернильный прибор получше, а задача была непростая. Все приходилось мастерить вручную: вырезать, строгать, оттачивать, полировать...

Михаилу Васильевичу сейчас 83 года. Несмотря на то, что он уже на пенсии, Осипов живет интересами родного завода, с которым связан с юности. Он был одним из первых рабочих завода «Карболит», основанного в 1916 году в Орехове-Зуеве.

— Посмотрите,— говорит Осипов, протягивая мне выцветший от времени снимок,— какая тогда была техника.

На фотографии двое парней тащат громоздкий котел.

— В такие медные котлы загружали вручную сырье, а когда смесь закипала, рабочие, вставив жердь в ушки восьмипудового котла, тащили его остывать во двор. Всякий раз люди бросали жребий, кому идти сзади: ведь весь газ, который выделяла горячая масса, валил прямо в лицо человеку.

Отливали мы тогда стержни — рабочие называли их попросту палками,— а затем из этих палок вытачивали на единственном токарном станке ролики и электроизоляторы. На прочность изделия испытывали так: с силой подбрасывали стержень, и если, упав на каменный пол, он не разбивался, то и считали: годен!

В очень трудных условиях — оборудование, как видите, было тогда примитивное, топлива не хватало, сырье неважное — карболитовцы выполняли важнейшие заказы молодой республики Советов. Снабжали изоляторами первые советские электростанции: Шатурскую, Каширскую. Это благодаря «Карболиту» страна перестала зависеть от иностранных поставщиков электроизоляционных материалов.

В наши дни «Карболит» стал одним из самых мощных химических предприятий страны. На каждом шагу мы сталкиваемся с его продукцией. Патроны для электрических лампочек, всевозможные изоляторы, ролики для эскалаторов метро, подшипники для прокатных станов, игрушки — да разве все перечислишь! Редкая отрасль народного хозяйства обходится без изделий этого завода.

М. АНГАРСКАЯ

Михаил Васильевич Осипов в кремлевском кабинете В. И. Ленина.

Фото Е. Кукуева.

ЗА КР

Репортаж из «горячей» лаборатории ведет специальный корреспондент «Огонька» Г. МАКАРОВ

Фото автора.

Снимаю ботинок, перешагиваю через красную линию на пластиковом полу, снимаю второй ботинок и в носках иду к железному шкафчику. Ботинки — в шкаф, а ноги — в тапочки из того же пластика, очень напоминающие пляжные.

В следующей комнате получаю ослепительно белый лавсановый халат и такую же шапочку, носки и другие тапочки. Снова процедура перемены обуви, и снова шагаю через красную линию. Небольшой коридор — и мы в «горячей» лаборатории Научно-исследовательского института атомных реакторов — НИИАР. Мой спутник — начальник технического отдела Виктор Николаевич Леонов...

Но прежде чем идти дальше, давайте остановимся на минуту и вспомним некоторые события недавнего времени. Прошло более 10 лет после пуска первой в мире атомной электростанции; атомоход «Ленин» взломал льды высоких широт Арктики; вступили в строй Нововоронежская и Белоярская АЭС; группа атомных подводных лодок совершила фантастический поход под водой и льдами вокруг Земли.

Атом прочно утвердился на трудовых и оборонных постах.

Среди всех сообщений о подвигах атома для многих незаметным осталось известие о пуске реактора «СМ-2».

«СМ-2» — сверхмощный. Советским ученым удалось получить в этом аппарате поток нейтронов небывалой доселе плотности.

И еще одно свойство отличает «СМ-2» от его собратьев — это не энергетик, отдающий свою мощность в энергосеть или движущий корабли. Реактор «СМ-2» — ученый, исследователь.

Вот что сказал по этому поводу директор института профессор Олег Дмитриевич Казачковский:

— Известно, что для постройки реактора необходим большой ассортимент материалов с самыми различными свойствами. Если одни детали должны быть совершенно «прозрачными» для нейтронов, то другие обязаны их тормозить, замедлять. А иные вовсе поглощать — гасить цепную реакцию.

Высокая температура и давление в активной зоне реактора, а главное — воздействие нейтронного потока и разного вида излучений могут совершенно изменить свойства материалов конструкций, что неизбежно приведет к преждевременной остановке реактора, а то и к более тяжелым последствиям.

«Горячая» лаборатория, куда вы сейчас направляетесь,— одна из крупнейших в мире. Там в широком диапазоне исследуются различные физико-механические свойства материалов после облучения. Огромная его интенсивность на реакторе «СМ-2» позволила значительно сократить время опытов и резко увеличить их количество.

«СМ-2» в комплексе с «горячей» и другими лабораториями как бы поставили наши опыты на производственный поток, если так можно выразиться, индустриализовали научную работу.

Благодаря этому мы за сравнительно короткое время уже подготовили некоторый задел — исследовали ряд материалов, которые можно рекомендовать строителям будущих реакторов.

С Виктором Николаевичем мы идем дальше. Разговор переходит на другую тему.

— Опасность? Она, конечно, потенциально существует,— говорит Виктор Николаевич,— ведь мы имеем дело с веществами, обладающими весьма большой радиоактивностью. Однако, смотрите, наши сотрудники работают без каких-либо особых защитных приспособлений. Белый халат, шапочка, обувь — вот и все. Правда, в кармане у каждого — индивидуальный дозиметрический прибор. Отметьте, кстати, что ни один из них еще ни разу не показал дозы, превышающей норму.

Вскоре я понял, чем это достигается. Прежде всего здесь идеальная, чуть ли не стерильная чистота помещений и оборудования. Затем биологическая защита из стали и специального бетона, которая по толщине может конкурировать со стенами любого дота или крепости. Но какой же мощью, подумалось мне, обладают эти невидимые снаряды, если от них приходится отгораживаться дверями, подобных которым нет даже в циклопических башнях береговых артиллерийских батарей самого большого калибра!

Здесь и сам воздух призван на службу безопасности. Давление его в помещениях неодинаково. Оно выше там, где находятся люди, и ниже в самых «горячих» камерах. Поэтому подсос воздуха идет из «чистых» (как здесь говорят) в «грязные» помещения. Этим исключается распространение активных частиц по лаборатории.

Говорим о безопасности — и вдруг резкий звонок, а над головой вспыхнул красный сигнал. Я, конечно, всполошился. И напрасно: никакой тревоги нет. Просто дозиметристы проверяют систему сигнализации.

...Идем дальше. В каждом из отделений лаборатории «горячие» камеры смотрят на нас сквозь метровые свинцовые стекла зеленоватыми загадочными глазами. Люди в белом молчаливо оперируют там чуткими пальцами стальных манипуляторов. Они способны проделывать многое — от простого сверления и шлифовки до рентгеноструктурного анализа и электронной микроскопии. Из камеры в камеру по каналу в толще бетона, словно по тоннелю миниатюрного метро, на тележке переходит исследуемый объект. А рядом, в «холодной» части лаборатории, образец того же материала, только не прокипевший в недрах атомного котла, подвергается тем же операциям, что и облученный. Идет сравнение, и делаются выводы.

...Наше путешествие заканчивается. Снова красная черта. На предмет проверки надо предъявить руки электронному стражу, стоящему у выхода. В ответ на недоуменный вопрос, почему стрелка прибора не на нуле, Виктор Николаевич объясняет, что высокочувствительный прибор регистрирует даже космические лучи.

Правая рука на датчике — «чисто». Левая... Что такое? Стрелка срывается вправо, а в красном окошке вспыхивает: «грязно». Откуда бы это? Вроде бы я точнейшим образом соблюдал все правила — и вот тебе раз!

— Ничего,— успокаивает Леонов,— это — лишнее подтверждение надежности нашей системы контроля — прибор засек незначительное излучение циферблата и стрелок часов, покрытых светящимся составом.

...Сданы пропуска. С портрета, висящего в вестибюле, нас провожают молодые, пытливые и очень человечные глаза. Это глаза Курчатова.

Руководитель группы Владимир Косенков.
У красной черты.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Идет юстировка установки для рентгеноструктурного анализа.
В недрах «горячей камеры» инженер Владимир Выскубов.

АСНОЙ ЧЕРТОЙ

A

Улица в Чите. Слева дом А. Г. Муравьевой, справа дом Е. И. Трубецкой.
Акварель декабриста Николая Бестужева, 1829—1830 годы.

ЛИСТЫ В АЛЬБОМЕ ДЕКАБРИСТКИ АЛЕКСАНДРЫ ИВАНОВНЫ ДАВЫДОВОЙ

Деревня, находившаяся на пути перехода декабристов из Читинского острога в тюрьму при Петровском заводе.
Акварель декабриста Николая Бестужева, сентябрь 1830 года.

Комната декабриста В. Л. Давыдова в Красноярске, где он с семьей находился на поселении.
Акварель неизвестного художника, 1840-е годы.

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
доктор искусствоведческих наук

Сибирский альбом декабристки

В числе тех замечательных женщин, которые обессмертили себя, приняв продиктованное сердцем решение разделить участь декабристов — своих мужей и женихов, была Александра Ивановна Давыдова. Недаром Н. А. Некрасов назвал их декабристками и писал: «Самоотвержение, выказанное ими, останется навсегда свидетельством великих душевных сил, присущих русской женщине». Т. Г. Шевченко считал «беспримерной святой героиней» одну из жен декабристов, последовавшую за мужем в Сибирь. А вот как вспоминал о них декабрист А. П. Беляев: «Слава стране, вас произрастившей! Вы стали поистине образцом самоотвержения, мужества, твердости при всей юности, нежности и слабости вашего пола. Да будут незабвенны имена ваши!»

Всего таких подлинно героических женщин было одиннадцать. И самой как бы неприметной среди них оставалась А. И. Давыдова. О ней меньше всего писали те, кто ее знал, никто не посвятил хотя бы очерка ее горестной жизни, да и в документальных источниках никаких сведений о ней нет. Вместе с тем Александра Ивановна по своим душевным качествам — одна из наиболее привлекательных декабристок.

И должно было случиться так, что в Париже оказался альбом, куда она вклеила исполненные преимущественно декабристами акварельные виды местностей и интерьеров, в которых на протяжении тридцати лет прожила в Читинском остроге и Петровском заводе, а также на поселении в Красноярске. Альбом этот около полувека назад вывез с собой эмигрировавший неведомо почему за границу Денис Дмитриевич Давыдов — правнук декабриста В. Л. Давыдова и его жены, Александры Ивановны, внучатый племянник П. И. Чайковского.

В молодости Денис Дмитриевич получил прекрасное образование, он, в частности, окончил Царскосельский лицей. А за рубежом Д. Д. Давыдов мог найти себе применение лишь в качестве гида по Парижу, и он этим занимался до недавнего времени, уже будучи в возрасте 75 лет. Но сейчас, после изнурительных болезней, перенесенных им, он начисто лишен возможности вести эту изматывающую работу. Тяжелое чувство осталось у меня от встреч с этим незаурядным человеком. Ему бы давно вернуться на родину, с которой он связан всеми помыслами, всеми фибрами души. Да и родственников у него на родине немало: так, его двоюродные сестры Ксения Юрьевна и Ирина Юрьевна Давыдовы успешно работают в Доме-музее П. И. Чайковского в Клину. А теперь одинокий Денис Дмитриевич живет в Париже очень трудно, к тому же хозяин дома решил избавиться от такого мало устраивающего его жильца, и только прошлогодний инфаркт спас Д. Д. Давыдова от выселения из крохотной квартирки, в которой он прожил свыше двадцати пяти лет.

Что же касается семейных реликвий его предков-декабристов, то Денис Дмитриевич сохранил лишь альбом акварельных видов Сибири, принадлежавший А. И. Давыдовой. Познакомившись с моим исследованием о декабристе-художнике Николае Бестужеве, Денис Дмитриевич, передавая мне этот альбом, просил написать о его прабабушке-декабристке, а не только о самом альбоме, а затем передать эту реликвию в один из наших музеев или архивов на вечное хранение. Все это я и выполняю.

I

В декабристском движении лейб-гусар, участник Отечественной войны 1812 года, полковник Василий Львович Давыдов, член Южного общества, занимал видное место. Поэтому и был осужден по первому разряду. В усадьбе Каменка, родовом имении Давыдовых на Украине, неоднократно гостили выдающиеся представители русской культуры и общественной мысли того времени; особенно часто там бывали будущие декабристы.

Василий Львович, брат (по матери) генерала Н. Н. Раевского, был очень дружен с Пушкиным, посвятившим ему стихотворное послание. Поэт прожил в конце 1820 — начале 1821 года в Каменке около двух с половиной месяцев. Здесь он принимал участие в обсуждении будущими декабристами вопроса о целесообразности основания в России тайного политического общества. «...теперь нахожусь в Киевской губернии, в деревне Давыдовых, милых и умных отшельников,— писал Пушкин 4 декабря 1820 года из Каменки поэту Н. И. Гнедичу.— Время мое протекает между аристократическими обедами и демагогическими[1] спорами. Общество наше, теперь рассеянное, было недавно разнообразная и веселая смесь умов оригинальных, людей известных в нашей России».

Когда Пушкин отправлял это письмо из Каменки, там уже около двух лет, даже, быть может, не показываясь гостям, жила Александра Ивановна. Ей, дочери безвестного губернского секретаря Потапова, было всего семнадцать лет, когда В. Л. Давыдов в 1819 году сблизился с ней. Но свои многолетние отношения с Александрой Ивановной он узаконил лишь в мае 1825 года. Когда Давыдов ушел на каторгу, у его двадцатитрехлетней жены осталось шестеро детей. Н. Н. Раевский упорно добивался, чтобы власти разрешили Давыдову усыновить детей, рожденных до брака родителей; хлопоты остались безрезультатными.

Легко себе представить, сколько горя перенесла Александра Ивановна от одного того, что, решив отправиться в далекую Сибирь, она должна была навсегда оставить в России своих малолетних детей: ведь по предложению царя комитет министров принял постановление, в котором говорилось, что «невинная жена, следуя за мужем-преступником в Сибирь, должна оставаться там до его смерти». Кроме того, правительство «отнюдь не принимало еще на себя непременной обязанности после смерти их дозволить всем их вдовам возврат в Россию». Но Николаю I всего этого было мало: он «позаботился» и о судьбе того потомства декабристов, которое могло родиться в Сибири. Поэтому в первоначальном решении правительства было и такое: «Дети, которые приживутся в Сибири, поступят в казенные заводские крестьяне».

Александра Ивановна на все это пошла и, разместив детей по родным, в числе самых первых последовала за мужем-декабристом. Этим она, по существу, спасла его, так как Василия Львовича окончательно сломил вынесенный приговор: во втором, смягченном варианте это была ссылка на двадцатилетнюю каторжную работу. Вот какими идущими от всего сердца словами характеризовал он свою жену в отправленном из Петровской тюрьмы письме к детям, оставшимся в России:

«Без нее меня уже не было бы на свете. Ее безграничная любовь, ее беспримерная преданность, ее заботы обо мне, ее доброта, кротость, безропотность, с которою она несет свою полную лишений и трудов жизнь, дали мне силу все перетерпеть и не раз забывать ужас моего положения. Уплачивайте ей, мои милые дети, мой долг вашей любовью и уважением к ней и, когда меня не станет, воздайте ей за все добро, которое она сделала вашему несчастному отцу. Эти слова, эту просьбу, которую я пишу здесь, я повторю на моем смертном одре и умру с твердой и сладкой надеждой, что они останутся навсегда начертанными в ваших сердцах».

Этой замечательной характеристике не противоречат и те немногочисленные отзывы о Давыдовой, которые имеются в мемуарной литературе о декабристах. «Необыкновенная кротость нрава, всегда ровное расположение духа и смирение отличали ее постоянно»,— пишет о ней А. Е. Розен. А вот что говорит Н. И. Лорер о Давыдовой: «Женщина, отличавшаяся своим умом и ангельским сердцем». Это все, чем запечатлена она в воспоминаниях современников.

Но зато в найденном мною двадцать лет назад собрании исполненных Николаем Бестужевым акварельных портретов декабристов и декабристок, принадлежавшем самому художнику, сохранилась трогательной прелести акварель, увековечившая облик А. И. Давыдовой. Этот единственный портрет ее тех лет в полной мере дает представление о ее внешности и о внутренней сущности. Акварель — кстати сказать, она выполнена на редкость талантливо — привлекает своей поэтичностью: женственный облик Давыдовой овеян большим благородством и высокой душевной чистотой, а в ее скорбных глазах столько покорности, что, внимательно всматриваясь в портрет, начинаешь особенно

Продолжение. См. №№ 47, 49, 52 за 1966 год; № 3 за 1967 год.

[1] В те годы слово «демагогический» означало: относящийся к народному движению, революционный.

хорошо понимать всю трагичность ее судьбы. Глубина характеристики в этом портрете исключительна (его воспроизведение дано в моем исследовании о декабристе-художнике Николае Бестужеве).

В Чите и в Петровском заводе у А. И. Давыдовой родилось еще четверо детей, а впоследствии, на поселении в Красноярске, еще трое. Здесь в октябре 1855 года скончался Василий Львович; он успел узнать о смерти Николая I, но не дожил до объявленной в следующем году амнистии, по которой декабристам разрешалось вернуться в родные края. А. И. Давыдова возвратилась в ту самую Каменку, где протекала ее ранняя молодость. И здесь она прожила последние сорок лет своей долгой жизни (1802—1895).

В шестидесятых годах с А. И. Давыдовой в Каменке познакомился П. И. Чайковский (его сестра Александра Ильинична была замужем за сыном декабриста и декабристки — Львом Васильевичем); в своих письмах композитор неоднократно с большим расположением отзывался о Давыдовой. Вот что он писал Н. Ф. фон Мекк из Каменки 23 апреля 1878 года:

«Вся прелесть здешней жизни заключается в высоком нравственном достоинстве людей, живущих в Каменке, т. е. в семействе Давыдовых вообще. Глава этого семейства, старушка Александра Ивановна Давыдова, представляет одно из тех редких проявлений человеческого совершенства, которое с лихвою вознаграждает за многие разочарования, которые приходится испытывать в столкновении с людьми. Между прочим, это единственная оставшаяся в живых из тех жен декабристов, которые последовали за мужьями в Сибирь. Она была и в Чите и в Петровском заводе и всю остальную жизнь до 1856 года провела в различных местах Сибири. Все, что она перенесла и вытерпела там в первые годы своего пребывания в разных местах заключения вместе с мужем, поистине ужасно. Но зато она принесла с собой туда утешение и даже счастье для своего мужа. Теперь это уже слабеющая и близкая к концу старушка, доживающая последние дни среди семейства, которое глубоко чтит ее. Я питаю глубокую привязанность и уважение к этой почтенной личности».

В другом письме Чайковский так говорит об Александре Ивановне: «Все многочисленное семейство Давыдовых питает к главе семейства обожание, которого вполне достойна эта поистине святая женщина. Она — последняя оставшаяся в живых жена декабриста, из последовавших за мужьями на каторгу. Некоторых из своих детей она родила на Петровском заводе, в остроге. Вообще много горя пришлось ей перенести в молодости, зато старость ее была полна тихого семейного счастья. И какое чудное это семейство! Я считаю себя счастливым, что судьба столкнула меня с ними и так часто дает мне случай видеть в лице их душевное совершенство человека» (письмо от 15 октября 1879 года). В одном из писем следующего года Чайковский упоминает о том, что А. И. Давыдова «отлично помнит» Пушкина.

Вот такой была декабристка Александра Ивановна Давыдова, прабабушка Дениса Дмитриевича Давыдова, который, вручая мне принадлежавший этой замечательной женщине альбом, просил помянуть добрым словом его первую владелицу.

II

На кожаном переплете альбома Давыдовой золотом тиснуто слово «Сибирь». В нем двадцать семь акварелей и сепий, одна гравюра и одна фотография. К сожалению, последний владелец альбома не знал имен авторов этих акварелей и сепий, он назвал лишь те две фамилии, которые обозначены на трех листах. Мне удалось установить и других лиц, исполнивших для этого альбома акварели и сепии, и лишь авторов двух работ пока не определил.

Многие декабристы хорошо рисовали еще в юные годы. Но именно в годы пребывания в Читинском остроге и Петровском заводе некоторые из них усовершенствовали свой талант рисовальщика. И все же только один из них, Николай Александрович Бестужев, изучив на каторге технику акварельной живописи П. Ф. Соколова благодаря привезенным туда декабристками работам этого блистательного мастера, стал настоящим художником-портретистом. Кроме того, он выполнил в годы каторги виды острогов, в которых жили декабристы, пейзажи с натуры, интерьеры. В своих «Воспоминаниях о Н. А. Бестужеве» его брат Михаил писал: «Кроме портретов, его лучшими и любимейшими из работ были виды Читы и Петровска». Тот же мемуарист говорил о Николае Александровиче: «Он был в душе поэт и художник. Всякая живописная местность, ручей, скала, дерево поглощали его внимание».

Декабрист-художник никогда не отказывал, когда жены декабристов просили его исполнить их акварельное изображение или написать портреты детей, все это посылалось в подарок родным в Европейскую Россию. Об этом имеются десятки свидетельств в письмах к Бестужеву, в переписке жен декабристов со своими близкими. Такого рода подарки он делал и для А. И. Давыдовой. Так, в ее письме к старшей дочери, Марии, оставшейся в России, Александра Ивановна писала 19 февраля 1835 года из Петровского завода: «Васин портрет тебе посылаю, он очень похож, а Сашин и Ванечкин — сестрам, ты можешь их когда-нибудь отдать списать для себя». В письме упоминаются дети Давыдовых, родившиеся в Читинском остроге и Петровском заводе: Василий (в 1829 году), Александра (в 1831 году) и Иван (в 1834 году). Автором же этих трех детских портретов был, несомненно, Николай Бестужев. Исполнив очень хорошую коллекцию видов окрестностей Читы, он, по словам брата Михаила, «почти все раздарил разным лицам». И, конечно, дарил их также Давыдовой.

В ее сибирском альбоме двенадцать акварелей, принадлежность которых кисти Николая Бестужева не вызывает сомнений. С них и начинается альбом. На его первом листе, под акварелью, начертаны чернилами всего два, но таких памятных для декабристов и декабристок слова: «Читинский острог». И рядом карандашом позднейшая надпись: «1826». Этот лист как бы символизирует все содержание альбома. На акварели изображен высокий частокол с закрытыми воротами, у ворот караульная будка и часовой с ружьем, на заднем плане лесистые холмы, слева, в глубине, крестьянские домишки. Такое впечатление, что дальше начинается безотрадная и бесконечная степь...

Вторая акварель Бестужева дает представление о том, как выглядел острог со двора. Подпись на паспарту гласит: «Внутренность Читинского острога. Налево — помещения политических заключенных, два отдельных домика — мастерская и комната для двух больных». Двор опоясан тыном, который как бы отгородил острог от всего света, за тыном видны колокольня и вышка церкви. Справа художник изобразил двух солдат, слева — двух беседующих заключенных, третий направляется из мастерской в помещение острога. Что же касается зелени во дворе острога, которая видна на акварели, то в своих воспоминаниях декабрист А. П. Беляев сообщает о ней следующее: весною 1827 года комендант Читинского острога «дозволил нам заняться устройством на дворе маленького сада. Мы устроили клумбы с цветами, обложенные дерном... цветник».

Одной из лучших в художественном отношении является третья работа Бестужева, исполненная сепией. Под ней на паспарту ничего не объясняющие слова: «Прибавка к большому Читинскому острогу». В действительности художник изобразил при свете луны второй Читинский острог и парники С. Г. Волконского. Когда в 1828 году декабристы получили разрешение развести огороды, едва ли не самым страстным садоводом и огородником оказался Волконский. «Нужно все терпение и постоянство заключенного в неволе человека, чтобы заниматься садоводством, как это делает здесь Сергей»,— писала М. Н. Волконская. Ее письма из Читы, адресованные родным в Россию, полны просьб присылать семена, руководства по разведению цветов и овощей, а также рассказов об огородных работах мужа. Вот одно из таких писем, датированное 2 марта 1829 года: «Скоро он примется за свою раму со стеклами; он мечтает устроить с ее помощью маленькую оранжерею; очень сомневаюсь, чтобы это ему удалось, так как отведенный ему участок земли крайне мал». Но сомнения Волконской были напрасны, так как Сергей Григорьевич добился своего. Через полгода — 7 сентября — она извещала родных: «У нас лето исключительное, ни одного мороза до сих пор; эта погода очень благоприятна для нашего огорода. У меня есть цветная капуста, артишоки, прекрасные дыни и арбузы и запас хороших овощей на всю зиму. Надо видеть, как доволен Сергей, когда приносит мне то, что взращено его трудами».

В лунные ночи парники и огороды были особенно красивы, потому Бестужев и показал их освещенными луной. Такого рода виды он исполнял на голубой бумаге, и это в некоторой степени помогло ему сепией превосходно изобразить двор острога в лунную ночь. В глубине — каземат, который именовался Дьячковским, справа — парники и огород, слева — хозяйственные постройки, и снова все обнесено высоким частоколом. Один такой рисунок художник подарил М. Н. Волконской, а второй, детальнее разработанный, подарил А. И. Давыдовой.

Следующие пять листов альбома — это акварели, на которых Бестужев запечатлел достопримечательные для узников Читы места. На трех из них: речка Ингода — место купания декабристов; вид на Читу, исполненный из-под горы; улица, на которой находились дома Е. И. Трубецкой и А. Г. Муравьевой. На четвертом листе изображена сопка близ Читы с могилой неизвестного солдата — участника восстания Семеновского полка. После телесного наказания он повесился и поэтому, как самоубийца, был похоронен вне кладбища. По инициативе М. С. Лунина декабристы поставили на могиле крест-памятник. Эта акварель интересна также тем, что художник изобразил здесь самого себя рисующим и одного из своих товарищей. На последнем из пяти листов, как гласит подпись на паспарту, «Читинская церковь — налево угол дома г-жи Давыдовой».

Три акварели сохранили виды местностей на пути, который декабристы проделали в августе—сентябре 1830 года, когда их перевели в другую тюрьму, построенную при Петровском железоделательном заводе (ныне Петровск-Забайкальский). Несмотря на все трудности перехода — путь от Читы равнялся 630 верстам,— декабристы ожидали его с нетерпением, так как после пятилетнего заключения мечтали насладиться «приятными для глаз ландшафтами». Один из участников этого перехода, А. П. Беляев, пишет: «Поход наш был изображен в самых живых картинах, как в движениях, так и в стоянке... У некоторых семейств наших товарищей сохранилось много этих видов, которых мы, собственно оставшиеся в живых, до сих пор не можем видеть без особенного чувства. Уже более полустолетия отделяет нас от этого времени, а как живы в памяти все эти дорогие образы!»

Николай Бестужев и был основным исполнителем этих видов. Три из них, подаренные художником А. И. Давыдовой, изображают деревни Укир и Бор, находившиеся на пути из Читы в Петровский завод, а также одну из стоянок с бурятскими юртами для ночлега.

Всего лишь одна акварель Бестужева из числа его работ, имеющихся в альбоме А. И. Давыдовой, была исполнена им в Петровском заводе. И это тем более странно, что Бестужев и Давыдов находились в числе тех декабристов, которые прожили в этой тюрьме девять лет, после чего в 1839 году были отправлены в разные концы Сибири на поселение. Сохранившаяся в альбоме Давыдовой акварель воспроизводит лишь часть общего вида селения Петровский завод. Под акварелью на паспарту надпись: «Петровский завод. Направо двухэтажный дом кн. Трубецкой». Художник изобразил несколько заводских помещений, расположенных под горой, у мостика через речку. Направо — дома, в которых жили со своими семьями жены декабристов.

Сам железоделательный завод, судя по воспоминаниям современников, производил весьма тягостное впечатление. «Петровский завод был в яме, кругом горы, фабрика, где плавят железо,— совершенный ад. Тут ни днем, ни ночью нет покоя, монотонный, постоянный стук молотка никогда не прекращается, кругом черная пыль от железа»,— вспоминала П. Е. Анненкова. Сам завод, по словам Д. И. Завалишина, «представлял очень непривлекательный вид с его обветшалыми и почернелыми заводскими строениями». С этим согласуется и краткое описание С. И. Черепанова: «Вообще унылый вид; небо большею частью туманно; по улицам грязь и болота такие глубокие, что раз пья-

ный увяз по горло. Ветра разносят мусор (угольную пыль) и нередко превращают белые платья в серые».

Акварель Бестужева с видом части селения Петровский завод ценна тем, что существовавший другой экземпляр акварели на тот же сюжет исчез в 1941—1945 годах из пушкинского заповедника Михайловское, куда в 1937 году был передан для экспозиции Ленинградским институтом русской литературы. Таким образом, указанный лист в альбоме А. И. Давыдовой — единственный на эту тему в дошедшем до наших дней художническом наследии Николая Бестужева.

Таковы те двенадцать акварелей, подаренных этим декабристом-художником А. И. Давыдовой, которые имеются в ее альбоме.

III

Автором других двух акварелей, входящих в состав этого альбома, был, безусловно, декабрист П. И. Фаленберг. Акварели эти не пейзажного характера—они тщательно вычерчены рукой человека, привыкшего к работе с циркулем и линейкой. Подполковник квартирмейстерской части П. И. Фаленберг, член Южного общества, герой Отечественной войны 1812 года и заграничных походов 1813—1814 годов, принимавший участие в 35 сражениях, был опытным топографом: он окончил Лесной институт и офицером провел три года на топографической съемке в Бессарабии. В Читинском остроге Фаленберг получил возможность заниматься такого рода работами. Вот что он говорит по этому поводу в своих воспоминаниях, написанных в третьем лице: «Комендант, генерал-майор Лепарский, позволил ему выходить, за конвоем, из острога для снятия на план Читы с окрестностями, что он и исполнил инструментально, планшетом, им самим сделанным».

О том, как удалось добиться разрешения на все это, рассказывает Михаил Бестужев: «Брат и Фаленберг с целью, во-первых, доставить приятную прогулку товарищам, во-вторых, чтоб снять план окрестностей и, наконец, чтоб снять с них виды, уговорили Лепарского позволить им попытать свои силы в приготовлении необходимых для сего орудий. Комендант, может быть, с верным расчетом в неудаче, дал позволение — и ошибся: инструменты сделаны были прекрасно, все принадлежности тоже, и он, осматривая их лично, по необходимости согласился, чтоб они были употреблены для предполагаемой цели».

И в Петровском заводе за Фаленбергом сохранилось разрешение на топографические съемки. Кроме того, здесь он также вычерчивал схематические виды фасада и внутренних частей каземата. На двух акварелях, приписываемых нами Фаленбергу, изображены: на одном листе — топографический план местности Петровского завода, где находилась тюрьма, а также план самой тюрьмы, на втором — наружный вид (главный фасад) тюрьмы Петровского завода и внутренний вид ее ворот. Все это вычерчено на редкость опытной рукой, к тому же неплохо владеющей акварельной техникой — оба листа решены в различной тональности, а подбор красок свидетельствует о том, что Фаленберг был не только хороший топограф, но уделял также большое внимание в такого рода своих работах и краскам.

Далее в альбоме снова неподписанные листы, но их сюжеты совсем другие, да и манера исполнения резко отличается от художнического почерка Бестужева и Фаленберга. Имя автора трех акварельных листов, на которых изображены полевые цветы Сибири, можно назвать безошибочно. Это подпоручик 8-й артиллерийской бригады П. И. Борисов, один из основателей Общества соединенных славян, осужденный по первому разряду. Еще в молодые годы, изучая фауну и флору, он любил рисовать птиц, бабочек, цветы, растения. Поэтому в числе тех вещей Борисова, которые вслед за ним были доставлены 25 октября 1826 года в Благодатский рудник, оказалось «ящиков с водными красками — 2». И на каторге любитель-натуралист стал ученым-натуралистом и художником-акварелистом.

Это был трогательной доброты и скромности человек, снискавший всеобщую любовь соузников. Именно о нем Николай Бестужев писал сестре 14 декабря 1839 года: «П. И. Борисов — отличный натуралист и ботаник; я бы желал, чтобы ты видела его собрание бабочек и букашек здешнего Забайкальского края, чтобы ты посмотрела его альбом, в котором нарисованы все цветы и все птички этой стороны». Михаил Бестужев, вспомнив о нем, упомянул о том, что Борисов запечатлел в своих акварелях «с неподражаемою верностью в рисунке сибирскую флору и птиц». Тот же мемуарист писал, что Борисов — «славный рисовальщик цветов» и что он скончался, «копируя с живых цветов букеты из забайкальской флоры».

Многим декабристам и декабристкам П. И. Борисов дарил свои акварели, три листа он подарил и А. И. Давыдовой, видимо, на память о той природе, которая их окружала в Сибири и которую они полюбили. Да и не могли декабристы остаться равнодушными к суровой красоте тамошнего ландшафта: заключенный особенно остро должен был чувствовать многообразную жизнь природы — прелесть мира, с которым он был разлучен. Сколько теплоты в словах декабриста А. Е. Розена, когда он вспоминает природу, окружавшую его первые пять лет каторги: «Долина Читинская знаменита своею флорою, почему и называется садом или цветником Сибири. Формы цветов изумительны; разнообразие лилий «ирис», вообще луковичных растений, бесчисленно; цвета так ярки и блестящи...»

В своих акварелях Борисов превосходно передавал всю ту красочность и изумительные формы цветов, о которых с таким восхищением говорил Розен. Декабристы готовы были считать, что работы Борисова «едва ли не лучше самого Одюбона», а ведь этот американский натуралист приобрел известность еще и тем, что сам превосходно иллюстрировал свои труды. Действительно, достаточно видеть оригиналы акварелей Борисова, чтобы почувствовать всю безыскусную прелесть совсем незнатных полевых цветов Сибири, названия которых знают, видимо, лишь натуралисты-профессионалы. И хотя некоторые подобного рода работы Борисова до нашего времени сохранились, они еще никогда не воспроизводились в красках. В этом номере «Огонька» публикуются две акварели талантливого декабриста-художника (см. третью страницу обложки).

Второй Читинский острог и парники декабриста С. Г. Волконского при свете луны.

Сепия декабриста Николая Бестужева. 1829—1830 годы.

Внутренний двор тюрьмы при Петровском заводе.

Сепия декабриста Александра Поджио с его дарственной надписью декабристу Василию Давыдову. 30 марта 1839 года.

Подполковник А. В. Поджио, член Южного общества, был осужден по первому разряду и отбывал тюремное заключение в той же Чите и Петровском заводе, где и В. Л. Давыдов. Они подружились еще задолго до восстания декабристов, большая дружба связывала их и на каторге. Так, в письме В. Л. Давыдова из Петровского завода к старшей дочери, жившей в Каменке, имеются такие строки: «Александр Поджио, которого ты, вероятно, едва помнишь, просил меня сказать тебе, что он почтительно целует твои руки и руки твоих сестренок».

Имеются данные и о том, что Поджио рисовал. Вывод об этом можно сделать из письма Николая Бестужева, отправленного им в июле 1838 года из Петровского завода к А. С. Свиязевой, жене архитектора, друга семьи Бестужевых: «Вы пишете, что Поль подарил Вам копию с моего портрета. Я никак не могу понять, что это за копия, потому что я никогда копии никакой не делал, вероятно, Поль также, и я догадываюсь, что это сделанная карандашом одним из моих товарищей, г-м Поджио, посланная им с копией братнина портрета и с другими рисунками к Марии Николаевне Волконской, которая и на поселении всегда интересуется нашим казематом; все эти рисунки как бы отчет перед нею в наших казематных занятиях» (Поль — Павел Бестужев, который в 1835 году вернулся в Петербург).

Александр Поджио не только копировал рисунки, исполненные его соузниками, но и сам был неплохим художником. Об этом свидетельствуют две работы Поджио, имеющиеся в альбоме А. И. Давыдовой. Под одной из них имеется собственноручная надпись декабриста: «Василию Давыдову от Поджио. 30 марта 1839». Это рисунок сепией, исполненный на голубой бумаге и изображающий вид сквозь раскрытые ворота на внутренний двор Петровского острога и на часть каземата. Направо — сторожевая будка с часовым. Видимо, Александру Поджио захотелось этот вид запечатлеть при свете луны, поэтому

художник прибег, как это делал и Бестужев, к помощи голубой бумаги, которая в какой-то степени облегчала передачу эффекта лунного освещения. Дата под сепией имеет, несомненно, в виду какой-то знаменательный факт в жизни В. Л. Давыдова: вернее всего, в этот день перед ним раскрылись ворота Петровского острога, и он получил право вместе с семьей отправиться на поселение.

На втором листе акварелью в свободной манере изображен со двора дом Давыдовых в Петровском заводе. Направо, кроме дома, видна открытая веранда, на которой пьют чай взрослые и дети. Слева — служебная постройка, перед которой видны крестьянин и крестьянка, няня с ребенком, цыплята и собачка. На листе слева, в углу, в позднейшие годы кем-то сделана, вероятно, со слов владелицы альбома, надпись карандашом: «Рис. Поджио».

Таковы два листа, которые исполнил, быть может, по просьбе А. И. Давыдовой четвертый художник-декабрист, отбывавший вместе с ее мужем тюремное заключение в Чите и Петровском заводе.

IV

Еще только на одной сепии в этом альбоме имеется подпись; в нижнем правом ее углу можно прочитать: «В. Давыдов»,— а на паспарту надпись: «Номер Е. П. Оболенского в каземате Петровского завода». Естественно, что первая мысль об авторе этой сепии ассоциируется с именем декабриста Василия Львовича, мужа А. И. Давыдовой. Так считал и их правнук, последний владелец альбома. Но в действительности то был сын В. Л. и А. И. Давыдовых, родившийся в Чите в 1829 году,— Василий Васильевич, у которого с детства проявился талант художника. А. П. Беляев имеет в виду именно его, когда пишет, что один из сыновей Давыдова «был с замечательными способностями к рисованию. Он еще пяти лет своими маленькими ручонками нарисовал переправу их <Давыдовых> через какую-то реку, при переезде из Петровска в Красноярск. Впоследствии он уже был полным и известным художником». Мемуарист допустил здесь лишь одну ошибку: на поселение Давыдовы были отправлены в 1839 году, значит, их сыну Васе было тогда не пять, а десять лет.

Мне удалось отыскать письмо А. И. Давыдовой, в котором она после возвращения в родные края писала И. И. Пущину о сыне: «Вася — большой охотник до рисованья и много занимается; летом поедет в Петербург в Академию рисования, чтобы усовершенствоваться; это — единственное занятие, которым он может упражняться, по своему слабому здоровью. Доктора говорят, что это счастье для него, потому что другого рода занятия были бы вредны. Болезнь его — это следствие сильных ревматизмов». Сепия «Номер Е. П. Оболенского в каземате Петровского завода» выполнена весьма робкой, прямо-таки ученической рукой — всего вероятнее, это копия, сделанная Васей Давыдовым с оригинала Бестужева, до нас не дошедшего.

В той же манере, что и этот лист, но более уверенно, исполнены еще две сепии и три акварели из числа имеющихся в альбоме. По-видимому, тот же молодой художник, но уже в юношеском возрасте трудился над ними, имея перед глазами в большинстве случаев готовые сепии или акварели кисти декабристов. Одна из этих двух сепий изображает малопримечательное место в Петровском заводе — деревянный мост через речку и бесчисленные деревянные домишки на заднем плане. Но зато вторая сепия дает представление о месте, которое узники острога очень чтили,— декабристском кладбище возле церкви Петровского завода, где были похоронены А. Г. Муравьева и А. С. Пестов, а также умершие дети декабристов.

Уже находясь на поселении, Михаил Бестужев писал сестре: «Я прилагаю вид нашей церкви в Петровском, куда нам позволяли ходить только в великий пост, когда мы говели. Подле нее ты видишь каменный склеп в виде часовни, где погребено тело одной из наших дам, почтенной, доброй Александры Григорьевны Муравьевой, и еще двух младенцев: ее младшей дочери и сына М. А. Фонвизина. Подле склепа под невысоким камнем покоится сном вечным один из наших товарищей, Пестов, впереди под пирамидальным памятником погребена и старшая дочь Анненковой. Еще немного впереди лежит маленький сын Ивашевой. Итак, ты видишь, сколько драгоценного схоронено на этом небольшом клочке земли».

Николай Бестужев несколько раз писал акварелью это место и по просьбе декабристок дарил им эти листы. Вася Давыдов вполне мог сделать сепией с одного из таких листов копию, которая и попала в альбом его матери. Характерно, что здесь имеется также старинная фотография (кстати сказать, это единственная фотография во всем альбоме), на которой крупным планом снята могила А. Г. Муравьевой. Очень дорога была, видимо, для Александры Ивановны память об А. Г. Муравьевой, скончавшейся в двадцативосьмилетнем возрасте: декабристы и декабристки считали ее классическим образцом, безукоризненным идеалом любви, заботы и самопожертвования.

Из числа трех акварелей, приписываемых мною кисти Васи Давыдова, примечательна та, которой заканчивается альбом. Она явно сделана с натуры и изображает могилу. Есть все основания предположить, что сын декабриста В. Л. Давыдова запечатлел на этом листе место захоронения отца, скончавшегося 25 октября 1855 года в Красноярске и там же погребенного. Не прошло и четырех месяцев после его смерти, как последовало разрешение Александра II декабристам с их семьями вернуться в Европейскую Россию. Естественно поэтому, что сибирский альбом Александры Ивановны Давыдовой завершается этой акварелью.

V

Чтобы закончить рассказ об этом альбоме, следует сказать, что в нем имеются еще четыре листа. На двух из них пейзажи, не представляющие большого интереса: гравюра, под которой надпись чернилами «Улица Петровского завода. Налево — дом Муравьевых, направо — дом Давыдовых», и акварель, изображающая дом Трубецкой со стороны реки Балеги в Петровском заводе.

Зато два других листа принадлежат по содержанию и по художественным качествам к числу самых интересных в альбоме. Тем более огорчительно, что выяснить их авторство пока не удалось. Это превосходно выполненные интерьеры, один из которых изображает спальню в доме Давыдовых в Петровском заводе, а другой — комнату В. Л. Давыдова в Красноярске. Хорошо переданы сепией своеобразное убранство спальни, фигурка Александры Ивановны, дети — мать укладывает спать младшего, Ваню, Вася разговаривает с сестренкой. А отец их должен жить в остроге... (См. третью страницу обложки.) Есть что-то трогательное в этом настоящем произведении искусства, хотя оно создавалось в тех же тюремных условиях одним из декабристов — художником-дилетантом, имя которого выяснить нам пока не удалось.

Быт семьи Давыдовых изменился, когда начался последний этап сибирской жизни декабристов, осужденных по первому разряду,— в 1839 году их отправили на поселение. Судя по акварели, изображающей комнату Василия Львовича в Красноярске, жизнь в этом городе для него — человека многогранной культуры — и для его семьи приняла вполне приемлемый характер. По письмам Давыдова известно, что в годы пребывания на поселении он получал от своих близких большое количество книг на разнообразные темы — огромный шкаф в левой части акварели заполнен книгами.

Но кто же тот превосходный мастер, который так тонко исполнил этот интерьер? Рука настоящего художника сказывается даже в том чуть намеченном зимнем пейзаже, что можно увидеть сквозь окна. Быть может, кто-либо из читателей «Огонька» по печатаемой здесь цветной репродукции сумеет определить автора этой акварели?

VI

Перед нами прошло двадцать девять листов, составляющих альбом, который привезла с собой из Сибири декабристка А. И. Давыдова сто десять лет назад. Но только сейчас благодаря ее правнуку Денису Дмитриевичу Давыдову этот драгоценный памятник, рисующий различные этапы пребывания декабристов на каторге, стал объектом публикации. Но эту публикацию следует считать лишь предварительной. Ведь такого рода альбомов декабристок, куда они вклеивали работы декабристов-художников, исполненные в Сибири, больше не сохранилось. К тому же в альбоме А. И. Давыдовой имеются акварели и сепии, написанные Н. А. Бестужевым, П. И. Борисовым, А. И. Поджио, П. И. Фаленбергом, а также сыном декабристки Васей Давыдовым. Из всего сказанного ясно, какую ценность представляет собою этот альбом и как желательна была бы его публикация полностью.

Теперь несколько слов о «жизненном пути» альбома. Почти неизменно, когда начинаешь выяснять судьбу какой-нибудь реликвии старинной русской культуры, дивишься тому, что та или иная из них еще «жива». Нечто подобное произошло и с этим альбомом. В 1852 году в Красноярск к своим родителям приехала одна из старших дочерей Давыдовых, Екатерина, родившаяся в Каменке еще до их брака. В 1854 году она вышла там замуж за есаула Енисейского казачьего полка Переслени. К ней перешел сибирский альбом матери. Очевидно, после смерти Екатерины Васильевны альбом взяла ее сестра Александра, родившаяся в Петровском заводе. Затем он перешел к Дмитрию Львовичу Давыдову, внуку декабриста и отцу Дениса Дмитриевича. Существует хроникальная записка Евгения Владимировича Переслени, старшего сына Екатерины Васильевны, собиравшего семейные реликвии. В этой записке альбом упоминается в качестве пропавшего, но у автора была фотокопия альбома, ныне неизвестно где находящаяся. Об этом мне сообщила Ксения Юрьевна Давыдова, о которой я упоминал выше. Ей же я обязан тем, что попал к Денису Дмитриевичу Давыдову, последнему владельцу альбома, от которого его и получил. Приношу Ксении Юрьевне свою глубокую признательность за это. В свою очередь, и я привез для Дома-музея Чайковского в Клину, где трудится К. Ю. Давыдова, фотографии десяти писем Чайковского и к Чайковскому, оригиналы которых я отыскал в частных собраниях Франции.

Мы должны быть признательны Денису Дмитриевичу Давыдову за его решение передать альбом его прабабушки-декабристки на родину. Он поступил в Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, где хранятся ценнейшие декабристские фонды.

Так закончила свои долгие странствия эта чудесная, трогательная реликвия.

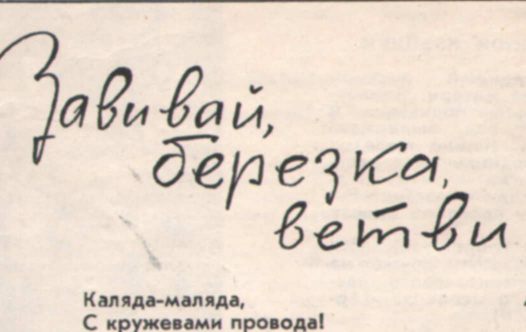
* * *

В своем первом очерке, «Сначала о Пушкине» (№ 47 за 1966 год), я писал о том, что акварельному портрету Марии Николаевны Волконской с сыном (кисти П. Ф. Соколова), воспроизведенному на страницах этого номера и находящемуся в Париже у В. Н. Звегинцова, надлежало бы совершить еще одно последнее путешествие — на родину. Рад сообщить, что Владимир Николаевич, прочитав этот очерк, 30 ноября 1966 года написал мне из Парижа:

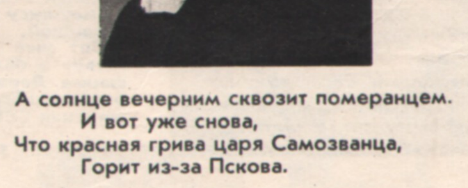
«Конечно, вы правы, говоря, что место окончательного «упокоения» акварели на родине и что пора ей закончить свое долгое путешествие. К этому же заключению пришел и я... Уже раз ей грозило закончить свое существование у какого-то флорентийского антиквара. В лучшем случае была бы она куплена любителем красивой акварели, но уже, наверно, никто бы со временем не знал, кого она изображает, и для потомства или для русских музеев она навсегда была бы потеряна. Уже несколько раз у меня были предложения ее продать, но каковы бы ни были «минуты жизни трудные», я никогда на это не согласился и не соглашусь... Попытаюсь ее послать на ваше имя, а вы уже передадите в соответствующее учреждение по вашему выбору».

Мне кажется, что Государственный музей А. С. Пушкина в Москве, где уже экспонируется присланный В. Н. Звегинцовым портрет его прабабушки А. А. Олениной, вполне подходящее место для портрета декабристки М. Н. Волконской, вдохновлявшей молодого Пушкина.

Николай ТРЯПКИН

Завивай, березка, ветви

* * *

Виноградие да зеленое,
Красноспелое, все в кистях.
У тебя изба расхваленная
Да на ста золотых столбах.

Да на ста столбах да на тысяче —
Семицветный скат под резьбой.
Только песенки, только причеты
Да с калиточки расписной.

А на крыше такая мельница —
Серебро на каждом крыле!..
У тебя жена — рукодельница,
Соловейко поет в игле.

И пронзает холсты белёные
Искрометною трелью нить...
У тебя изба расхваленная,
Так позволь еще расхвалить.

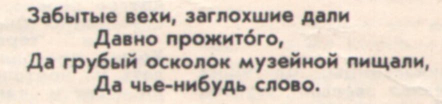
Дай под грядочку стать брусовую
И сей круг наложить навек:
Чтобы в сени твои кленовые
Не врывались ни дождь, ни снег.

Чтоб на печке вновь и на карженке
Задремал золотистый хмель.
Чтобы в каждой заборной скважинке
Помещалась моя свирель.

Чтобы детки твои ученые
Гарцевали на злых конях...
Виноградие да зеленое,
Красноспелое, все в кистях.

КАЛЯДА-МАЛЯДА...

Каляда-маляда!
Погуляем смолода́,
Погуляем смолода
Да потешимся,
В снежки-ляпушки
Перекинемся,
В снеговые города
Понаведаемся.
Через месяц-луну для сугреву махнем,
Для сугреву махнем, каляду запоем:
«Каляда-маляда, голубая звезда!
Перезвонным снежком убрались города,
А у нас за Пахрой да во весь сельсовет
Заиграли гудочки по младости лет:
Ах ты, месяц — ячневый
Пирожок!
Залезай-ка, сладенький,
К нам в мешок.
Станем мы закусывать
Целый год
Да водить со звездами
Хоровод».

Что за вечер, что за песни, что за снег!
Скачут хлопцы чехардою за сугроб.
И стучатся к нам все байки на ночлег,
А деревня в снежный рядится салоп.

Даже в поле пахнет воздухом печным,
Жаркой снедью для веселых говорух.
А в погоне — только снег, только дым,
Только «ах!», только «эх!», только «ух!».
От села до села
Голова весела.
А бубенчики —
Словно птенчики.
Что за терем там — пуховый, расписной?
То стоит изба Натальи Бурминой.
Постучим-ка, братцы, палко́й по окну,
Поразмаслим-ка старуху Бурмину:

Каляда-маляда,
С кружевами провода!
У телятницы Натальи —
Только с медом вода.
Блин да лепешка,
Скачи из окошка!
Да кусок колбаски —
Прямо на салазки!
А у нашей матки
Телятки-то гладки,
Копытцами щелкают,
Хвосты задирают,
Молоки-то густы,
Сметаны-то желты.
Хозяин да хозяюшка,
С праздничком,
С Новогодничком!
Нам по рюмочке винца,
По стаканчику пивца,
Да еще не позабудь —
На закусочку!

* * *

Журавли все с юга, с юга
Да во всю длину.
Завивай, березка, ветви
И встречай весну.

И спешат к тебе девчонки
Через тот лужок,
А в руках у них ватрушки —
Свежий пирожок.

А где шли они, девчонки,
Там по их следам
Зашумела рожь густая,
Поклонившись нам.

А где шли-прошли ребята
Да своей гурьбой,
Там уж пастбище готово
С новой городьбой.

Завивай, березка, ветви
И встречай весну.
А я выну из кармана
Дудочку одну.

Что за дудка-самогудка
Из далеких лет!
Только выйду, заиграю —
А зимы и нет.

И спешат к тебе девчонки
Через тот лужок,
А в руках у них ватрушки —
Свежий пирожок.

* * *

Забытые вехи, заглохшие дали
Давно прожито́го,
Да грубый осколок музейной пищали,
Да чье-нибудь слово.

Да где-нибудь там, за дымками овина,
В лесном сельсовете,
В соломенных снах шевельнется былина,
Усядутся дети.

И скажет старик в самотканой рубахе,
За пологом дыма,
О грубом тевтоне, о бражнике ляхе,
О стрелах Касима.

И ржали, мол, кони, и прядали вьюги
Да во́ поле чистом —
И гордая пани в сугробах Калуги
Теряла монисто.

А солнце вечерним сквозит померанцем.
И вот уже снова,
Что красная грива царя Самозванца,
Горит из-за Пскова.

И скажет старик в песнотворном ударе:
То вещие знаки!..
А ваши, мол, кости, князья и бояре,
Грызут вурдалаки...

За пряслом овина, в лесном сельсовете,
Такое бывает:
Проснется былина, усядутся дети,
А день догорает.

Из новых колосьев, из древней печали
Завяжется слово —
И вот уже снова гонцы прискакали
С нагорий былого.

И скажет старик в самотканой рубахе,
За пологом дыма,
О грубом тевтоне, о бражнике ляхе,
О стрелах Касима.

* * *

Все лужки да ямки родничковые,
Да песок, да елки, да мосты.
И пишу я грамотки толковые
На кусках из лучшей бересты.

Хорошо та грамотка забелена —
Дождевым да козьим молоком.
А слова ищу, как здесь повелено,—
Чеботки за правым за плечом.

Что за Русь! Посадская, бедовая.
Столбовые села — напоказ.
И такая хваточка рисковая
У парней, гульнувших ради нас!

И хожу, пою, как здесь повелено,—
Гусли — бор, а песня — вот она:
«Ой да ты, густая можжевелина,
Гой еси, благая сторона!

Свет ты матка, бурая медведица!
Троекратно в пояс бью челом:
Далеко ль до Спаса до Нередицы?
А до славы — сколько прямиком?»

И услышит бурая, крестовая,
Поворчит и скажет простаку:
«Ты иди погодкой вересковою
Да держись поближе к сосняку.

Ты иди, загадочки загадывай.
Жуй пирог, из речек воду пей.
Ты иди, иди да песни складывай,
Вспоминай о милости моей».

ЗАЗДРАВНАЯ

Гуляют космонавты
За дружеским столом.
А рядом скачут детки
На палочке верхом.

Гуляют космонавты,
И песенки звучат,
Что будем в звездной люльке
Качать своих внучат...

А мы скакали к Солнцу
На палочке верхом.
Давайте ж и про это
Заздравную споем!

ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ

Новорожденный лисенок остался без матери. Крохотного зверька подкинули к кошке, которая выкармливала котят. Кошка любезно приняла подкидыша в свою семью. Когда котята подросли и стали самостоятельными, лису поселили вместе с кошкой.

Вот уже второй год они живут в большой дружбе на ферме Лермонтовского звероводческого совхоза (Армянская ССР).

Р. ШАХНАЗАРЯН

ШЛЯПЫ-КОЛОКОЛА

Ежегодно в «День Катерины» на улицы французских городов выходят девушки в карнавальных костюмах. На сей раз для участников праздника парижские модельеры выпустили серию шляп в виде колоколов.

ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

НЕ ПОВЕЗЛО

На снимках отображены моменты скачек в Англии. Лошади, зацепившись за барьер, упали вместе со всадниками, которые, к счастью, отделались легкими ушибами.

ДРУГ КИНОЗВЕЗДЫ

У Бриджит Бардо появился еще один поклонник ее таланта — шимпанзе Джейн. Животное с восторгом встречает артистку, когда та появляется возле клетки.

УМЕЙ РЫЧАТЬ ПО-МЕДВЕЖЬИ

Шестидесятилетний канадец Фред Липка, живущий на севере страны, отправился в тундру, вооружившись топором. Неожиданно он услышал за спиной необычный шум. Невдалеке стоял огромный медведь. Испуганный Липка встал на колени и, наступая на зверя, начал рычать по-медвежьи. Животное отступило.

КАК ВАЖНО ПРИ ВСЕХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ СОХРАНЯТЬ СПОКОЙСТВИЕ И ЯСНОСТЬ УМА

Гафур ГУЛЯМ

Из новых рассказов о Ходже Насреддине

Недавно умерший народный поэт Узбекистана, академик Гафур Гулям принадлежит к числу тех литераторов, которые заложили фундамент современной узбекской литературы. Гафур Гулям писал стихи и прозу. Это был писатель-философ, мудрый и лукавый, влюбленный в свою страну и ее людей. Предлагаемый вашему вниманию юмористический рассказ Гафура Гуляма — один из последних.

Однажды поздней весной Ходжа Насреддин со своими друзьями Ахмадали и Джурабаем возвращался из кишлака Анташ после неудачного сватовства. Недалеко от кишлака Дурмень они решили передохнуть в прохладных зарослях большого вишневого сада.

Среди стройных, как девушки-десятиклассницы, цветущих вишен мчался веселый, шумливый, как первоклассник, небольшой арык.

Незадачливые сваты присели возле журчащей воды. Словно коралловые серьги, покачивались над их головами алые вишни. Их сладость смягчила горечь неудачного сватовства, и настроение путников несколько улучшилось. Они даже затеяли состязание, кто стрельнет дальше: вишневая косточка зажималась между большим и указательным пальцами, пальцы крепко сжимались, и костяная пуля летела на другой берег.

И вдруг земля зашаталась, как висящий через бездонное ущелье мост. Откуда-то из глубины недр послышались рев и гул: гурру-гурру-гумбур... Почти у ног потрясенных путников земля раскололась. Из щели поднялся густой, черный столб дыма, будто там зажгли бочку с нефтью. Дым достиг приблизительно высоты двух вишневых деревьев, стал еще гуще. Потом начал оседать и приобретать очертания человеческих фигур. Вот уже ясно видно: одна побольше, другая поменьше.

Ахмадали, обняв для храбрости ствол вишневого дерева, воскликнул:

— Погибли мы! Это шайтаны! Отец и сын!

И Джурабай, покрепче обняв другое дерево, подтвердил:

— Точно! Они!

— Не торопитесь,— сказал Ходжа, продолжая спокойно сидеть на корточках и есть вишни.— Гости сами скажут, кто они и откуда.

Фигуры становились все более четкими. У большой уже можно было разглядеть рога, закрученные штопором, длинный черный хвост с кисточкой. У меньшей рога были покороче, хвост потоньше, а один глаз закрывала черная повязка.

Хвостатая парочка приблизилась к храбрецам сватам. Тот, который был побольше, заревел ужасным подземным голосом:

— Кто здесь ел вишни?

— Все ели,— ответил Ходжа.

— А кто стрелял косточками? — еще грознее спросил Большой.

— Разве в Дурмене это запрещено? — удивился Ходжа.— Интересная новость! Будет о чем порассказать, когда мы придем в Ташкент!

— С кем разговариваете? — заорал Большой и выдохнул сноп пламени.— Я сам шайтан, черт! Знаете, что вы наделали? Вот этот мой любимый шайтаненочек играл здесь поблизости, а кто-то косточкой выбил ему глаз. Может, даже насовсем!

— Во-первых, дети не должны крутиться вокруг взрослых,— сказал Ходжа.— Во-вторых, вам нужно было идти не к нам, а к врачу. А в-третьих, откуда мы знаем, что ты шайтан? Может, ты самозванец?

— Я самозванец? — заскрипел зубами Большой.— Это черт знает что такое! Нас два брата-двойняшки: одного назвал отец Милосердным, а меня Шайтаном. Мы дрались каждый день от зари до зари. Отцу надоели наши драки, и он поделил землю между нами. Брату досталось все, что на земле, а мне — все, что под землей. Ему — травки-кустики, речки-арыки, верблюды и люди. А мне — полезные ископаемые, вулканы, клады... Кто остался в дураках? Мой братец, хо-хо-хо... Но хватит разговоров, здесь не собрание. Сейчас я в наказание за увечье, нанесенное моему шайтаненочку, уведу всех вас под землю. Можете оттуда жаловаться моему братцу-дурачку, хо-хо-хо!

Джурабай и Ахмадали так затряслись от страха, что с деревьев, которые они обнимали, вишни посыпались на землю градом.

Ходжа только усмехнулся и сказал Большому:

ТАК УДОБНЕЕ

Ручки управления этого велосипеда, который демонстрировался в Лондоне, устроены по бокам сиденья. Благодаря такой конструкции человек не сутулится во время езды.

«ЭКСПО-67» НА ПОЧТОВЫХ МАРКАХ СССР

В конце апреля на Всемирной выставке в канадском городе Монреале гостеприимно раскроет двери павильон СССР, чтобы показать посетителям жизнь Советской страны. Министерство связи СССР отмечает открытие выставки выпуском трех почтовых марок и памятного блока. Все марки объединены в серии общим декоративным оформлением — эмблемой и профильным изображением советского павильона на «ЭКСПО-67».

Марка достоинством в четыре копейки отображает успехи советской науки в изучении морских глубин: на ней показан созданный в СССР опреснитель морской воды. На шестикопеечной марке изображен атом — как символ применения атомной энергии в мирных целях. Венчает серию марка в десять копеек с космической лабораторией на орбите — советским разведчиком Вселенной, научной станцией.

На памятном почтовом блоке фоном служит схематический план Всемирной выставки, расположенной по обоим берегам реки Св. Лаврентия, а справа напечатана марка в тридцать копеек с общим видом павильона Советского Союза.

М. МИЛЬКИН

ПОЦЕЛУЙ ДЕЛЬФИНА

Этот трюк демонстрируется в майамском океанариуме.

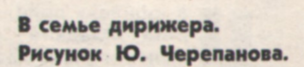
ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ТОК И КУРЫ

Испанский крестьянин Педро Гомес Орехадос был очень удивлен, заметив, что его куры несут яйца в форме восьмигранников. Это удивительное явление природы некоторые специалисты объясняют месторасположением фермы: хозяйство Орехадоса находится под проводами высокого напряжения.

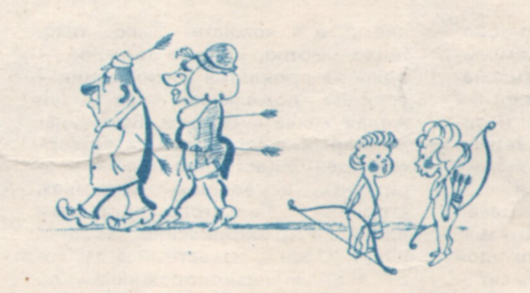

— Пойми, Катя, у меня кислородное голодание.

В семье дирижера.
Рисунок Ю. Черепанова.

— Зря стрелы тратишь: они уже понесли заявление на развод.

Рисунки В. Воеводина.

— Ты мне зубы не заговаривай. Биография твоя мне ни к чему. Я утверждаю, что ты ненастоящий шайтан. Шайтанов я встречал в основном среди людей. А ты в лучшем случае какой-нибудь подшайтанцик-пьяница, которому начальство самостоятельной работы не поручает.

— Раз ты не веришь мне,— обиделся Большой,— то испытай мое могущество. Чего ты хочешь?

Ходжа повернулся к Ахмадали и сказал:

— Перестань трястись, пора браться за дело. Прикажи ему что-нибудь потруднее, пусть он опозорится и уберется отсюда вместе со своим дитятей.

— Если ты... шайтан...— дрожащим голосом произнес Ахмадали,— если ты все можешь... то... э-э... поверни вспять этот арык. И пусть через каждые два шага из арыка бьет фонтанчик!

— Хо-хо-хо! — загрохотал Большой, закрутил хвостом. И даже маленький шайтаненочек тоже улыбнулся одним глазом.

Большой извлек из подшкурного кармана драную книжку, вроде телефонного справочника, полистал, нашел нужное заклятье и забубнил:

— Зум-байк, вили-тили-надза, зум-байк-ви, зум-байк-ва!

Потом он плюнул в воду, и арык... остановил свое течение! Постоял немного и потек вспять! И через каждые два шага посреди арыка встали, словно лошадиные хвосты, фонтанчики!

— Ты... того... э-э... шайтан,— упавшим голосом молвил Ахмадали.— Что же делать... веди меня с собой...

— Подожди! — сказал шайтан, радостно вертя хвостом.— Ты в меня поверил, а твои приятели еще нет. Пусть они тоже меня испытают, и тогда я вас заберу сразу всей компанией!

— Ну-ка, братец Джурабай,— весело сказал Ходжа,— докажи, что он не шайтан, а самозванец! Придумай-ка ему задание похлестче! Поставь ему мат, этому хвастуну! И пусть он оставит нас в покое, трепач рогатый!

Джурабай три раза вздохнул, пять раз взглянул на небо, шесть раз огляделся и, наконец, произнес:

— Если ты настоящий, доподлинный шайтан, то преврати стволы всех этих вишневых деревьев в серебро, листья — в изумруды, а плоды — в яхонты.

— Стоило думать столько времени! — захохотал шайтан.— Эх ты, мыслитель! А у самого все поджилки дрожат...

Шайтан снова зашелестел страницами своей книги, отыскал букву «В», прочел все, что там было написано о вишнях, и забубнил:

— Ко-бакая-ё-чил-ово, чун-зу-зу-ху-ди-ган-тунву... Тьфу, тьфу!

Он плюнул на сад, и в то же мгновение все зазвенело и зазвякало, будто десятки шумовок застучали о стенки казанов: это стволы деревьев стали серебряными, листья — изумрудными, а сами вишни — яхонтовыми. И легкий ветерок зазвонил в тысячи колокольчиков.

Недоверчивый Джурабай попытался оторвать одну вишню и еле-еле смог это сделать. Положил ее в рот — хрустит. Камень — и больше ничего.

— Я где-то в глубине души сразу почувствовал, что ты шайтан,— сказал Джурабай,— и что сопротивляться бесполезно... Что ж, пошли под землю, куда деваться...

— А чего хочешь ты? — спросил шайтан у Ходжи Насреддина.

— Понимаешь, тут дело сложное,— сказал Ходжа.— У нас на земле есть святое правило: меньшинство всегда подчиняется большинству. Раз две трети присутствующих признали тебя шайтаном, что мне делать? Я-то знаю, что ты не шайтан, а балаболка, но раз большинство решило... Идем, идем, тебе же хуже: будешь нас кормить, поить, одевать...

— Нет! — закричал шайтан.— Все должно быть у нас оговорено честь по чести! Иначе ты будешь мутить моих подданных, говорить, что я ненастоящий шайтан, начнутся сомнения, то да се, пойдут слухи... Нет, давай мне сейчас задание, я его выполню, а ты меня официально и публично признаешь. Тогда ваше решение будет единогласным.

— Но если ты не выполнишь моего приказа,— сказал Ходжа,— то немедленно уберешься с наших глаз и оставишь нас в покое!

— Я? Не выполню? — Шайтан кисточкой хвоста пощекотал себя под мышкой.— Хо-хо-хо! Я, которому подвластны вулканы? Ну, говори скорее!

— Наклонись-ка ко мне поближе! — попросил Ходжа, и к его губам приблизилось огромное, поросшее шерстью ухо.

— Фьюю-ю! — свистнул Ходжа и спросил шайтана: — Слышал?

— Слышал,— кивнул головой шайтан.— Свист как свист.

— Чтобы не обижать твое второе ухо,— усмехнулся Ходжа,— давай я и в него свистну.

— Ну и что? — спросил шайтан после второго свиста.

— Ничего,— ответил Ходжа.— Но если ты шайтан, то пришей к каждому из этих свистов по восемь пуговиц.

Шайтан потоптался на месте, полистал книгу, три раза вздохнул, пять раз взглянул на небо, шесть раз огляделся, потом схватил своего шайтаненочка за ухо и заорал страшным голосом:

— Чертов сын! Шляешься где попало! Да еще глаз свой подставляешь под косточки! А отцу из-за тебя унижаться приходится! А ну, убирайся отсюда! И скажи матери, чтобы она тебе дала выволочку!

Земля опять загудела, зашаталась, как висячий мост.

И когда трое сватов-неудачников раскрыли глаза, шайтана уже и след простыл.

Перевел с узбекского
Борис Привалов.

Фото И. Тункеля.

ОТЛИЧНЫЕ СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ

На юбилеях принято говорить сладкие комплименты. Утверждать, например, что юбиляр так же молод духом и телом, как всегда, как всю жизнь. Юбиляр морщится: ему одновременно и приятно и противно, словно во рту тает дешевая карамель. Но крикнуть: «Друзья! Довольно! Перед вами пожилой человек, который все понимает и все знает»,— обычно не хватает духу.

Старость вовсе уж не такой плохой период жизни, если он сопряжен с ощущением, что сделано многое, все или почти все, что было по силам; что свершенное не погибло, бесследно растворившись во времени, а живет, радуя живущих; что не угас интерес ко всему окружающему — к событиям, кипящим вокруг, к золотым краскам лета, или к косому весеннему дождю, или к пушистому снежному сугробу, полному серебряного блеска; что по-прежнему живет в душе стремление к поиску, к открытию; что продолжается процесс созревания новой мысли и этот процесс дает желанный плод. И тогда уже не важно, сколько тебе лет — 60, 70, 80! Старость наступает только тогда, когда разрушающий червь унылого равнодушия поселяется в душе и нет возможности избавиться от него.

Мы сидели с Валентином Петровичем Катаевым на даче в Переделкино и, как полагается старым знакомым, вспоминали всякую всячину многолетней давности. За окнами падал крупный ватный снег, словно на дореволюционной рождественской открытке, стояли толстые и важные в своем зимнем наряде дубы и липы, а в комнате было тихо, тепло, уютно, и даже телефон — одно из проклятий цивилизации — солидно помалкивал, как бы не желая мешать беседе. Вспоминали старый «Гудок», где на четвертой преимущественно полосе изощрялись в веселых выдумках, строчили фельетоны, правили ядовитые рабкоровские заметки Юрий Олеша, известный в ту пору всем железнодорожникам по псевдониму Зубило, Илья Ильф, Евгений Петров, Арон Эрлих, сам Валентин Катаев, он же Старик Саббакин... Вспомнилась тетка Анисья, уборщица, которая, уперев руки в бока, покрикивала на будущий цвет советской литературы: «Смотрю я на вас, молодые вы ребята, а ничего не делаете, только пишете». Помянули добрым словом фельетониста В. Катаева, работавшего в «Правде», и фронтового очеркиста В. Катаева, сотрудничавшего в военное время в «Красной звезде»... Отметили почти сорокалетний юбилей «Квадратуры круга», поставленной в свое время самолично Владимиром Ивановичем Немировичем-Данченко на малой сцене МХАТ. Пьеса имела огромный успех, и вся Москва толпилась у касс, чтобы как-нибудь раздобыть билетик. Сорок лет — срок немалый, но жива «Квадратура круга» и до сих пор: триумфально идет во многих театрах Франции и Латинской Америки, деля успех с другой комедией В. Катаева, «День отдыха», более известной за границей под названием «Я хочу вас видеть, Миусов»...

Талантливый человек талантлив во всем. Нет такого литературного жанра или такого вида литературного труда, в котором не приложил бы свою руку мастера Валентин Катаев,— поэзия, драматургия, журналистика, проза.

Восемнадцатилетний Катаев в стихотворении «Суховей», посвященном Ивану Бунину, в 1915 году писал:

Еще, еще немного подождем,
Уже от туч желанной бурей веет,
И скоро пыль запляшет под дождем,
Земля вздохнет и степь зазеленеет.

Вряд ли в ту пору молодой Катаев вкладывал в эти строки какой-то особый смысл, но стихи звучат истинно пророчески, словно автор и впрямь зримо ощутил приближение великих событий семнадцатого года. Чувство времени, понимание эпохи, в которой живешь, желание идти в ногу с ней — великое качество художника. В любом произведении В. Катаева — «Отец», «Растратчики», «Время, вперед!», «За власть Советов», «Сын полка» — мы чувствуем острую близость автора к жизни, его любовь к добру, ненависть к злу. Вся многогранность нашего бытия со всеми его сложностями и трудностями встает перед нами; автор учит нас жить и бороться, учит любить красоту жизни, хотя мы нигде не найдем у Катаева навязчивой дидактичности и унылой назидательности. Свое жизнеощущение он свободно и щедро переливает в душу читателя. И о чем бы он ни писал, какие бы трагические события ни происходили в повести или романе, вы закрываете книгу с тем отрадным ощущением, которое так точно и отчетливо выразил А. Блок в своем «Возмездии»:

...Измерить все, что видишь ты.
Твой взгляд да будет тверд и ясен.
Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен.

Несравненная повесть «Белеет парус одинокий», написанная для детей, стала любимой всеми поколениями. В этой книге, где игра в революцию сталкивается и переплетается с настоящей революционной борьбой, вы видите вспыхивающие зарницы великой очистительной грозы. Написанная языком прозрачным и чистым, она полнокровна, мужественна, верна в каждой своей детали, от нее исходит запах разогретой солнцем степи и слышится шум морского прибоя, и вся жизнь большого южного, горячего от солнца города встает не в поэтическом тумане, а в красках густых, контрастных, смелых и точных.

— Нет, что ни говорите, а «Парус» был и остается для меня любимой из всех ваших книг,— сказал я.

Валентин Петрович посмотрел на меня укоризненно и даже сердито, что несколько удивило меня.

— Однажды я сказал Маяковскому: Владимир Владимирович, никогда не слыхал в вашем чтении «Облако в штанах». Прочитайте. «Ни за что,— ответил он.— Это давно написано, хотите, прочитаю «Хорошо»!». Для художника самое ценное то, что он создает теперь, сейчас... «Парус» отпраздновал тридцатилетие. Он мое прошлое... Но ведь есть и настоящее, вот что важно. Жить прошлым трудно, невозможно. Надо всегда быть в действии.

На семидесятых годах своей жизни В. Катаев создал повесть «Маленькая железная дверь в стене». О ней мало писали, но много спорили. Повесть эта — своеобразный сплав романтики и документальности, публицистических рассуждений и чистой, светлой лирики.

Совсем недавно вышла повесть В. Катаева «Святой колодец». Она, острая, умная, временами сердитая, вызвала, подобно камню, брошенному в пруд, многочисленные круги толкований, россказней и догадок — и верных и неправильных. Кое-кому она пришлась не по душе, у многих вызвала восторг.

О ней тоже еще мало писали, но будут писать много.

Но хочется все же заметить, что и «Маленькая железная дверь» и «Святой колодец» — это та же самая неувядаемая в своей прелести чеканная катаевская проза, которая так радовала нас в его предыдущих работах, вошедших в золотой фонд русской советской литературы. Нет, не иссякает чистый родник великолепного катаевского мастерства, ибо не иссякает в мастере любовь к жизни, не тускнеет его зоркий взгляд, который примечает все: и травинку, выросшую на камне, и стремительный полет стрижа, и причудливый узор на оконном стекле, и каждое, для других еле приметное движение человеческой души.

У нас выходит немало книг, вполне, как говорится, приличных, о которых вежливо рассуждают критики, стараясь тщательно изложить содержание и уклониться при этом от глубокого анализа, ибо анализировать, в сущности, нечего.

Но книги В. Катаева, каждая его книга — всегда событие. И в общем литературном потоке оно кажется волной, внезапно вздыбившейся над поверхностью.

Сейчас 70-летний писатель заканчивает новую повесть — «Ангел смерти». Она рассказывает о прошлом, но прошлое это впаяно в настоящее. Форма повести — поиск, что всегда важно в литературе. Жанр ее трудно определяем, ибо он своеобычен. В ней слились фактографичность с художественным повествованием.

О творчестве Валентина Катаева написано немало книг, авторы которых досконально разобрали, рассмотрели по частям и в целом, и достоинства и недостатки писателя. Но хочется предупредить всех «катаевоведов», что впереди у них еще бездна работы. Автор в действующем строю и полон творческих сил.

Пятнадцать лет тому назад в одной из своих статей В. Катаев писал: «Хорошая проза должна гармонически сочетать элемент повествования с элементом изображения, причем ни один из этих элементов не должен занимать преимущественного положения. Именно в этом и заключается секрет удивительной прозы Пушкина и Чехова, у которых все мы должны учиться».

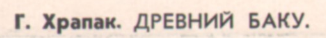
Именно в этом заключается также сила и обаяние творчества самого Катаева.

...Итак, Валентину Катаеву семьдесят лет. Отличные семьдесят лет. Беспокойные, трудные, сложные, прекрасные и радостные, посвященные неустанному честному писательскому служению народу и правде.

Ник. КРУЖКОВ

Г. Храпак. УСНУВШИЕ ЛОДКИ. ЛЕНИНГРАД.

Г. Храпак. ДРЕВНИЙ БАКУ.

ПОДЪЕЗЖАЯ К ЯРОСЛАВЛЮ.

Марк КАСВИНОВ

Голос из богадельни

ПАМФЛЕТ

Бывший присяжный поверенный И. Н. Старохамский, скрывшись от неприятностей в сумасшедший дом, объявил столпившимся вокруг него обитателям этого заведения, что он Кай Юлий Цезарь (см. «Золотой теленок» Ильфа и Петрова).

Бывший присяжный поверенный А. Ф. Керенский, удалившись от неприятностей в России в так называемый свободный мир, поныне заверяет окружающих, что он «лидер русской демократической револиции» (см. его мемуары 1966 года: «Россия и поворотный пункт истории», «Моя русская революция»).

Старохамский объяснял свое удаление высокими идейными побуждениями.

«Сумасшедший дом,— говорил он соседям по палате,— это единственное место, где может жить нормальный человек... С большевиками я жить не могу... Здесь у меня наконец есть личная свобода... Да здравствует Учредительное собрание!»

Взгляды Керенского, излагаемые им в мемуарах, настолько совпадают со старохамовскими, что возникает подозрение: не списал ли он свою новейшую декларацию из «Золотого теленка».

«Этот свободный мир,— заявляет он,— единственная система, в которой может жить нормальный человек... Мы не могли и не станем сосуществовать с большевиками...» И, конечно, «только в условиях демократии западного типа возможна личная свобода». Что касается Учредительного собрания, то, вспоминает мемуарист, «уж если ему суждено было уйти, оно должно было сделать это гордо, так, чтобы остался живым дух свободы». Сомнений нет: «Лидер русской революции» текстуально слизывал у Кая Юлия.

Все же между двумя беглыми адвокатами полной параллели нет. Старохамского по распоряжению профессора Титанушкина выгнали за симуляцию из палаты уже через несколько дней. Керенский на Западе развлекает окружающих своими позами великого человека вот уже почти 49 лет.

Конечно, ныне его позы не столь эффектны, какими были когда-то. Александр Федорович постарел. 36-летний быстроногий главковерх превратился в 86-летнего скрипучего старца. Нет прежней резвости и былого костюмированного разнообразия. Александр Федорович в молодости часто и изобретательно переодевался. Пестроте его экипировки мог бы позавидовать любой цирковой гардероб. На митингах у Таврического дворца он появлялся в адвокатском пиджачке. В качестве российского премьера ходил с Сомерсетом Моэмом на ужины в петроградский ресторан «Медведь» во фрачной паре. Став главковерхом, надел френч. Из Гатчины бежал, переодевшись матросом. Улицами Петрограда (январь 1918 года) и Москвы (май 1918 года) нелегально пробирался в бабьем салопе, подпоясанном платком. В июне 1918 года он навсегда покинул Россию на английском корабле, облачившись в форму сербского солдата. В дальнейшем слонялся по Европе и Америке, меняя френч на фрак. К настоящему времени полувековая эпопея превращений Александра Федоровича увенчивается, по-видимому, предпоследним оригинальным нарядом: будучи преподавателем американского университета Стэнфорд и женского колледжа Миллс, он выходит на кафедру в шелковой профессорской мантии.

Незадолго до появления в свет упомянутых мемуаров он представился прессе, дал интервью. Сам себя слегка похвалил за усердный труд. «В моей книге вещи показаны такими, как я их понимал». Мадам Кэти Дибель, корреспондентка группы североевропейских газет, свидетельствует: «Из своей слабо освещенной комнаты, предоставленной ему одним из друзей в квартире на Пятой авеню, он вышел на беседу прихрамывая, как это бывает у очень пожилых людей. Силясь разглядеть пришедшего, его старческие глаза щурятся, мутнеют. Его приветствие кратко. Оно звучит, как голос прошлого».

Взор Александра Федоровича не отличался ясностью и в молодые годы, в эпоху великих переодеваний. И хотя теперь он совсем помутнел, старичок старательно симулирует остроту исторического зрения. «Тот, кому довелось пережить роковой поворот мировых событий,— пишет с его слов г-жа Дибель,— может судить о многом, ибо ему дано заглянуть в эпохальные глубины как прошлого, так и настоящего». С настоящим повременим. А вот что касается знакомых ему «глубин прошлого» — что сегодня узрел в них из своей плохо освещенной комнаты на Пятой авеню нынешний труженик американского педагогического фронта?

На протяжении сотен страниц, комбинируя и так и этак факты и документы, Керенский пытается убедить читателя в том, что события лета и осени 1917 года были цепью роковых случайностей, следствием непостижимого стечения обстоятельств. Они, считает мемуарист, могли быть, могли и не быть. Сумеречное состояние автора не позволяет ему уловить в нагромождаемых фактах какую-либо закономерность. Ничего в 1917 году, говорит он, не было неизбежного. Мир выглядел бы совсем иначе, если бы тогда... У него много «если». Если бы удалось брусиловское летнее наступление... Если бы была вовремя приостановлена «Правда»... Если бы под Пулковом не устояли матросы на правом фланге... Если бы генерал Краснов не позволил Дыбенко устроить митинг казаков в Гатчинском дворце... Одним словом, если бы да кабы, да во рту росли грибы. Аргументация, не блещущая новизной. Еще до Александра Федоровича пытались доказать, что мировая история сложилась бы иначе, если бы у Клеопатры был нос длиннее, а Наполеона накануне Ватерлоо не прохватил сквознячок.

Но престарелому мемуаристу мало одних «случайностей» в Октябрьской революции. Ему кажется, что она вообще не была революцией. Возьмите, например, Февральскую революцию, «повивальной бабкой» которой он сегодня скромно себя именует. В противоположность Октябрьскому перевороту то было «истинно стихийное движение масс», во главе которого «встало революционное Временное правительство под руководством князя Георгия Львова». Очевидно, если бы на вершине Февральской революции не оказался «князь Георгий Львов», она тоже не была бы революцией. И если бы в дальнейшем сподвижниками и друзьями главы Временного правительства Керенского не стали Колчак, Деникин, Алексеев, сахарозаводчик Терещенко и промышленный магнат Гучков, оно, конечно, тоже не было бы ни демократическим, ни революционным. Совсем другое дело Октябрьское вооруженное восстание. Его не возглавляли князья, и в нем не принимали участия монархисты-генералы — какая же это, разводит руками стэнфордский профессор, революция?

Заглядывая далее в «исторические глубины», старичок скорбит и всхлипывает: жаль ему «утерянных надежд весны 1917 года», будоражат его «похороненные февральские идеалы». Какими были они «воодушевляющими» и как «жестоко они были разбиты»! Действительно, какое жестокое огорчение: не состоялось превращение России в буржуазную лжедемократию западного образца. «Мечтою» Керенского и его компании было остановить революцию на полпути, тиранию свергнутого царя заменить игом Гучковых и Терещенко, украсть у народа первые плоды его борьбы, законсервировать Россию в ее полуколониальном состоянии, заставить русские корпуса по-прежнему истекать кровью во имя чуждых стране интересов. На этой общей «мечте» и сошлись тогда Керенский и его партнеры из западных правительств. Теперь экс-премьер расхваливает США за «доброжелательство к русскому народу» в 1917 году, за якобы проявленные тогда «лояльность и невмешательство» во внутренние дела России. По мутности зрения старик проглядел факты, которые опровергают это его утверждение, в том числе те, которые он сам публиковал.

Уместно вспомнить, что еще в марте 1917 года, признав де-юре Временное правительство, США (а вслед за ними Англия, Франция и Италия) выдвинули оговорку о прекращении всяких «сношений с радикалами, именующими себя Советами депутатов». Затем западные державы все настойчивей стали требовать «обуздания улицы», «интенсификации военных усилий». Поскольку сопротивление народа этим притязаниям возглавили большевики, на них обрушилась вся злоба западных правящих кругов. В меморандуме президенту Вильсону в июле 1917 года государственный секретарь Лансинг подчеркивал, что «порядок в этой стране может быть восстановлен лишь с помощью военной деспотической власти». «Я стою за уничтожение большевизма в России»,— заявлял американский посол Фрэнсис, впоследствии обвинявший Керенского в неспособности обнаружить Ленина и учинить над ним расправу. Таким же подстрекательством занимались Бьюкенен и Нуланс. Последний считал ошибкой, что Керенский не потопил крейсер «Аврора», на котором, по его, Нуланса, предположениям, скрывался Ленин после июльских дней. «Если бы,— писал Нуланс,— Керенский тогда проявил решительность, было бы покончено с большевизмом и, возможно, с самим революционным движением». Не скупилась тогда на кровожадные призывы и антантовская пресса. Лондонская «Морнинг пост» выговаривала Керенскому: «Единственное спасение России — в обильном кровопускании, но у вас на это, кажется, не хватает смелости». В припадке бешенства взывала к нему парижская «Виктуар»: «С кнутом и саблей и военной диктатурой вы посеете хлеб, построите пушки, локомотивы, с кнутом и саблей вы заставите рабочих вернуться на заводы».

Зря попрекали душку Керенского. Он старался изо всех сил. Радел о «кнуте и сабле», хлопотал об «обильном кровопускании». Сам же это и засвидетельствовал в своем трехтомном сборнике документов, изданном в Стэнфорде несколько лет назад. Целые главы сборника повествуют о репрессиях, о смертных казнях на фронте. На странице 982 Керенский приводит собственное заявление от 13 июля 1917 года с призывом к безжалостным расправам. 16 июля на совещании в Ставке он горячо пожимает руку Деникину, главнокомандующему Западным фронтом, после его речи о том, что 48 батальонов отказались идти в бой и положение могут восстановить только массовые казни (протоколы совещания, стр. 989—1010). 23 августа начальник канцелярии главковерха Барановский в штабе Корнилова передает указание: «Надо ударить так, чтобы почувствовала вся Россия».

«Рады стараться!» — отвечали рыцари февральских идеалов во главе с вертлявым адвокатом. «Мы полны решимости так же действовать и дальше»,— заявило правительство Керенского в своем обращении к союзным державам по случаю третьей годовщины мировой войны. Его усердие не осталось невознагражденным. По данным Джорджа Кеннана, правительство Керенского получило «займы» от США не менее 450 миллионов рублей. На стимулирование меньшевистско-эсеровских проповедников февральских идеа-

лов было до октября израсходовано только из частных американских фондов 12 миллионов рублей. Заокеанской мздой подогревалось погромное неистовство десятков буржуазных газет, сотен пропагандистов; одна только «бабушка» Брешко-Брешковская получила на «борьбу против большевизма» 100 тысяч рублей.

Не помогли, однако, ни займы и субсидии, ни эшафотные рекомендации Лансинга и Фрэнсиса. Плакали их денежки. «Утерянной» оказалась для них Россия — та Россия, в которой они могли наживаться и диктовать. И в последующие 49 лет еще не раз приходилось джентльменам записывать просчеты и провалы на баланс своей антисоветской бухгалтерии: от субсидий Колчаку и Деникину в годы интервенции до современных 100-миллионных ассигнований конгресса на подрывную работу в социалистических странах. Сегодняшние затраты на содержание одряхлевшего экс-главковерха в американской богадельне тоже, конечно, не относятся к особо рентабельным, но это сущая безделица по сравнению с теми расходами, которых он стоил американским фондам с марта по октябрь 1917 года.

Зато, если сейчас он может рассчитываться за кошт только лекциями перед девицами колледжа Миллс и писанием антисоветских статей, тогда у него была возможность отвечать своим благодетелям более ощутимыми услугами. Например, по просьбе посольства США он в 1917 году назначил «советником» русского министерства путей сообщения американца Стивенсона, который прибыл в Петроград со специальной «технической» миссией — для установления контроля над железными дорогами. Керенский дал тогда негласную санкцию на формирование в США «русского железнодорожного корпуса», которому ставилась задача — захватить в свои руки коммуникации на востоке России. Еще более солидной услугой было согласие Керенского с решениями секретной лондонской конференции трех западных держав о разделе России на сферы влияния. Согласно этим решениям, Англия брала на себя «реорганизацию» морского транспорта, США — железнодорожного, Франция — вооруженных сил. Узнав о сговоре, который скрыли даже от него, Керенский нисколько не обиделся. Напротив, он дает указание министру иностранных дел Терещенко: через русских послов в Вашингтоне, Лондоне и Париже довести до сведения правительств, что их решение о распределении сфер влияния в России может быть распространено и «на сферу промышленности». Далеко зашел бы Керенский в вольном обращении с суверенитетом России, если бы 7 ноября его не остановили...

Что же, собственно, имеет в виду Джордж Кеннан, когда в наши дни выражает надежду, что «некоторые из отрадных начинаний Февральской революции могли бы снова быть включены в опыт России»? Какую из перечисленных операций Керенского он считает тем опытом, к которому следовало бы вернуться нашей стране? Может быть, передачу железных дорог под контроль нового Стивенсона? Или возвращение к терещенковским депешам о разделе страны на сферы западного влияния?

Масштабный был когда-то деятель Александр Федорович, а теперь сидит тихо, смирно. Расписывает в колледже Миллс учебные планы, дремлет на педагогических советах, иногда занимает рассказами оклэндских барышень. У них, сообщает «Нью-Йорк таймс», он пользуется «очень большим успехом». В авторе не заглохла жилка кавалерского тщеславия. Он рисует себя в мемуарах бесстрашным героем и в то же время мучеником. То, что происходило с ним в последние полтора месяца 1917 года, выглядит в его изложении как добротный комикс.

«Адъютант Виннер и я,— так пересказывает он сцену в Гатчинском дворце,— решили не сдаваться живыми. Мы намеревались застрелиться в задних комнатах дворца. В то утро 14 ноября 1917 года это наше решение казалось совершенно логичным и неотвратимым. Вдруг появились на дороге два человека. «Нельзя терять времени,— сказали они.— Снимайте ваш китель, да побыстрей». Через несколько секунд я преобразился в матроса довольно гротескного вида: рукава были слишком короткими, дубленые ботинки и обмотки были не по мне. Слишком малая бескозырка едва держалась на моей макушке. Наряд завершился автомобильными очками. Мы вышли в коридор по единственной лестнице. Мы двигались, подобно роботам, душевно совершенно подавленные» (видит бог — хотел застрелиться, да не дали).

Но уныние было недолгим. Дав тягу на автомобиле от Китайских ворот, лжематрос вскоре преобразился в лжестудента. По дороге на Лугу, повествует мемуарист, один из членов его свиты, некий «сэйлор» Ваня, завел его в лесную чащу и укрыл в домике у своей тетки-старушки, где он и провел вдалеке от зловредных большевиков сорок дней. В дневное время, делится он теперь своими ощущениями, самочувствие было хорошее: «Все вокруг было спокойно и солнечно, происшедшее казалось далеким и нереальным»; а вот ночами в теткином чулане одолевала его мучительная тоска по потерянному. Сердобольная тетка «сэйлора» Вани обливалась слезами, глядя, как мучается душой бедный подпольщик. Возможно, пишет он, большевики бы его здесь и схватили, но и на сей раз выручила Александра Федоровича его феноменальная способность «изменять свою наружность до неузнаваемости». «Отрастив у Болотовых (то есть у исторических теперь тети и дяди) бороду и усы,— удовлетворенно сообщает он своим читателям,— в очках и с копной неопрятных волос, я походил на студента-нигилиста шестидесятых годов». Кроме того, он был готов лично биться на смерть, личным оружием, но такая досада: на протяжении полутора месяцев его петляния по лужским и новгородским лесам в боевую схватку вступить ему не пришлось. Зато повсюду встречались ему люди, «готовые с радостью рисковать своими жизнями, чтобы спасти мою». Тут и «богатый лесоторговец З. Беленький», предоставивший ему укрытие в имении на несколько дней, а потом сани; тут и некий гатчинский извозчик, которому экс-премьер в пути за маленькую услугу «протянул 100-рублевую бумажку», и, конечно, те же Ваня, его тетя и его дядя, которые, «заливаясь слезами, надели мне на шею иконку — единственную вещь, которую я потом вывез из России».

Опираясь на эту осененную иконой всенародную любовь и преданность, Александр Федорович выжидал. Согласно его расчетам, власть большевиков «должна была крахнуть через несколько дней или в крайнем случае через несколько недель». Все шло как по маслу: «Мы неслись по дорогам вперед, распевая боевые песни, шутя и смеясь». И только одной малости не хватало веселым путешественникам: самого падения Советской власти, которое должно было состояться через несколько дней. Не произошло оно ни через несколько недель, ни через несколько лет, ни через несколько десятилетий. Этим обстоятельством старичок весьма огорчен. Редакция же лондонской «Санди телеграф» в предисловии к отрывкам из его мемуаров, напротив, вынуждена признать, что приближающееся 50-летие Советской власти будет фактом огромного значения. «Октябрь 1917 года,— заявляет редакция в противовес разглагольствованиям своего автора о «бунте черни»,— представляет одну из знаменательнейших дат в истории. Это одно из величайших событий, которое определило облик XX века».

Следует заметить, что в начальном сопоставлении двух бывших присяжных поверенных нет никакой натяжки. Как в свое время Старохамский, так к концу своих подпитерских странствий Керенский попал в сумасшедший дом. Подобно Старохамскому, он тоже рассчитывал переждать у психиатров опасные для него времена.

«Достигнув в конце декабря 1917 года окраин Новгорода,— рассказывает Керенский в своих мемуарах,— я попал по правильному адресу: в дом для умалишенных. Директор тепло приветствовал меня... Он начал с того, что мне нечего здесь опасаться. Вы так выглядите, сказал доктор, что никто вас здесь не опознает. И вообще в нашем доме никто не симпатизирует большевикам» (!). Узнав, однако, что 5 января 1918 года предстоит открытие Учредительного собрания, Кай Юлий Керенский покидает приветливого психиатра и через Бологое пробирается ночным московским поездом в Петроград, намереваясь с трибуны «сказать стране и народу то, что я думаю о создавшемся положении».

К его прискорбию, Учредительное собрание не состоялось из-за «зверств большевиков»: они повесили замок на вход в Таврический дворец.

Сосед Старохамского по палате, бухгалтер Берлага, объявивший себя, в свою очередь, вице-королем Индии, в минуту сомнения спрашивал:

— Может быть, можно переменить бред? Что, если я буду Эмиль Золя или Магомет?

Поздно, поучал его Кай Юлий. Нельзя менять свои мании, как носки. «Мы сидим здесь уже неделю и знаем порядки».

Этот принцип должным образом усвоен в западных краях и А. Ф. Керенским. Он сидит там уже около 49 лет и знает порядки заокеанской богадельни, где его держат не за то, что он «Магомет» или «Юлий Цезарь», а именно за то, что он «великий демократ».

РОДЯТСЯ ЛИ ХРАБРЫМИ?..

На снимке — сцена из спектакля. Фото Е. Умнова.

Давно получили признание военные повести Александра Бека, отражающие первые месяцы войны и разгром гитлеровских орд под Москвой. На основе этих повестей создана пьеса «Волоколамск — Москва», поставленная Центральным театром Советской Армии.

Журналист, лицо от автора, рассказывает нам, зрителям, историю великой, многодневной битвы, которая происходила четверть века назад на осенних полях Подмосковья. Перед Журналистом командир батальона ныне знаменитой Панфиловской дивизии Бауржан, сын Момыша. Он властно требует от Журналиста правды. Прежде всего правды. Ибо только правда поможет потомкам понять величие духа тех, кто выстоял, одержал победу в неравной борьбе.

Журналист сдержал слово: звучит суровая, неподдельная правда. Мы верим героям, пришедшим на сцену, и они не оставляют нас равнодушными.

— Для чего я живу? — думает вслух Бауржан.— Ради чего воюю? Ради чего готов умереть на этой размытой дождями земле Подмосковья?.. Ради чего я дерусь здесь за Москву, защищаю эту землю?.. Родина — это мы. Наши семьи, наши матери. Наши жены и дети. Родина — это наш народ. Умрем же за Родину!

Комбат Момыш внушает бойцам: нет ничего выше, чем защищать Родину своей грудью, своим сердцем, своей жизнью.

А генерал Панфилов учит: на войне погибнуть может каждый из нас, но разгромить врага могут только живые! И он, генерал Панфилов, ведет полки в наступление, чтобы жить и побеждать!

Образ командира дивизии в спектакле центральный. Он душа воинского соединения, олицетворение мудрости и совести советского солдата. Он скромен, сердечно щедр и глубоко человечен.

Есть в спектакле эпизод, где Панфилов, знающий своих людей, как своих детей, рассказывает им, словно сыновьям, как однажды в детстве охватило его чувство страха... Как он сумел подавить страх, обрести то, что зовется храбростью...

Суть притчи ясна и благородна. Поверь в человека! Проникни в его душу. Помоги ему подняться над инстинктом самосохранения, подчинить своей воле страх и отбросить его во имя высшей цели. Ведь храбрым никто не родится! Храбрым человек становится...

Что превыше всего в Панфилове, которого показывает театр Советской Армии? Убежденность коммуниста. Идейная позиция полководца советской формации.

Воспитанные им воины дрались до последнего вздоха не от отчаяния, а от сознания долга перед Отчизной. Дрались как хозяева жизни, во имя справедливости.

И. АДОВ

ХОЧЕТСЯ ПОБЫВАТЬ У ВАС, ХЕВСУРЫ!

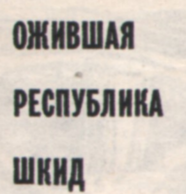
Для хевсура, выросшего среди гор и простора, нет уголка лучше его родины. Селения этой маленькой поэтичной страны разбросаны по южным и северным склонам Главного Кавказского хребта. Поэтично здесь все: выжженные солнцем долины и пастбища; недоступные, выветренные скалы, покрытые зимой таким белым снегом, о каком горожане знают только из сказок.

Вот об этом удивительном крае, о свободных и гордых людях, искренних и красивых, сохранивших многие древние обычаи и традиции, рассказывает фильм «Хевсурская баллада», поставленный студией «Грузия-фильм» по сценарию Георгия Мдивани.

Режиссер Ш. Манагадзе и оператор Г. Челидзе сделали фильм настолько задушевно и талантливо, что зрителю очень хочется побывать у хевсуров, послушать их многоголосое пение, посмотреть в их открытые и доверчивые лица.

Это фильм о целомудренном, бережном отношении людей друг к другу, о доброжелательности и гостеприимстве... Пожалуй, не надо пересказывать историю любви главных героев картины — художника Имеды (его играет Т. Арчвадзе) и горянки Мзекалы (в этой роли снималась С. Чиаурели). Эта история проста и понятна всякому. И всякого она обогащает своей внутренней щедростью и чистотой.

Г. СМЕТАНИНА

ОЖИВШАЯ РЕСПУБЛИКА ШКИД

Мальчишки и девчонки предвоенного поколения зачитывались «Республикой Шкид» — небольшой книжкой Л. Пантелеева и Г. Белых. И вот сейчас, в пятидесятый год Советской власти, на «Ленфильме» экранизирована повесть, одобренная еще М. Горьким.

На экране проходят трудные, полные горечи и радости дни. И мы видим, как распрямляются, меняются на наших глазах беспризорные ребята.

В фильме нет незапоминающихся образов, но всех исполнителей, конечно, не назовешь. Скажем только, что важную роль Викниксора — Виктора Николаевича Сорокина — великолепно играет артист Сергей Юрский.

Г. КОВАЛЕНКО

НА РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ

«Бягаща по вълнита», а ниже: «Бегущая по волнам». Такая надпись на русском и болгарском языках была на дверях одной из съемочных групп студии имени М. Горького.

Произведения А. Грина, полные романтики и призыва, где через приключенческую форму высказывается главная философия современности —любви к человеку, все больше привлекают внимание художников.

«Бегущая по волнам» заинтересовала Павла Любимова, молодого режиссера. На его счету маленький фильм «Женщина с фиалками» и большой — «Женщины».

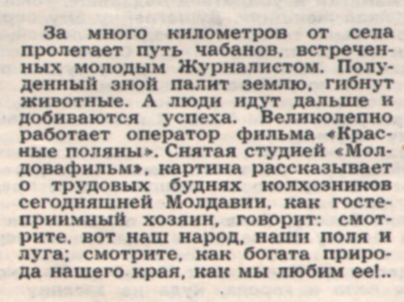
Картину снимали совместно советские и болгарские кинематографисты.

М. ПЕТРОВА

На снимке: артистка М. Терехова в фильме «Бегущая по волнам».

Фото Е. Тереховой.

ЛЮБОВЬ ВСЕГДА НАДЕЕТСЯ

За много километров от села пролегает путь чабанов, встреченных молодым Журналистом. Полуденный зной палит землю, гибнут животные. А люди идут дальше и добиваются успеха. Великолепно работает оператор фильма «Красные поляны». Снятая студией «Молдовафильм», картина рассказывает о трудовых буднях колхозников сегодняшней Молдавии, как гостеприимный хозяин, говорит: смотрите, вот наш народ, наши поля и луга; смотрите, как богата природа нашего края, как мы любим ее!..

М. ЗАОСТРОВСКАЯ

НАД ПРОПАСТЬЮ

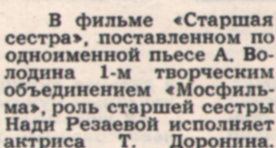
На студии имени А. П. Довженко кинорежиссер Т. Левчук поставил художественный широкоформатный фильм «Два года над пропастью» (по одноименной повести В. Дроздова и А. Евсеева).

Создатели фильма рассказывают о бесстрашном советском разведчике герое-украинце Иване Кудре (его играет Ан. Барчук) и его соратниках. Новая лента, широко используя документальный материал, раскрывает интереснейшие подробности драматической борьбы киевлян против гитлеровских оккупантов и еще раз — уже после Киевского театра драмы — возрождает подлинную историю разведчицы-героини Раисы Окипной.

Т. ДЕРЕВЯНКО

Фото А. Кмец.

ИГРАЕТ ДОРОНИНА

В фильме «Старшая сестра», поставленном по одноименной пьесе А. Володина 1-м творческим объединением «Мосфильма», роль старшей сестры Нади Резаевой исполняет актриса Т. Доронина.

Может быть, то, что она сыграла на театре сложнейшие роли в «Идиоте», «Горе от ума», «Варварах», «Поднятой целине», «Гибели эскадры», помогло ей подойти так глубоко к образу современницы.

Надя у Дорониной хрупкая, нежная.

Главное в игре Дорониной — страсть, искренность, умение сопереживать. Как она задушевна, как мягка и внимательна к людям! Она превращает фильм не только в рассказ о судьбе двух сестер, а в разговор о душевной тонкости, о праве на призвание, на счастье. Это очень гуманный фильм о людях, целеустремленно идущих к своей мечте.

П. КУЗНЕЦ

Фото А. Гладштейна.

КАК РАЗ К ВЕСЕННИМ КАНИКУЛАМ

«Сказка о Царе Салтане», новая картина, поставленная студией «Мосфильм»,— это яркая, красочная кинолента. В ней есть все: чудеса, превращения, эксцентрика, жизнерадостность, веселый юмор,— хотя порою излишняя увлеченность сюжетом — чисто внешней стороной сказки — приводит к известной иллюстративности. Однако же детям этот фильм — настоящий подарок к каникулам.

П. СИТАЛЕВ

Олег ШМЕЛЕВ,
Владимир ВОСТОКОВ

Рисунки Игоря УШАКОВА.

10. ПРЕДАТЕЛЬ ПО ПРИЗВАНИЮ

Если бы речь шла, скажем, о ботаническом саде, предметом нашего рассказа были бы благоухающие цветы и благоуханный труд тех, кто их выращивает.

Но наш предмет совсем иного свойства. Работа контрразведчиков меньше всего походит на приятную деятельность цветоводов, и здесь, увы, другие краски, другие запахи. Такова уж специфика работы, что приходится иметь дело не только с честными людьми, но очень часто и с мразью, и от этого никуда не денешься.

Поскольку Николай Николаевич Казин, с легкой руки Алика Ступина фигурирующий в деле под кличкой Кока, начинает играть все более важную роль, нелишне будет заглянуть в его пахучую биографию, чтобы понять, откуда он такой взялся. Прямо скажем, это экземпляр редкий, может быть, один на миллион, и любопытно проследить его развитие.

Честные люди, соприкасаясь с таким экземпляром, испытывают чувство глубокого омерзения, но все же именно оттого, что они честные и порядочные, бессознательно порой ищут ему хоть какое-нибудь оправдание, высказывая классическое «ведь не всегда же он был таким»... Но тут уместно предположить: а может, всегда? Может быть, ему еще с гимназической поры не давали спать лавры гения среди предателей всех времен и народов — печально знаменитого Жозефа Фуше, вписавшего свое имя в историю как непревзойденный образец предательства и двурушничества, того самого Фуше, который изменил католическому вероучению ради якобинцев и Великой французской революции, затем изменил революции и Робеспьеру ради Наполеона, затем предал Наполеона ради недорезанных революцией Бурбонов и вообще всю жизнь изменял всему и всем, кроме своей жены? Неспроста Кока еще на заре своей юности восхищался сей исторической фигурой, иезуитским умом и изворотливостью министра полиции Фуше.

Но оставим предположения, поместим эту реликтовую бациллу на предметный стол микроскопа и хорошенько разглядим ее. Биография у Коки поистине феерическая.

Родился он 31 декабря 1900 года. Позже, когда пробовал сочинять стихи символистского толка, он усматривал в том факте, что рожден на рубеже двух веков, нечто мистическое, считал это предзнаменованием необычайной судьбы. Трудно сказать, сколько тут мистики, но вот факт: мать и отец, подобно Алику Ступину, звали своего сына Кокой и никак иначе.

Родители его были из московских городских мещан. Отец служил чиновником в банке, жили они обеспеченно. Мать, натура нервная и болезненная, шесть месяцев в году сидела дома, мучаясь мигренями, а шесть проводила в Крыму. Там, в ялтинской частной санатории, она и скончалась летом пятнадцатого года, когда уже была в разгаре мировая война. Отец носил траур до осени, а затем по протекции устроил сына в петроградское Владимирское юнкерское училище и сошелся без венчания с богатой купчихой.

Жестокая по отношению к новичкам юнкерская среда сначала испугала и отвратила от себя Коку, но он скоро приспособился, найдя покровителей в лице двух старших юнкеров, из унтер-офицеров, которые уже понюхали службы в армии. Он добился их расположения элементарным подкупом, отдавая часть денег, присылаемых отцом. В благодарность за это они били его при случае только сами, не позволяя бить другим. А заслуживал он битья часто, потому что фискалил. И уже в этом проявилось его раннее призвание.

В 1917 году юнкера восстали против Советов. Рано утром 11 ноября, когда рота Владимирского юнкерского училища, в которой числился Кока, выступила для захвата телефонной станции, он в момент какого-то замешательства нырнул в проходной двор, бросил там винтовку и был таков. Еще до рассвета он пробрался на квартиру к той знакомой отца, через которую ему пересылались деньги. Она приняла в нем материнское участие, помогла переобмундироваться в гражданское платье, а через неделю Кока решил любыми средствами уехать в Москву,— боялся, что его как бывшего юнкера в Петрограде обязательно схватят. Конец ноября застал Коку в отцовской московской квартире, где хозяйничала теперь их служанка. Напуганный Петроградом, целый месяц просидел Кока, не показывая носа на улицу. Отца в то время в Москве не было, купчиха увезла его куда-то на Волгу, где имела собственные пароходы.

Но черт с ними, с юнкерами. Можно сделать натяжку и не вменять Коке в особую вину то, что он их бросил. Объясним его бегство тем, что он не принял юнкерство душой. И был слишком молод.

Одним прекрасным утром в квартиру, где изнывал от неопределенности юный Кока, ввалился здоровенный мужик, в новом тулупе, с угольно-черной курчавой бородкой — посланный отцом служащий купчихи. Он явился спасать Коку.

Через неделю они добрались до Сызрани, где Коку ждал отец с купчихой, а оттуда вчетвером, одевшись попроще и потеплее, пустились в дальнее путешествие на восток: отец наметил конечным пунктом Харбин.

На железных дорогах в ту пору творился невообразимый хаос, двигались в день по версте, с муками и слезами, а на станции Татарской, что между Омском и нынешним Новосибирском, их совместным мытарствам пришел конец. Ночью на темную станцию, где они в числе множества себе подобных ждали оказии, налетели конные бандиты. Купчиха, когда главный бандит с железнодорожным фонарем в руке вошел и зычно крикнул: «Пра-а-шу пардону!» — сунула Коке тяжелый кожаный мешок с медными планками и застежками, шепнула: «Спрячь за пазуху и тикай отсюда, схоронись где-нибудь, а как эти уберутся — придешь». Бандиты уже принялись весело за работу, а Кока, охватив руками живот, мелким шагом двинулся к выходу, где стоял вожак банды со своим телохранителем. Этот последний остановил его: «Куды-ы!» Но вожак осветил фонарем Кокину физиономию и молвил: «Пропустить шкета! С перепугу...» И Кока выскользнул на улицу.

...Напрасно отец вне себя матерился сквозь зубы и называл сына гаденышем, напрасно купчиха стенала и заламывала руки,— Кока к ним не вернулся. К утру он успел уйти верст за пятнадцать, нанял в большом селе сани и двинул на запад, в Омск. Так свершилось его второе предательство.

В Омске, где он прожил месяц на квартире у отлученного от церкви дьяка, Кока приобрел привычку курить и потерял невинность. Совратила его дьякова дочка, числившаяся в девицах, а курить научил сам дьяк.

В купчихином мешке оказалось семьсот золотых монет, все — десятки. Проявив рассудительность не по летам, Кока заказал себе у портнихи, знакомой дьяка, специальную стеганую душегрейку на вате, а потом, таясь от хозяев, собственноручно зашил монеты малыми порциями в ватные подушечки этой ловко придуманной им одежки.

Диковинно тяжелая получилась душегрейка, но своя ноша не в тягость, и он как надел ее, так уж больше и не снимал, пока не добрался до Казани. Здесь судьба свела его с бывшим студентом Петроградского института путей сообщения, которого звали Герман, который был на три года старше Коки и, так же, как и он, милостью гражданской войны оказался совершенно свободным и самостоятельным гражданином. Познакомились они на базаре. Кока желал купить револьвер, а Герман желал его продать. Они друг другу сразу понравились и с базара ушли вместе.

С момента этой купли-продажи их можно считать друзьями по оружию. Герман оказался горячим приверженцем анархических идей Бакунина, а практическим толкователем их почитал батьку Махно, слух о котором уже катался по Украине и России в тачанках, бричках и теплушках и вольно носился по воздуху.

У Коки в голове царила идейная каша, он не разбирался в политике и был вроде того кота, который ходит сам по себе. Но пламенный анархист Герман в две ночи распропагандировал его, и Кока, обретя, таким образом, стройное мировоззрение, последовал за Германом — на юг, к Азовскому морю, где гуляла махновская вольница.

Самого батьку они не увидели, но вождь махновского отряда, на который им посчастливилось нарваться, тоже оказался вполне красивой и зажигательной фигурой. Герман и Кока целовали знамя, после чего были приняты под спасительную сень его. Им приказали добыть себе коней, но поскольку Кока все равно в седле держаться не умел (хотя и учился в юнкерском, где верховая езда была специальным предметом), лошадь ему была без надобности. Его зачислили в помощники к писарю, который ездил вместе со своей канцелярией в цыганской кибитке, а Герман выменял коня у старого махновца за карманные серебряные часы с двумя Кокиными казанскими золотыми десятками в придачу.

Недолго послужил Кока махновскому знамени. Веские причины заставили его и на сей раз прибегнуть к измене — теперь уже двойной, ибо он предавал одновременно знамя и друга Германа, которому в Казани клялся на крови.

Братья-анархисты, когда настали жаркие летние дни, дивились, глядя на Коку: что за малохольный, мол, писаренок? Тут с голого пот в три ручья, а он парится в ватной жилетке.

А вскоре после того, как обнаружил Кока на себе угрожающее внимание братьев, их отряд, дотоле промышлявший идиллическим грабежом мирных украинцев, русских и евреев, наскочил на красную конницу и еле унес ноги.

Кока сообразил, что ему будет во всех отношениях лучше, если он прекратит бороться во имя матери порядка — анархии, и темной ночкой задал стрекача. Заметим в скобках, что Герману, на свою беду, еще придется повстречать Коку.

...Как ветер сметает оторвавшиеся от дерева листья в овраг или в канаву, так всех сорвавшихся с насиженного места неприкаянных сметало тогда в Одессу-маму. Коку, хоть и тяжел он был в своей золотой душегрейке, тоже подхватило этим ветром и вынесло прямо на Приморский бульвар.

Он поселился в меблированных комнатах в доме, принадлежавшем хозяину с немецкой фамилией, но похожему больше на турка. На второй или на третий день по приезде воспоминания о дьяковой дочке распалили молодое воображение Коки, он обратился за советом к хозяину, и тот познакомил его с особой, носившей французскую фамилию, но изъяснявшейся почему-то на чистейшем вологодском диалекте. Если прибавить к этому, что зрелая особа, залучив его к себе в дурно пахнущий терем на окраине, в первый же час спела под гитару три подряд романса об африканских страстях, то не покажется удивительным ералаш, возникший в голове у Коки. Потом ему под видом коньяка был поднесен закрашенный чаем свекольный самогон, и не успел Кока додумать мысль о подделках, как был уже одурманен и лежал в постели без штанов и, главное, без душегрейки. Растолкали его среди ночи не женские руки. И голос, приказавший в темноте собирать манатки и убираться подальше, тоже не принадлежал женщине. Душегрейку ему вернули, но она была теперь первозданно легкой, такой, как ее сшила портниха в Омске.

На рассвете Кока прибрел к дому турка, разбудил его и потребовал объяснений. Но тот взбеленился и спросил у Коки документы, которых, разумеется, не было. И хозяин вышвырнул Коку на улицу.

Он плакал жгучими, злыми слезами, испытав на своей шкуре, что такое обман и предательство. Но это научило его лишь одному: предавай всегда первый.

Проклял Одессу, Кока решил пробираться на север, в Москву. Но попал он туда только через год.

От Одессы до Киева и от Киева до Харькова не было села и города, куда не заглянул бы Кока на своем тернистом пути в бывшую белокаменную. Жил он все это время спекуляцией. Тогда-то и зародилась в нем жилка, опре-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—4.

делившая на многие последующие годы его способ существования.

Период с двадцатого по тридцатый год не поддается более или менее подробному описанию, потому что был слишком калейдоскопичен. Достаточно перечислить должности и профессии, в которых пробовал свои силы возмужавший Кока, чтобы оценить многогранность его дарования.

Он был рассыльным в книжном издательстве; ассистентом оператора на киностудии; сочинял и дважды напечатал стихи и однажды в кафе поэтов выпросил у Маяковского книжку с автографом (которой не упускал случая похвастаться, будучи стариком); во время нэпа служил секретарем какого-то мудреного товарищества на паях; потом давал уроки музыки нэпманшам, хотя сам умел играть по памяти только вальс «Амурские волны», а нот не знал и слуха не имел; выступал в качестве конферансье на эстраде и работал страховым агентом; был оценщиком в комиссионном магазине и театральным кассиром.

Профессии менялись, но оставался неизменным общий фон — спекуляция на черном рынке.

В начале тридцатых годов Кока понял, что надо обзаводиться прочным служебным положением, и поступил в строительный трест юрисконсультом, предварительно заручившись хорошо подделанной справкой, что окончил когда-то три курса юридического факультета. Специалистов даже с незаконченным высшим образованием тогда крайне не хватало, и в зубы коню не смотрели. А в знании законов и в расторопности Коке отказать было нельзя. К тому времени он поселился в комнате на Большой Полянке и зажил степенной холостой жизнью.

До 1938 года все протекало прекрасно. Но вот в наркомат, где работал юрисконсультом Кока, пришел — кто бы мог подумать! — тот самый Герман, анархист и махновец. Правда, с тех пор, как изменчивый Кока разорвал в приазовских степях их добровольный союз, скрепленный кровью в Казани, Герман прошел очень длинный путь и давно забыл свои полудетские увлечения. Разочаровавшись в анархизме, он покинул махновцев, встретил в скитаниях умных людей и пошел за ними твердо и сознательно. Эти люди оказались большевиками. Герман командовал эскадроном в буденновской коннице, потом его назначили командиром полка. Он был трижды изрублен шашкой в кавалерийских атаках, несколько раз ранен пулями и осколками. В двадцатом году его приняли в партию. Разумеется, он не скрывал в анкетах свои анархические увлечения.

Герман не узнал сначала Коку, но тот напомнил, и друзья обнялись по-мужски, крест-накрест.

Кока через неделю написал заявление в партком наркомата о махновском прошлом Германа. Германа арестовали, а Кока заслужил, таким образом, репутацию бдительного работника. Нет, Кока не считал свой донос бесчестным поступком. Он был уверен, что всего-навсего упредил события, так как, по его глубокому убеждению, иначе Герман написал бы донос на него. Ничего не поделаешь: каждый судит о других по самому себе, мерит всех своей собственной меркой.

Итак, которое же по счету предательство совершил Кока? Не будем мелочными, ибо главное предательство впереди.

Промежуток между 1938 и 1959 годами пуст по части измен. Надо лишь отметить, что в этот период Кока сильно разбогател на подпольных махинациях с иконами, золотыми монетами царской чеканки, брильянтами и, наконец, валютой.

1959 год достойно украсил биографию Коки. Летом он познакомился на почве общего интереса к драгоценным камням с респектабельнейшим атташе по вопросам культуры посольства одного из западноевропейских государств. С тем самым, который теперь занесен советской контрразведкой в дело под кличкой Антиквар.

Сей Антиквар недолго обхаживал Коку. Они оба были стреляные воробьи, им не требовалось прощупывать друг друга с помощью пробных шаров, наивных, как голубые и розовые детские шарики. Антиквар готов был платить, а от Коки ожидалось не столь уж много. Однако мы погрешили бы против истины, если бы стали утверждать, что Кока согласился исполнять невинные на первый взгляд поручения Антиквара из одной только неуемной жажды денег. У него и своих к тому времени вполне хватало. Вульгарно купить его можно было в тридцатом году, когда он смотрел на мир голодными, жадными глазами, но не в пятьдесят девятом.

Нет, Кока действовал по убеждению, продавался, так сказать, по идейным соображениям. И к тому же он, видимо, соскучился — давно никого не предавал. Ничего не попишешь: мы предупреждали, что это экземпляр совершенно уникальный.

Может быть, какую-то роль сыграла здесь также пощечина, полученная Кокой пятью годами раньше. Герман вышел из заключения реабилитированный, разыскал Коку и хотел его убить. Но он был стар не по летам и очень слаб, с Кокой ему бы не справиться, и он удовлетворился одной пощечиной. И имел еще наглость сказать на прощание, что если Кока рассчитывал задавить его своим доносом, погасить веру во все, почитаемое Германом как святыня — веру в человека, в народ и в партию,— то он, Кока, ошибся.

В общем, какие мотивы были основными, а какие побочными — неважно. Важно то, что Кока прошел иудиной тропою до конца. И причитающиеся ему сребреники получал исправно.

Деятельность его на службе у Антиквара поначалу носила сугубо прозаический характер. Хронометраж одного дня даст об этой деятельности достаточное понятие.

Однажды Антиквар попросил Коку вот о чем. Надо несколько раз съездить в пригород Москвы, где расположен большой номерной завод, и просто послушать, о чем говорят рабочие. На территорию завода Коку, конечно, не пустят, но недалеко от главной проходной есть большая закусочная, у завода имеется также отдел кадров и бюро пропусков, куда не возбраняется заходить кому угодно. Что же Кока должен там делать? Ровным счетом ничего. Только слушать, запоминать, а вернувшись домой, составить подробную записку обо всем услышанном.

Кока отправился на завод рано утром и начал с бюро пропусков.

В довольно большом помещении бюро было много народу. Возле окошка стояла очередь, у застекленной телефонной будки — тоже. Стены подпирали маявшиеся в ожидании мужчины и женщины, вероятно, командированные.

Кока со скучающим видом встал возле будки.

— Алло, алло! Мне главного технолога... Девушка!.. Мне начальника вашего... Я ж издалека, второй день торчу здесь без толку... За блоками... Да, с объекта номер пять... А когда он будет?.. Ну все равно, закажите хоть пропуск...

Взъерошенный молодой человек вышел из будки, а его место занял представительный дядя.

— Три — семнадцать, пожалуйста... Товарищ Ермолин? Это опять я, Прохоров. Что же получается, товарищ Ермолин? Мы просили головки бэ-ка-эр-восемь, а вы нам выписали пэ-ка-эр-восемь. Что? Нет, вы напутали... Но это же минутное дело... Да? Ну хорошо, спасибо... Что?.. Да уж постараемся.

Затем говорил военный.

— Четыре — десять... Алло, Леонид Петрович вернулся? Соедините меня с ним, пожалуйста... Леонид Петрович? Это майор Сухинин... Да-да... Пусковые прошли успешно... Я по другому поводу... Да, закажите, пожалуйста... Зовут Сергей Константинович... Спасибо.

Следующий — высокий подтянутый молодой человек с усиками.

— Главного инженера... Алло, Галина Алексеевна? Здравствуйте, это я, Гончаров... Главный у себя? Да, соедините... Дмитрий Михайлович, здравствуйте, это Гончаров с Волги, из ящика двадцать — девяносто три. У нас по тысяча первому изделию есть предложение... Да, прислали меня обсудить. Хорошо. Есть!

У будки стоять дольше показалось Коке неудобным, к тому же его внимание привлекла встреча друзей. Два веселых парня столкнулись в дверях, начали на радостях хлопать друг друга по плечу, прямо на самом проходе, но их попросили отойти в сторону. Кока подвинулся к ним поближе.

— Ну, здорово!
— Здорово!
— Ты откуда?
— С десятой площадки. А ты?
— С шестой.
— Жарковато?
— Соль добываем со спины.
— Давай меняться.
— Ты что, замерз?
— В сентябре при минусе живем. Замерзнешь...
— Пусковые были?
— Порядок. Точность — единичка.
— Везет вам! А у нас отложили.
— Что такое?
— Да ерунда, в общем-то. Утечка кислорода...

Тут мимо них прошел от окошка к дверям пожилой человек. Он заметил, не останавливаясь:

— Эй, молодцы, растрещались, как сороки...

Оба взглянули на него, потом друг на друга, и один сказал:

— Ладно, Шурка. Ты уже с пропуском? В третий цех? Я тоже туда. Дождешься меня?

— О чем речь!

И они разошлись. А Кока направился в отдел кадров.

Выяснив там, каких специальностей рабочие требуются заводу, он пошел в кафе-закусочную.

Был день получки, и, закончив смену, молодые парни компаниями, больше по трое, заходили, шумно рассаживались, брали в буфете «закусь», распечатывали под столом захваченную с собой злодейку с наклейкой (на стене красовался запрет, запечатленный желтыми буквами на черном стекле: «Приносить и распивать крепкие спиртные напитки строго воспрещается»), выпивали и, прежде чем отправиться по домам, немного говорили по душам. Например, Кока запомнил, а придя к себе, записал такой коротенький разговор.

— Нет, Васыль, мне обидно. В прошлом году на монтаже «Сибири» почти в полтора раза больше платили.
— Так сейчас же упростили монтаж?
— На два узла.
— Хотя бы на два. Но чего тебе горевать? Ее скоро совсем с производства снимут.
— Иди ты!
— Честно.
— А что будет?
— Не знаю. Говорят, для самонаводящихся.
— Хорошо бы...

Казалось бы, ну чего тут важного? Но Кока понимал, что эти отрывочные, разрозненные сведения, попав на стол опытных специалистов и аналитиков, могут приобрести огромную ценность. Ведь умеют же ученые по одной-единственной косточке воссоздать весь скелет какого-нибудь птеродактиля или динозавра. Во всяком случае, Антиквар оставался неизменно доволен составляемыми Кокой записками.

Пока их взаимоотношения были исключительно торговыми, Антиквар не боялся свободно встречаться с Кокой. Но, завербовав Коку, он сделался осторожным. И прежде всего велел Коке подыскать кого-нибудь понадежнее и поудобнее для связи. Таким образом на арене появился молчаливый пространщик Кондрат Акулов. Удобнее трудно придумать.

Самое последнее задание Антиквара заключалось в том, что Кока должен разыскать в Москве одного человека и навести о нем как можно более подробные справки. Фамилия — Борков, зовут Владимир Сергеевич. Антиквар не дал Коке адреса Боркова, хотя и знал, где Борков живет. Так полагалось для контроля.

Когда Кока по телефону сказал Юле, что забыл имя и фамилию знакомого Риммы, для которого он доставал доллары,— это был тот редкий случай, когда Кока говорил правду. Получив от Антиквара записку и прочитав ее, он начал мучительно вспоминать, когда и где мог слышать эту или очень похожую фамилию. В последний год у него действительно, кажется, развился склероз, он стал забывать даже имена своих самых старинных клиентов. Он только знал, что фамилия «Борков» напоминает ему о чем-то недавнем, совсем свежем.

Услыхав от Юли, что друга Риммы зовут Владимир Борков, Кока сначала испытал радость удачи, а затем глубоко задумался. Что же это значит? Каким образом и в какой связи стало известно его шефу имя человека, которому Кока полтора месяца назад продал двести долларов? Неужели еще возможны на свете такие невероятные совпадения? И случайность ли это?

Но Кока прекрасно понимал и чтил диалектику. Он трезво смотрел на вещи и был убежден, что все на свете имеет свои причины, надо лишь проявить терпение, чтобы докопаться до них.

Кока был тертый калач. В любых делах, с любым партнером он всегда строго придерживался одного правила, которое давало ему преимущество и которое он сам сформулировал так: если умеешь считать до десяти, останавливайся на девятке. Твердо усвоив закон, что в нынешний век сильнее тот, кто лучше информирован, он старался быть осведомленнее своих партнеров, но не показывал им этого.

И в данном случае он не собирался делать исключения. Не по-хозяйски было бы с его стороны выкладывать Антиквару сразу все. Поэтому Кока в своем сообщении лаконично доложил, что Борков им разыскан и что он постепенно начнет собирать о нем сведения. Однако, прибавил Кока в конце, это весьма не просто и не скоро делается.

Антиквар в ответном шифрованном письме, переданном, как всегда, через Кондрата Акулова, уведомлял, что они должны в ближайшее время встретиться в подходящих условиях с глазу на глаз, чтобы обсудить серьезный вопрос, не терпящий отлагательства. Кока понял, что дело действительно серьезное. Иначе шеф не стал бы нарушать правил конспирации, им самим установленных.

Продолжение следует.

ЛЫЖНЯ

В. ВИКТОРОВ

Фото А. БОЧИНИНА.

Печальной оказалась прошлогодняя лыжня. Неудачи преследовали наших гонщиков в течение всего сезона, который завершился поражением на чемпионате мира в Норвегии. Не смогли тогда ни опытные мастера, ни молодежь дотянуться хотя бы до одной призовой медали.

Да, много огорчений ждало нас на лыжне Холменколлена. Было о чем поразмыслить и тренерам, и гонщикам, и нам, свидетелям этих неудач — журналистам. И вот наступил новый сезон, прошли первые гонки, и сразу повеяло победным ветерком. Молодое трио — Владимир Воронков, Анатолий Акентьев и Анатолий Наседкин — провели удачное турне по Швеции и успешно выступили в двух соревнованиях. Победителем оказался двадцатитрехлетний Владимир Воронков. В первой гонке на шестнадцать километров он «ниспроверг» короля лыж Рённлунда и других известных шведских лыжников, а во второй не дрогнул перед норвежским лыжным королем, чемпионом мира Эггеном.

«Новый Кузин» — как теперь окрестила Воронкова шведская печать — был в составе сборной команды страны на чемпионате мира в Норвегии, но просидел там в запасе, так ни разу и не выйдя на лыжню. Увы, такое случалось не раз и до этого с молодым пополнением сборной. Конечно, трудно сейчас угадать, как бы тогда выступил Воронков, однако, судя по его нынешним результатам в самом начале зимы, он смог бы сказать свое веское слово.

Но вот примечательная деталь: успешное начало нынешнего сезона — заслуга не только нашей молодежи, но и ветеранов. Рядом с Владимиром Воронковым стоит сейчас Иван Утробин. Он очень неудачно выступал на чемпионате мира в Норвегии, и многие уже считали, что ему пора уходить на «пенсию». И вот недавно на первых же крупных соревнованиях у нас в стране Утробин оказался победителем в гонке на 70 километров, оставив на втором месте Анатолия Акентьева. Что это, случайность? Короткий взлет? Ответ и на этот вопрос и на другие вопросы, волнующие любителей лыжного спорта, мы получили очень скоро, на сей раз на ленинградской лыжне, и притом не на внутрисоюзных, а на международных соревнованиях.

В Кавголове, под Ленинградом, уже в четвертый раз встречаются сильнейшие гонщики Европы. На сей раз туда приехали известные финские лыжники во главе с чемпионом мира Эрро Ментюранта, группа шведских лыжников экстра-класса, а также гонщики Польши и ГДР. И вот здесь-то мы смогли еще раз убедиться в том, что и Утробин и его молодые товарищи по сборной находятся в отличной форме, что даже огромное напряжение семидесятикилометровой гонки не сказалось на их самочувствии (вопреки предположениям самых высоких тренерских авторитетов). Больше того, в противовес всякой медицинской логике эта марафонская дистанция как будто бы придала им новые силы. Во всяком случае, именно те питомцы Николая Аникина и Павла Колчина — наставников сборной команды — добились наибольших успехов в Кавголове, которые участвовали в московских соревнованиях. Этот факт представляет большой интерес, если учесть, что наши тренеры в нынешнем сезоне коренным образом перестроили спортивный календарь, насытив его большим количеством соревнований.

Проверка сил в Кавголове проходила в суровых условиях: мороз — и скандинавские гонщики, экзаменаторы серьезные. Мороз доходил до 20 градусов, но Эрро Ментюранта оказался не столь сильным соперником, как это можно было ожидать. Лучший гонщик Финляндии не смог оказать сопротивление нашим лыжникам ни в первой, ни во второй гонке. Пятнадцатикилометровую дистанцию он просто не закончил, а в гонке на тридцать километров проиграл своему ближайшему сопернику Ивану Утробину полторы минуты.

Это был волнующий момент соревнований. Мы имели возможность видеть, как Иван Утробин, взявший старт на полминуты позже, чем Ментюранта, к концу гонки подобрался к нему вплотную, а затем и обошел его на последнем подъеме. Но и Утробин, столь блистательно финишировавший, не только не выиграл эту гонку, но в итоге оказался всего лишь пятым. Решающие события развернулись уже после того, как Ментюранта и Утробин, сбросив стартовые номера и разыскав свои пальто на вешалке, стоящей тут же у лыжни, отправились домой.

Под номером «65» старт взял знакомый уже нам Владимир Воронков. Вслед за ним ушел на дистанцию гонщик, которого мы еще не вспоминали в этом репортаже, Вячеслав Веденин. Он на три года старше Воронкова и обратил на себя внимание еще на чемпионате мира в Норвегии, доставив там немало тяжелых минут скандинавским лыжникам. В Холменколлене он возглавил гонку на 50 километров, уверенно вел ее, выигрывая у всех, и лишь за десять километров до конца не выдержал темпа, сдал и показал шестой результат. На сей раз в Кавголове Веденин умнее распределил силы и после половины дистанции, уступая многим, великолепно финишировал, показав лучшее время. А ведь за несколько дней до этого Веденин вел борьбу на семидесяти километрах и был там восьмым! (К этому следует добавить, что участником марафонской гонки был и Анатолий Акентьев, что не помешало ему стать победителем в Кавголове на дистанции 15 километров.)

Но вернемся к итогам кавголовской тридцатикилометровой гонки и к ее победителю Веденину. Вот краткая история этого гонщика, рассказанная нам сразу же после финиша. Встал на лыжи, когда исполнилось шесть лет. Бегал на лыжах в школу. В семнадцать лет — один из сильнейших юниоров страны. В двадцать два года впервые участвовал в первенстве СССР (27-й на 15 километров, 23-й — на 30 километров). В прошлом году на первенстве страны — третий в гонке на 50 километров. Участник первенства мира в Норвегии.

Сколько таких подающих надежды участвовало в кавголовских соревнованиях! Ведь в одном лишь стартовом протоколе гонки на 30 километров было записано 114 человек — спортсмены со всех концов страны, и, что особенно отрадно, большое число сибиряков (где же еще, как не в Сибири, должны расти лыжные гонщики!). И, как знать, быть может, лыжник под номером «45» — Петр Иутин, молодой сибиряк, уступивший Веденину лыжню на последнем подъеме, через несколько лет окажется в составе нашей сборной.

Сейчас такие молодые гонщики, как Вячеслав Веденин, Владимир Воронков, Анатолий Акентьев, Анатолий Наседкин, добились отличной спортивной формы, а такие ветераны сборной, как Иван Утробин и Игорь Ворончихин (призер Инсбрукской олимпиады Ворончихин занял второе место в Кавголове на дистанции 30 километров), снова полны сил. Но значит ли это что лыжня повеселела надолго? Нет. Настораживает то, что наши главные соперники — скандинавские лыжники — еще не раскрыли своих козырей. Воронков, Наседкин и Акентьев не встретились в Швеции с лучшим гонщиком нынешнего сезона Андерссоном, а финны прислали в Кавголово всего лишь двух своих сильных лыжников — Ментюранта и Хухтала, которые, судя по всему, не вошли еще в форму. (Есть все основания предполагать, что и Ментюранта и норвежец Эгген в этом году решили поберечь силы и готовиться к решающим встречам на олимпийской лыжне в Гренобле.)

Словом, не следует забывать, что главное еще впереди, что не за горами решающие встречи со скандинавскими гонщиками в Фалуне, Лахти, Холменколлене и Гренобле (на олимпийской лыжне в этом году будет проведена генеральная репетиция). Лишь после этих соревнований мы сможем окончательно решить, сумели ли наши лыжники после прошлогодних неудач добиться решающего перелома.

Старт гонки на 70 километров в Планерной.

Кавголово. Иван Утробин обходит Эрро Ментюранта.

ПОВЕСЕЛЕЛА ?

На последнем подъеме тридцатикилометровой гонки в Кавголове. В. Веденин (№ 66) обходит молодого сибирского лыжника Петра Иутина.

Результаты двух женских гонок на Кавголовских холмах оказались одинаковыми. Победила Клавдия Боярских, вторые места завоевала Алевтина Колчина, а третьи — Тойни Густафссон (Швеция). На снимке: Боярских и Густафссон обмениваются впечатлениями.

После финиша.

НЕРВЫ, НЕРВЫ!

В 13-м туре Д. Бронштейн, идущий в таблице под номером тринадцать, проиграл Е. Геллеру. Д. Бронштейн настолько разнервничался, что на четвертой неделе чемпионата потерпел еще два поражения. Еще хуже дела у А. Суэтина. После проигрыша В. Корчному последовала серия из трех поражений подряд. Кто мог после удачного старта предвидеть, что Д. Бронштейн и А. Суэтин во второй половине чемпионата потерпят такое крушение!

Не только проигрыш, но и ничья может вывести гроссмейстера из равновесия. Ужасное невезение преследует В. Смыслова. В 13-м туре он, хотя и видел ясное опровержение жертвы фигуры А. Гипслисом, все же упустил выигрыш. Еще обиднее случай, происшедший в следующей партии, В. Смыслова с Б. Гургенидзе: экс-чемпион мира потерял пол-очка в начисто выигранной позиции. Даже самый спокойный человек после двух таких неудач теряет покой. Поэтому не удивительно, что в 15-м туре Смыслов провел ответственную партию с А. Лейном ниже своих возможностей и находится под угрозой поражения. Только очень мощный финиш может ввести В. Смыслова в лидирующую группу.

Но шахматный чемпионат преподносит нам не только трагедии. Курьезный случай произошел во встрече Тайманова с Дорошкевичем. Позиция гроссмейстера была безнадежна, Дорошкевичу не выиграть эту партию казалось просто немыслимым, но грозненскому мастеру с большим трудом удалось найти путь к проигрышу... После этого неожиданного успеха М. Тайманов разыгрался во всю силу. В разгромном стиле он нанес поражение Р. Холмову, Р. Савону и Э. Гуфельду и стал одним из лидеров чемпионата.

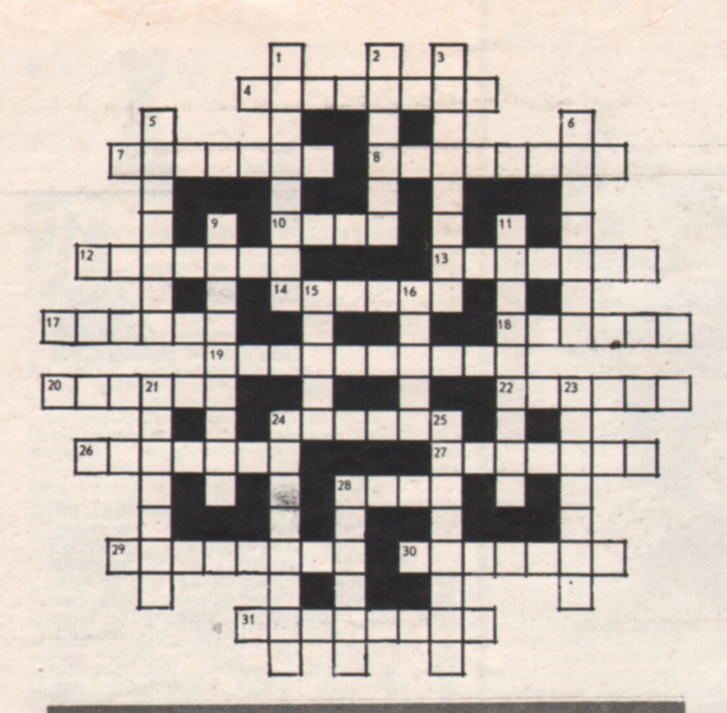
Вспоминается XVII чемпионат страны в 1949 году, на который приехал дебютант Е. Геллер из Одессы. Молодой человек не проявил никакого уважения ни к мастерам, ни к гроссмейстерам и на протяжении многих туров уверенно лидировал. Только в последний момент его остановил Р. Холмов. Примерно в таком же духе действует теперь А. Лейн. Е. Геллер, за эти годы превратившийся в шахматного профессора, в 16-м туре экзаменовал А. Лейна, остановил его триумфальное продвижение. Имея десять очков, Геллер практически обеспечил себе выход в четверку и теперь, бесспорно, думает о большем: о золотой медали чемпиона СССР. Однако отстающие от лидера лишь на пол-очка Л. Штейн, Н. Крогиус и М. Тайманов стремятся, и не без оснований, к этому же. Что касается А. Лейна, то можно лишь напомнить, что каждый шахматист — кузнец своего шахматного счастья.

Чувствуется дыхание финиша. В 16-м туре зафиксирована только одна-единственная ничья. Наконец-то первую победу одержал В. Либерзон, которому сдался А. Суэтин. Удивительные результаты у ленинградского мастера Осноса. Он победил трех гроссмейстеров — Геллера, Полугаевского и Бронштейна,— но со своими братьями-мастерами никак не может справиться и проиграл на этот раз А. Гипслису.

Кстати, о Гипслисе. Он очень упорный защитник и неоднократно спасал тяжелые позиции. Гипслис проиграл всего одну партию и после 16 туров только на пол-очка отстает от лидирующей группы. Таким образом, А. Гипслиса надо тоже считать серьезным претендентом на выход в четверку.

С. ФЛОР,
международный гроссмейстер

Тбилиси,
по телефону.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Одна из основных форм логического мышления. 7. Инициалы, связанные в общий рисунок. 8. Пролив, соединяющий Балтийское и Северное моря. 10. Оледенелая корка снега. 12. Высокогорный курорт в Грузии. 13. Рамка с валиком для бумаги в пишущей машинке. 14. Город на Оке. 17. Денежная единица в Древней Руси. 18. Материал для нанесения изображений на переплеты книг. 19. Спортивное соревнование, включающее несколько упражнений. 20. Кусочек свинца с оттиском печати. 22. Порода собак. 24. Рыба, способная передвигаться по суше. 26. Центр Алтайского края. 27. Инструмент скульптора. 28. Английский писатель. 29. Твердое тело, имеющее форму многогранника. 30. Стихотворение А. С. Пушкина. 31. Порт в США.

По вертикали:

1. Горная порода. 2. Хищная птица. 3. Южное дерево, кустарник. 5. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Война и мир». 6. Река в Алма-Атинской области. 9. Судно, имеющее два корпуса. 11. Ученое звание. 15. Химический элемент. 16. Пьеса А. Н. Островского. 21. Артиллерийское орудие с коротким стволом. 23. Тригонометрическая функция. 24. Сборник литературных произведений. 25. Русский физик XIX века. 28. Устье реки с наносной равниной.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали:

7. Ирендык. 8. Реторта. 9. Тайга. 10. Венгерка. 11. Хаапсалу. 13. Сарафан. 15. Лавина. 17. Астров. 19. Кировабад. 20. Марина. 23. Кефаль. 26. Реплика. 29. Парнаиба. 30. Серенада. 31. Нерпа. 32. Серебро. 33. Регистр.

По вертикали:

1. Конфетти. 2. Проспект. 3. Гренада. 4. Октава. 5. Драхма. 6. Отранто. 12. Каравелла. 13. Санитар. 14. Насадка. 16. Визир. 18. Рампа. 21. Андреев. 22. «Искатели». 24. Фонетика. 25. Лопасть. 27. Ефанов. 28. «Косарь».

На первой странице обложки: Березы в зимнем уборе.

Фото Л. Бородулина.

На последней странице обложки: Вот она, броня атома (см. в номере репортаж «За красной чертой»).

Фото Г. Макарова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются. **Оформление А. КОВАЛЕВА.**

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00315. Подписано к печати 25/I 1967 г.
Формат бум. 70 × 108 1/8. 2,5 бум. л. Печ. л. 5,0.
Усл. печ. л. 7,0. Тираж 2 000 000. Изд. № 17. Заказ № 45.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

— Да как оно посмело вырасти на твоем пути, мой мальчик!

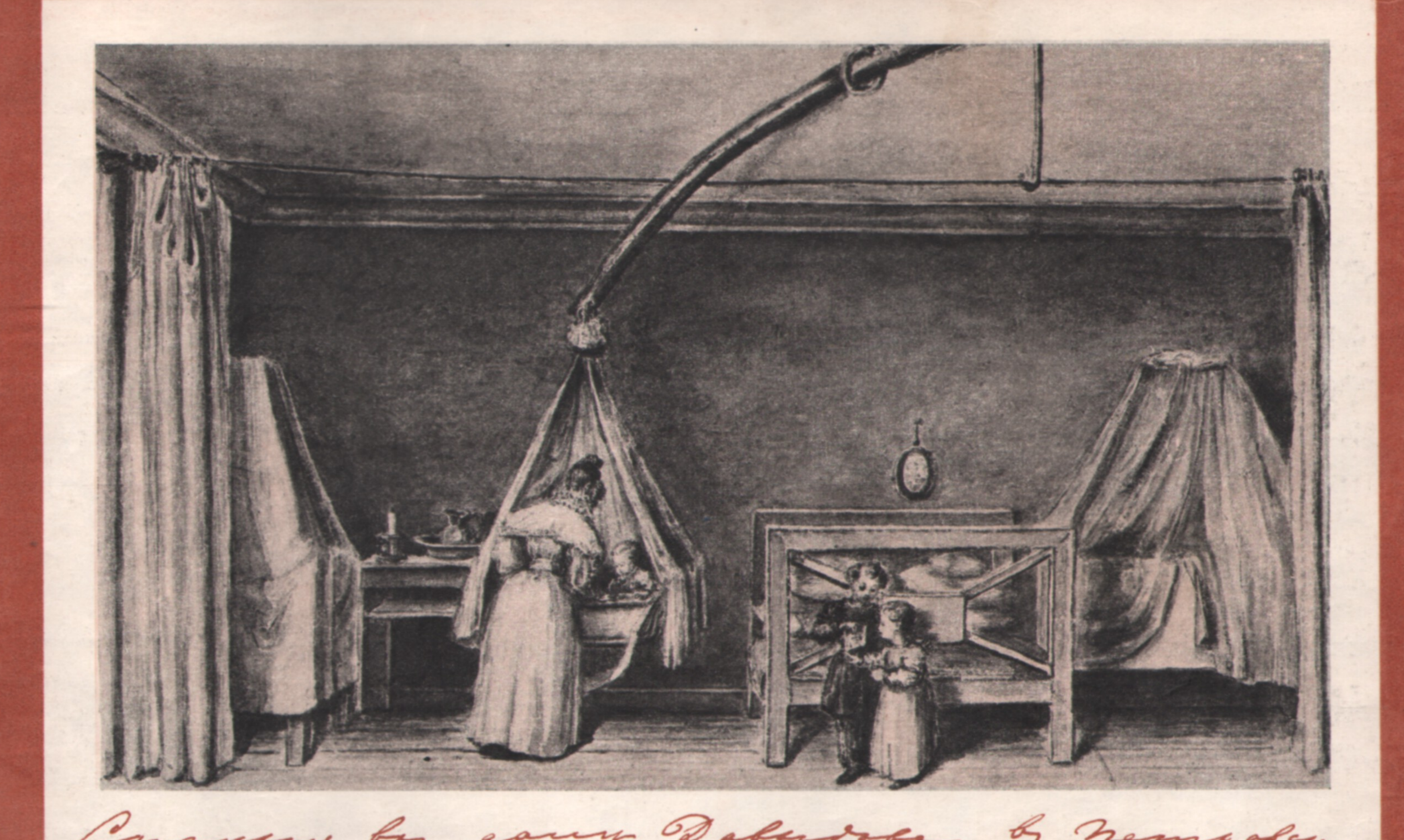
В перерыве между периодами.

— Вам на левую ногу или на правую!

Поговорила...

— Только так можно тебя загнать домой.

Рисунки Ю. Черепанова.

А. И. Давыдова с детьми в Петровском заводе. **Сепия неизвестного художника, 1830-е годы.**

ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ СИБИРИ **Акварели декабриста Петра Борисова, 1830-е годы.**

См. на стр. 17—20 статью И. С. Зильберштейна «Сибирский альбом декабристки».

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663